

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 9 (178) сентябрь 2025

В НОМЕРЕ:

Лопашенко Н. А.

Без вины виноватые, или Еще раз
про вину и объективное вменение

Керимов А. Х.

Ответственность в сфере формирования
и расходования средств резервных фондов
субъектов Российской Федерации

Бекашев Д. К., Умрихина Е. Г.

Современное правовое регулирование
пенсионного обеспечения в рамках ЕАЭС

LEX RUSSICA



- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)



- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 19.09.2025
Объем 21,73 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, А. В. Савкина

Корректор

С. И. Ершова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).

Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.

Mailing address: Novochemushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.

Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).

Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.

Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of
Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

19.09.2025
Volume: 21.73 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, A. V. Savkina

Proof-reader

S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Староверова Е. В.** «Ссылка из виноватых» и другие виды процессуальных ссылок
в судопроизводстве Московской Руси второй половины XV — XVII в. 11

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Лагутин И. Б.** Финансово-правовой статус субъекта Российской Федерации,
находящегося в особых условиях: проблемы теории и практики 24
- Керимов А. Х.** Ответственность в сфере формирования и расходования
средств резервных фондов субъектов Российской Федерации 30

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Тишкевич А. А.** Предоставление заверений относительно будущих обстоятельств 39
- Борха С. С.** Взаимообусловленность исполнений
в двусторонних долевыми обязательствах 52

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Цветков В. В.** Защита прав работников от дискриминации
по заработной плате: опыт Евросоюза 65

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Лопашенко Н. А.** Без вины виноватые,
или Еще раз про вину и объективное вменение 72

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Шатов Н. А.** Теоретические и нормативные аспекты избрания меры
пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних 84

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Арасланова М. А.** Особенности личности участника
досудебного соглашения о сотрудничестве
по делам о незаконном обороте наркотических средств 96
- Соловьев А. А.** Тактико-криминалистические проблемы в связи
с эмоцией страха при расследовании преступлений террористического акта 109

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Моисеев К. В.** Ответственность транснациональных корпораций
за нарушения экологических прав детей 120

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

- Бекашев Д. К., Умрихина Е. Г.** Современное правовое регулирование
пенсионного обеспечения в рамках ЕАЭС 134

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Агапов А. Б. Постулаты немецкого полицейского права 146

Головина Ю. П. Зарубежный опыт применения мер
административного принуждения государственными органами,
входящими в систему обеспечения национальной безопасности 156

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Джиоев С. Х. Взаимодействие региональных органов прокуратуры
и конституционных (уставных) советов: понятие и формы 165

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Коробка Л. Е. Цифровая трансформация в области обращения
с отходами потребления: теоретико-правовые аспекты 178

Contents

PAGES OF HISTORY

- Staroverova E. V.** «Reference of the Guilty» and Other Types
of Procedural References in the Court Proceedings of Muscovite
Russia from the Second Half of the 15th to the 17th Centuries 11

FINANCIAL LAW

- Lagutin I. B.** Financial and Legal Status of a Constituent Entity
of the Russian Federation in Special Conditions:
Problems of Theory and Practice 24
- Kerimov A. K.** Liability in the Sphere of Formation
and Expenditure of Reserve Fund Resources
of the Constituent Entities of the Russian Federation 30

CIVIL LAW AND FAMILY LAW

- Tishkevich A. A.** Provision of Further
Representations Regarding Future Circumstances 39
- Borja S. S.** Interdependence of Performances
in Bilateral Share Obligations. 52

LABOR RELATIONSHIPS AND SOCIAL WELFARE

- Tsvetkov V. V.** Protection of Workers' Rights against
Wage Discrimination: The Experience of the European Union 65

CRIMINAL LAW

- Lopashenko N. A.** Guilty Despite No Fault:
A Reconsideration of Fault and Subjective Imputation 72

CRIMINAL PROCEDURE

- Shatov N. A.** Theoretical and Normative Aspects
of Custodial Remand for Juveniles. 84

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Araslanova M. A.** Personal Characteristics of a Participant
in a Plea Agreement in Illegal Drug Trafficking Cases 96
- Solovev A. A.** Tactical and Forensic Problems Associated
with the Emotion of Fear in the Investigation of Terrorist Act Crimes 109

INTERNATIONAL LAW

- Moiseev K. V.** Liability of Transnational Corporations
for Violations of Children's Environmental Rights 120

INTEGRATION LAW

Bekyashev D. K., Umrikhina E. G. Modern Legal Regulation of Pension Provision within the EAEU	134
---	-----

FOREIGN EXPERIENCE

Agapov A. B. The Postulates of German Police Law	146
Golovina Yu. P. Foreign Experience in the Application of Administrative Coercion Measures by State Bodies within the National Security System	156

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Dzhioev S. Kh. Interaction between Regional Prosecutorial Bodies and Constitutional (Charter) Courts: Concept and Forms	165
---	-----

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

Korobka L. E. Digital Transformation in the Field of Consumer Waste Management: Theoretical and Legal Aspects	178
---	-----

«Ссылка из виноватых» и другие виды процессуальных ссылок в судопроизводстве Московской Руси второй половины XV — XVII в.

Аннотация. Процесс доказывания в судопроизводстве Московской Руси второй половины XV — XVII в. имел целый ряд особенностей. Одной из них являлось использование процессуальных ссылок. Наибольший интерес представляют «ссылка из виноватых», «общая ссылка» и «ссылка в послушество». Вопреки распространенному мнению, они не выступали разновидностью свидетельских показаний и могли указывать на самые разные доказательства, в том числе письменные. Но к простому обозначению доказательств они также не сводились. Прибегая к «ссылке из виноватых», сторона судебного процесса выражала готовность проиграть дело в случае, если доказательство, на которое она ссылается, не подтвердит ее слов. Используя «общую ссылку», стороны делали указание на одно и то же доказательство, придавая ему решающий характер, а применение «ссылки в послушество», представлявшей собой возражение против ссылки противника, позволяло этого избежать. Таким образом, упомянутые виды процессуальных ссылок имели самостоятельное значение для разрешения судебных споров и должны быть признаны средствами доказывания особого рода.

Ключевые слова: «ссылка из виноватых»; «общая ссылка»; «ссылка в послушество»; свидетели; повальный обыск; доказательства; доказывание; судебный процесс; Московская Русь; Соборное уложение 1649 г.

Для цитирования: Староверова Е. В. «Ссылка из виноватых» и другие виды процессуальных ссылок в судопроизводстве Московской Руси второй половины XV — XVII в. // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 11–23. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.011-023.

«Reference of the Guilty» and Other Types of Procedural References in the Court Proceedings of Muscovite Russia from the Second Half of the 15th to the 17th Centuries

Ekaterina V. Staroverova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Higher School of State Audit (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
4staroverova@mail.ru

Abstract. The process of proof in the judicial proceedings of Muscovite Russia during the late 15th–17th centuries exhibited a number of distinctive features. One of these was the use of procedural references. The most notable among

© Староверова Е. В., 2025

* Староверова Екатерина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), г. Москва, Российская Федерация, 119991
4staroverova@mail.ru

them were the «reference from the guilty», the «general reference», and the «reference in obedience». Contrary to widespread opinion, these references were not a form of witness testimony and could point to various types of evidence, including written ones. However, they were not limited to merely identifying evidence. When resorting to the «reference from the guilty», a party to the judicial proceedings expressed its willingness to lose the case if the evidence it referred to did not confirm its claims. By using the «general reference», both parties pointed to the same piece of evidence, giving it decisive significance, while the «reference in obedience», which represented an objection to the opponent's reference, allowed them to avoid this outcome. Thus, the aforementioned types of procedural references held independent significance for resolving judicial disputes and should be recognized as a special type of proof.

Keywords: reference of the guilty; general reference; reference in obedience; witnesses; general search; evidence; proof; judicial process; Muscovite Russia; 1649 Council Code (Sobornoe Ulozhenie 1649).

Cite as: Staroverova EV. «Reference of the Guilty» and Other Types of Procedural References in the Court Proceedings of Muscovite Russia from the Second Half of the 15th to the 17th Centuries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):11-23. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.011-023.

Н и для кого не секрет, что изучение исторических документов, и в частности актов судебной практики, имеет существенное значение для правильного понимания юридических норм ушедших эпох. Вместе с тем, несмотря на растущую доступность подобных материалов, в современной научной литературе продолжают встречаться стереотипные взгляды, формирующие неточные представления о правовых реалиях прошлого. Так, уже больше столетия ученые утверждают, что «ссылка из виноватых» и «общая ссылка», применявшиеся в состязательном процессе в Московской Руси, — это виды (или формы) свидетельских показаний¹. Однако анализ материалов судебной практики вынуждает пересмотреть подобный вывод. Процессуальные ссылки вовсе не являлись видами свидетельских показаний и, несмотря на взаимосвязь с другими видами доказательств, могли иметь самостоятельное доказательственное значение.

Рассмотрим сначала «ссылку из виноватых». На основании ст. 160 гл. X Соборного уложения 1649 г.² принято считать, что она «была той формой свидетельских показаний, когда сторона, назвавшая свидетелей, соглашалась подчиниться обвинению, если свидетель, на которого она ссылалась, покажет против нее»³. Действительно, данная статья упоминает ссылку «на людей», а значит, на свидетельские показания. Но это не означает, что в московском судебном процессе не допускались «ссылки из виноватых» на другие виды доказательств.

«Ссылки из виноватых» появляются в судебных актах Московской Руси не позднее середины XVI в. Вот одно из наиболее ранних упоминаний такой ссылки, которое встречается в правой грамоте 1553 г. по земельному спору между крестьянами Пельшемской волости и Лопотовым монастырем, где представитель ответчика заявляет: «Яз, г-не, шлюся из виноватых на книги и на сотную на Пелшемскую письма Тимофея Ондреевича Корамышова с товарищи в том,

¹ См., например: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1900. С. 659; Памятники русского права. Вып. 6 / под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. С. 154; *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 234; Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985. Т. 3. С. 307, 309; *Мухаметшин Ф. Б.* Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России (IX — начало XX века): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 153, 155; *Никитина Е. В.* Из истории развития средств доказывания // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 11 (48). С. 2541.

² Далее текст Соборного уложения приводится по изданию: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 83–257.

³ Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л., 1987. С. 205.

что то сельцо Никольское в сотню написано за монастырем»⁴. Совершенно очевидно, что речь идет о ссылке не на свидетельские показания, а на письменные доказательства. И это далеко не единичный случай. В материалах судебной практики XVI–XVII вв. обнаруживаются «ссылки из виноватых» на самые разные документы: писцовые книги⁵, сотные⁶, дозорные⁷ и приправочные книги⁸, отводные межевые книги⁹, челобитные¹⁰, судные списки¹¹, правые грамоты¹², обыскные чертежи¹³, сыскные дела¹⁴, язычные списки¹⁵, явки¹⁶, поручные записи¹⁷, жалованные грамоты¹⁸, данные¹⁹, духовные грамоты²⁰,

строителивы грамотки²¹, третейские записи²², доездные памяти²³ и т.д. Соборное уложение не упоминает о «ссылках из виноватых» на письменные доказательства, но это упущение объясняется излишней казуистичностью его норм, а не изменениями в процессуальном праве. В судебных актах второй половины XVII в. «ссылки из виноватых» на письменные доказательства продолжают встречаться достаточно часто²⁴.

Конечно, помимо документов, истец и ответчик нередко ссылались «из виноватых» на показания свидетелей²⁵ или на обыск (опрос населения)²⁶, однако перечень возможных дока-

⁴ Акты, относящиеся до гражданской расправы России / сост. А. А. Федотов-Чеховский (далее — АГР). Киев, 1860. Т. 1. № 64. С. 117.

⁵ См., например: АГР. Т. 1. № 64, 104, 105. С. 117, 353, 360, 361; АГР. Киев, 1863. Т. 2. № 115. С. 22; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). М., 1997. Т. 1 / сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов. № 288. С. 277; АСЗ. М., 2008. Т. 4 / сост. А. В. Антонов. № 506. С. 402; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / сост. С. Н. Кистерев, Н. А. Тимошина (далее — АСЕМ). М., 1998. № 92, 224. С. 400, 415; Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства (далее — АЮ). СПб., 1838. № 25. С. 68; Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII веков / сост. А. И. Цепков (далее — СПИИРК). Рязань, 2005. Т. 4. № 71. С. 256.

⁶ См., например: АГР. Т. 1. № 64. С. 117; Т. 2. № 130. С. 295.

⁷ См., например: АГР. Т. 1. № 97. С. 302; СПИИРК. Т. 4. № 71. С. 255.

⁸ См., например: АГР. Т. 1. № 101. С. 328.

⁹ См., например: АГР. Т. 2. № 161. С. 618.

¹⁰ См., например: АГР. Т. 1. № 104. С. 353; Т. 2. № 159. С. 606; АСЗ. Т. 1. № 116. С. 89.

¹¹ См., например: АГР. Т. 1. № 71. С. 180.

¹² См., например: АГР. Т. 1. № 71, 97. С. 180, 302.

¹³ См., например: СПИИРК. Т. 4. № 63. С. 223.

¹⁴ См., например: АГР. Т. 2. № 115. С. 25.

¹⁵ См., например: АСЗ. Т. 1. № 116. С. 89.

¹⁶ См., например: АГР. Т. 1. № 70, 105. С. 149, 360; АСЗ. Т. 4. № 506. С. 402.

¹⁷ См., например: АГР. Т. 1. № 105. С. 360.

¹⁸ См., например: АГР. Т. 1. № 105. С. 360; Т. 2. № 115. С. 25.

¹⁹ См., например: АГР. Т. 1. № 71. С. 186; Т. 2. № 161. С. 618.

²⁰ См., например: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. № 157. С. 271.

²¹ См., например: АГР. Т. 2. № 118. С. 148.

²² См., например: АГР. Т. 2. № 118. С. 155.

²³ См., например: АГР. Т. 2. № 127. С. 285.

²⁴ См., например: АГР. Т. 2. № 127, 159, 161. С. 285, 295, 606, 618, 647.

²⁵ См., например: АГР. Т. 1. № 70, 74. С. 157, 214; АСЗ. Т. 4. № 506. С. 402; АСЕМ. № 224. С. 415; Акты, относящиеся до юридического быта древней России (далее — АЮБ). СПб., 1857. Т. 1. № 104. С. 648; АЮ. № 23. С. 56; СПИИРК. Т. 4. № 71. С. 254.

²⁶ См., например: АГР. Т. 1. № 97, 101, 104, 105. С. 302, 327, 353, 361; Т. 2. № 115, 127, 134. С. 22, 286, 322; АСЗ. Т. 4. № 497, 506. С. 369, 402.

зательств этим не исчерпывается. Например, известны «ссылки из виноватых» на результаты осмотра местности. Так, в тексте правой грамоты 1561 г. по спору о деревнях между Чудовым монастырем и Василием Петлиным звучит следующее ходатайство ответчика: «Дайте из виноватых ззорщика: будет найдет на тех деревнях те хоромы, кои в кабале писаны, и яз тем и виноват»²⁷. В данном случае ответчик просил провести осмотр местности в целях обнаружения признаков запустошения деревень. А в судебном деле 1615 г. истец Лука Гаркунов заявил похожее ходатайство, пытаясь убедить суд в том, что ответчик, его сосед Иван Хобаров, изменил границы земельных участков: «И Лучка стоя говорил, слался из виноватых: Поди де, господине судья, яз тебя доведу: за его двором старые подгнитые столбы. И староста досматривал позаде Иванова двора: подгнитые столбы дворовые сарайные видели»²⁸.

В примечательном деле 1646–1648 гг. о займе и жалобе на бесчестие между иностранцами Антоном Томсоном и Елизаром Ролантом встречается еще более необычная «ссылка из виноватых». Ответчик, желая доказать, что не оскорблял истца, а лишь назвал вещи своими именами, сослался «из виноватых» на факт биографии последнего, заявив в суде: «Да шлюсь, государь, из виноватых на его Антоново прежнее озарничество в том, как в прошлом во 152 году на праздник на Троицын день он Антон за Покровскими вороты иноземца сержанта Елизарья Садлента сколол шпагою до смерти, тотчас и умер»²⁹. Эти сведения, полученные из объяснений ответчика, должны были показать, почему «Елизарей назвал его Антона человекоубийцем»³⁰.

Допускались также «ссылки из виноватых» на нормативные правовые акты, которые в то время, по-видимому, примыкали к ссылкам на письменные доказательства³¹. Например, в судебном споре 1625 г. между Фадеем Плещеевым и Ариной Басмановой представитель ответчицы, отрицая возможность родового выкупа вотчины со стороны истца, сделал следующее заявление: «Шлюсь, Государь, из виноватых в Помесной Приказ на Государево Уложение и на боярский приговор в том, что по Государеву Уложению выкупать вотчины, хто которым прозвищем слывет, тому тем вотчины и выкупать, а хотя хто тово ж роду и ближнее и родитель, а прозвищем иным, и тем тех вотчины в выкуп не давать»³².

Рассмотренные примеры демонстрируют, что «ссылка из виноватых» являлась не видом свидетельских показаний, а особым заявлением истца или ответчика, которое могло быть сделано в связи с указанием на самые разные доказательства. Ссылаясь «из виноватых», тягущаяся сторона проявляла готовность проиграть дело в случае, если соответствующее доказательство не подтвердит ее доводов. Превалирующее значение этого негативного эффекта «ссылки из виноватых» особо подчеркивалось в ст. 9 Приговора о губных делах 1556 г.³³ и в ст. 160 гл. X Соборного уложения. Даже малейшее несоответствие сведений, полученных с использованием «ссылки из виноватых», утверждениям стороны, ее заявившей, должно было приводить к проигрышу дела. Однако подобный формализм на практике смягчался. Так, в уже упоминавшемся споре 1625 г. между Фадеем Плещеевым и Ариной Басмановой в Поместный приказ был направлен запрос по ссылке на «Государево

²⁷ АЮБ. Т. 1. № 52 (VII). С. 226.

²⁸ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. СПб., 1894. Т. 14. № X. С. 841.

²⁹ АЮБ. Т. 1. № 104. С. 648.

³⁰ АЮБ. Т. 1. № 104. С. 651.

³¹ См., например: АГР. Т. 1. № 94. С. 267; Т. 2. № 159, 175. С. 606, 711.

³² АГР. Т. 1. № 94. С. 267.

³³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АИ). СПб., 1841. Т. 1. № 154 (V). С. 256. Ср.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты / под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. № 16. С. 41.

Уложение и боярский приговор». Ответ из Поместного приказа гласил: «О таких родовых вотчинах <...> указу и боярского приговору не сыскано»³⁴. Казалось бы, сведения, полученные из приказа, не соответствовали утверждениям представителя ответчицы, а значит, «ссылка из виноватых» должна была повлечь за собой ее поражение. Однако, несмотря на некорректность ссылки, верная по существу аргументация позволила ответчице выиграть дело³⁵. То есть на практике об «автоматическом» решении спора на основании «ссылки из виноватых» не могло быть и речи. Как правило, несоответствие полученных сведений заявлениям лица, ссылавшегося «из виноватых», служило лишь одним из аргументов в пользу его противника, тем более что тяжущиеся могли неоднократно прибегать к «ссылкам из виноватых» в одном судебном процессе³⁶ и без всесторонней оценки доказательств вынести решение зачастую было просто невозможно. Указание на некорректность ссылки обычно включалось в мотивировочную часть судебного решения, как, например, в правой грамоте 1657 г. по земельному спору помещика Михаила Дурново с митрополитом Ростовским и Ярославским Варлаамом: «И та ево Михайлова вина, ево же обыскные люди сказали не по ево ссылке; <...> и в том Михайло виноват по своей ссылке»³⁷.

Необходимо добавить, что, ссылаясь «из виноватых», участники процесса преследовали и позитивную цель — придать особую значимость тому или иному доказательству и убедить суд в своей правоте. Этот мотив использования «ссылки из виноватых» нашел отражение в ст. 178 гл. X Соборного уложения: истец, настаивающий на подобной ссылке, «хочет тем

прав и виноват быти». Примечательно, что во второй половине XVII в. эта формула стала альтернативным обозначением «ссылки из виноватых»³⁸. Примером может служить выдержка из правой памяти 1664 г. по земельному спору Великоустюжского Ивановского монастыря с крестьянами Бебениными: «И ответчик Васка Бебенин слался из виноватых на сотную книгу писцов Микиты Вышеславцова с товарищи 134 году в том, что к той де монастырской деревне Коробейникову за речкою Стригою черного лесу не написано <...>; тем де он Васка хочет прав и виноват быти»³⁹. В приведенном отрывке выражение «хочет прав и виноват быти» используется вместе с традиционными словами «слался из виноватых». В других случаях, как в правой выписи 1694 г. по спору о беглых крестьянах между монастырями Спасо-Евфимьевым и Новоспасским, присутствует только новая формула: «А они де исцы тою писцовой выписью правы и виновати быт хотят»⁴⁰.

Надо отметить, что «ссылка из виноватых» могла заявляться исключительно по инициативе тяжущихся сторон — «из воли» — согласно ст. 160 гл. X Соборного уложения, поэтому судьи никогда не предлагали участникам процесса сослаться на какое-либо доказательство «из виноватых» и обычно даже не ставили перед ними такого вопроса. Впрочем, в материалах судебной практики конца XVII в. судьи спрашивали о желании сторон использовать «ссылку из виноватых» иногда, например, так: «И на те <...> указы, про которые они ответчики скажут об отставке тех писцовых книг, шлютца ли, и правы и виновати быт хотят ли?»⁴¹ Однако вопрос задавался по инициативе не самих судей, а противо-

³⁴ АГР. Т. 1. № 94. С. 278.

³⁵ АГР. Т. 1. № 94. С. 285.

³⁶ См., например: АГР. Т. 1. № 70, 71, 97, 101, 104, 105. С. 149, 157, 180, 186, 302, 303, 327, 328, 353, 360, 361; Т. 2. № 115, 116, 127. С. 22, 25, 148, 155, 285, 286; АСЗ. Т. 1. № 116. С. 89, 90; Т. 4. № 506. С. 402; АСЦЕМ. № 224. С. 415; АЮБ. Т. 1. № 104. С. 648; СПИИРК. Т. 4. № 71. С. 254–256.

³⁷ АГР. Т. 1. № 104. С. 357.

³⁸ См., например: АГР. Т. 2. № 130, 159, 161, 163, 164. С. 295, 606, 618, 629, 647.

³⁹ АГР. Т. 2. № 130. С. 295.

⁴⁰ АГР. Т. 2. № 163. С. 629.

⁴¹ АГР. Т. 2. № 163. С. 629.

положной стороны процесса, т.е. об этом «бил челом истец, чтобы ответчика допросить»⁴².

Теперь обратимся к «общей ссылке». Она, без сомнения, имеет более раннее происхождение, чем «ссылка из виноватых», хотя самостоятельное наименование получает позже. Словосочетания «общая ссылка» и «общая правда» (в разных вариантах написания: «вобчая», «вопчая», «опчая» и т.п.) встречаются в законодательстве и судебной практике только с первой половины XVII в.⁴³, а вот зарождение самого процессуального приема, связанного с указанием сторон на одни и те же доказательства, из-за его простоты и обыденности проследить гораздо сложнее. Вместе с тем «общие ссылки» обнаруживаются в судебных актах Московской Руси не позже второй половины XV в.⁴⁴ При этом, как и «ссылки из виноватых», они могут указывать не только на свидетельские показания. Из буквального смысла ст. 170, 171 и 179 гл. X Соборного уложения следует, что «опчая ссылка» способна что-то говорить, лгать, кого-то уличать и даже нести юридическую ответственность — словом, «опчей ссылкой» называется человек, дающий показания в суде, т.е. свидетель, однако такое значение

является узкоконтекстуальным. На практике уже с первой половины XVI в. широкое распространение приобретают «общие ссылки» не только на показания свидетелей, но и на письменные доказательства⁴⁵, а также на обыск⁴⁶.

Рассуждая о роли «общей ссылки» в русском судопроизводстве, Н. Л. Дювернуа отмечал: «Обоюдная ссылка всего желательнее. Тогда дело тотчас решается»⁴⁷. Вторая часть этого утверждения не совсем верна. Возьмем правую грамоту 1464–1482 гг. по спору о рыбных ловлях, где истец Сота ссылался на показания свидетелей: «Есть у меня, господине, на то твои, великого князя, люди добрые, земьцы мои, <...> на тех ся господине и шлю»⁴⁸. На это ответчик Остафий заявил: «А я, господине, на том на них шлюся ж»⁴⁹. По идее, показания «добрых людей» должны были разрешить спор, однако этого не произошло. Хотя свидетели «Сатю оправили, а Остафья обвинили», Остафий потребовал «поля», т.е. судебного поединка, и в конечном итоге выиграл дело⁵⁰. Таким образом, в эпоху применения «поля» доказательства, полученные на основании «общей ссылки», не имели заранее установленной силы и могли быть отвергнуты судом. Впрочем, невозмож-

⁴² АГР. Т. 2. № 163. С. 629.

⁴³ См., например: АГР. Т. 1. № 97, 107. С. 302, 376 ; Т. 2. № 118. С. 148 ; АЮБ. Т. 1. № 104. С. 654 ; Сборник грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Т. 1. № 596. С. 774.

⁴⁴ См., например: АСЗ. Т. 4. № 494. С. 363 ; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1952. Т. 1 / отв. ред. Б. Д. Греков. № 582, 595, 604. С. 462, 491, 502 ; АСЭИ. М., 1958. Т. 2 / отв. ред. Л. В. Черепнин. № 296, 492. С. 252, 533 ; АСЭИ. М., 1964. Т. 3 / отв. ред. Л. В. Черепнин. № 288. С. 303.

⁴⁵ См., например: АГР. Т. 1. № 14, 53, 57, 64, 66, 71, 75, 94, 104, 105. С. 10, 71, 96, 102, 117, 129, 186, 209, 265, 354, 361 ; Т. 2. № 116, 130, 156, 177. С. 91, 295, 583, 732 ; Акты Русского государства 1505–1526 гг. / сост. С. Б. Веселовский (далее — АРГ). М., 1975. № 194. С. 196 ; АСЗ. Т. 1. № 277, 288. С. 251, 278 ; АСЕМ. № 27, 51, 91, 92, 221, 224. С. 73, 118, 174, 194, 402, 415 ; АСЭИ. Т. 2. № 296. С. 254 ; Т. 3. № 390. С. 402 ; АЮБ. Т. 1. № 52 (V). С. 205 ; АЮ. № 20. С. 44 ; Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археологической комиссией. Т. 14. № X. С. 843 ; Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 1. № 76. С. 78.

⁴⁶ См., например: АГР. Т. 1. № 49, 97, 101, 105. С. 62, 302, 328, 361 ; Т. 2. № 134. С. 322 ; АРГ. № 77, 194, 255. С. 83, 196, 260 ; АСЗ. Т. 1. № 229. С. 204 ; Т. 4. № 503. С. 393 ; АСЕМ. № 51, 92, 244. С. 118, 201, 459 ; АСЭИ. Т. 3. № 223. С. 243 ; СПИИРК. Рязань, 2005. Т. 3. № 99. С. 478.

⁴⁷ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России: Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 392–393.

⁴⁸ АСЭИ. Т. 3. № 364. С. 386.

⁴⁹ АСЭИ. Т. 3. № 364. С. 386.

⁵⁰ АСЭИ. Т. 3. № 364. С. 386.

ность применения «поля» при «общих ссылках» на письменные доказательства, а также ограничение практики проведения судебных поединков после утверждения Приговора о губных делах (а затем и ее полное отмирание) привели к тому, что доказательства, полученные на основании «общей ссылки», стали всё чаще определять исход дела. Впрочем, как и «ссылки из виноватых», «общие ссылки» нередко заявлялись в одном процессе неоднократно, что могло затруднять вынесение решения⁵¹.

В Соборном уложении формальные требования к сбору и оценке доказательств были значительно усилены. Статьи 167 и 168 гл. X предписывали при наличии «общих ссылок» вершить дело, опираясь исключительно на них, без принятия других ссылок, а значит, и без исследования иных доказательств. Решение должно было выноситься по формальному критерию даже в том случае, когда при «общей ссылке» на нескольких свидетелей они расходились между собой в показаниях: согласно ст. 169 гл. X Соборного уложения суд должен был опираться на показания большинства опрошенных. С этого времени множественные «общие ссылки» вышли из употребления, а судебный процесс несколько упростился.

Особо следует отметить, что со второй половины XVI в. судебная практика допускала совмещение «общей ссылки» и «ссылки из виноватых», создававшее комбинацию в виде «общей ссылки из виноватых»⁵². Подобная возможность была подтверждена в ст. 168 и 180 гл. X Соборного уложения, однако не видно, чтобы «общая

ссылка» и «общая ссылка из виноватых» различались по правовым последствиям. Вполне вероятно, что такие различия существовали в XVI в. и сводились к тому, что «общая ссылка из виноватых», в отличие от обычной «общей ссылки», исключала возможность проведения судебного поединка, но этому пока нет достаточных подтверждений. И неудивительно, ведь «ссылки из виноватых» появились как раз в тот период, когда значение судебных поединков как средства доказывания стало снижаться.

Итак, «общая ссылка» и «ссылка из виноватых» не были напрямую привязаны к какому-либо одному виду доказательств, могли комбинироваться между собой и имели в Московской Руси самостоятельное значение для разрешения судебных споров.

Рассматривая упомянутые виды процессуальных ссылок, ученые зачастую упускают из поля зрения тот факт, что в судопроизводстве XVI–XVII вв. существовал еще один вид ссылок с особым наименованием и процессуально-правовым эффектом. Это «ссылка в послушество», которая упоминается в ст. 1 Приговора о губных делах⁵³, а также в ст. 179, 180 и 182 гл. X Соборного уложения.

Прежде чем рассуждать о смысле и юридическом значении «ссылки в послушество», следует подчеркнуть, что они принципиально отличаются от «ссылок не в послушество», которые фигурируют во многих судебных актах первой половины XVI в.⁵⁴ Однако созвучность терминов и недопонимание их правового содержания привели к тому, что историки-архивисты, публи-

⁵¹ См., например: АГР. Т. 1. № 46, 49, 64, 97, 105. С. 53, 58, 60, 62, 105, 117, 118, 302, 303, 361 ; Т. 2. № 116, 118. С. 91, 148, 149 ; АРГ. № 194, 230, 255. С. 194, 196, 233, 258–260 ; АСЗ. Т. 1. № 146. С. 119 ; Т. 4. № 503. С. 391, 393 ; АСЕМ. № 92. С. 194, 196, 201 ; АСЭИ. Т. 1. № 582, 595. С. 461, 462, 491 ; Т. 2. № 296. С. 252, 254 ; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М., 1951. Ч. 1 / отв. ред. С. В. Бахрушин. № 256, 258. С. 218, 223 ; АЮБ. Т. 1. № 52 (V). С. 205, 208 ; АЮ. № 19, 20. С. 41–45 ; Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках / сост. Н. П. Лихачев (далее — СА). СПб., 1895. Вып. 2. № X. С. 199, 200.

⁵² См., например: АГР. Т. 1. № 97, 101, 105. С. 302, 328, 361 ; Т. 2. № 130. С. 295 ; АСЕМ. № 221, 224. С. 402, 415.

⁵³ АИ. Т. 1. № 254 (V). С. 254 ; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. № 16. С. 39.

⁵⁴ См., например: АРГ. № 194, 255. С. 196, 260 ; АСЗ. Т. 1. № 229, 277. С. 204, 256 ; АСЕМ. № 51. С. 118 ; АСЭИ. Т. 3. № 223. С. 243 ; СА. Вып. 2. № IX, X. С. 187, 202 ; СППИРК. Т. 3. № 99. С. 478.

кующие материалы судебной практики Московской Руси, были склонны видеть в этих словосочетаниях описки. Иногда в них убирают или добавляют частицу «не» вопреки оригинальным текстам, что создает большую путаницу⁵⁵.

«Ссылки не в послушество» обычно звучат так: «А сверх того, господине, шлюся на обыск, не в послушество»⁵⁶. Другой вариант: «Шлемся в слух и в обыск, а не в послушество»⁵⁷. Крайне редко такие ссылки формулируются в усеченном виде, без упоминания обыска. Например, в правой грамоте 1521 г. по земельному спору между служилым человеком Иваном Елизаровым и Троицким Сергиевым монастырем представитель ответчика заявляет: «Сверх тово, господине, шлюся опрично своих старожильцов не в послушество на дети на боярские <...> да на великого князя крестеян на люди на добрые»⁵⁸, — но в мотивировочной части решения опять же подчеркивается, что это ссылка «в обыск, а не в послушество»⁵⁹. Таким образом, выражение «слаться не в послушество» использовалось в заявлениях о проведении обыска,

т.е. опроса населения, который противопоставлялся обычным показаниям свидетелей-послухов. Его результаты считались особым видом доказательств. Институт обыска активно развивался на протяжении всего XVI в.⁶⁰, поэтому и терминология, касавшаяся ссылок на обыск, была неустойчива. Помимо словосочетания «не в послушество», встречались такие выражения, как «в обыск»⁶¹, «в слух и в обыск»⁶², «в ведомо»⁶³, «в видение»⁶⁴, «в повальный обыск»⁶⁵. Все эти варианты ссылок на обыск как указания на конкретный вид доказательств могли сочетаться со «ссылками из виноватых» и «общими ссылками». Например, в правой грамоте 1628 г. по земельному спору между монастырями Троицким Даниловым и Троицким Сергиевым есть отрывок, свидетельствующий об использовании «общей ссылки из виноватых в повальный обыск»: «Истец Ждан Ляпунов, выслушав тое ево словесную ссылку на ту же опчею правду на Переславль и на Переславской уезд, опричь Горицкого монастыря, в повалной обыск слался же из виноватых»⁶⁶.

⁵⁵ Известны как минимум два примера такого искажения. Одна из ошибок была допущена в первой половине XIX в. Археографической комиссией. В тексте правой грамоты 1547 г. по делу о беглом кабальном холопе Онисимке Оникиеве частица «не» была опущена во фразе: «Шлюся, господине, в послушество в Володимерь» (АЮ. № 22. С. 50). Несоответствие оригиналу было обнаружено в конце XX в. А. В. Антоновым и К. В. Барановым, которые вернули потерянную частицу в новой публикации акта (АСЗ. Т. 1. № 229. С. 204). Однако А. В. Антонов совершил другую ошибку, вопреки тексту рукописи добавив частицу «не» к словосочетанию «слался в послушество» в правой грамоте 1584 г. по земельному спору между Тимофеем Шиловским и Андреем Шерефединовым. В итоге получилась словесная конструкция, которая в судебном процессе Московской Руси никогда не применялась: «не слался в послушество» (АСЗ. Т. 4. № 497. С. 369).

⁵⁶ АРГ. № 255. С. 260.

⁵⁷ АСCEM. № 51. С. 118.

⁵⁸ АРГ. № 194. С. 196.

⁵⁹ АРГ. № 194. С. 197.

⁶⁰ Подробнее см.: Сокольский В. В. Главнейшие моменты в истории повального обыска. Киев, 1871. С. 30–43.

⁶¹ См., например: АГР. Т. 1. № 70. С. 149; АСCEM. № 92. С. 200; СА. Вып. 2. № XI, XII. С. 214, 228.

⁶² См., например: АГР. Т. 1. № 70, 71, 83. С. 158, 168, 230; Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. / отв. ред. В. Д. Назаров (далее — АММС). М., 1998. № 75. С. 185; АСЗ. Т. 4. № 497, 503. С. 369, 393; АСCEM. № 51, 91, 221, 224, 244. С. 118, 181, 401, 414, 458; АЮБ. Т. 1. № 52 (V). С. 211; СА. Вып. 2. № XI. С. 214.

⁶³ См., например: АСCEM. № 92. С. 211.

⁶⁴ См., например: АСЗ. Т. 4. № 497. С. 369; АГР. Т. 1. № 57. С. 94; СА. Вып. 2. № XII. С. 228.

⁶⁵ См., например: АГР. Т. 1. № 97, 101, 105. С. 302, 328, 361.

⁶⁶ АГР. Т. 1. № 97. С. 303.

«Ссылка в послушество» имеет совершенно другую природу, нежели ссылка на обыск. При этом слово «послушество» в названии ссылки не только не объясняет ее суть, но и оказывается для некоторых исследователей камнем преткновения.

Хорошо известно, что «послушеством» в русском праве назывались свидетельские показания⁶⁷. Об этом, в частности, говорит статья 66 Пространной редакции Русской Правды⁶⁸, а также статьи 48, 52 и 67 Судебника 1497 г.⁶⁹ По этой причине Н. Е. Носов, комментируя ст. 1 Приговора о губных делах, где упоминается «ссылка в послушество», объяснил ее как ссылку «на прямых свидетелей»⁷⁰. Комментируя ст. 181 гл. X Соборного уложения, А. Г. Маньков сделал похожий вывод о том, что слово «послушество» используется «в смысле обычного свидетельства»⁷¹. Как будет показано ниже, такая позиция в корне неверна, равно как и мнение Б. И. Сыромятникова о том, что выражение «слаться в послушество» в Соборном уложении подразумевает «общую ссылку», т.е. тот случай, как объясняет ученый, «когда оба тяжущихся слались на одних и тех же свидетелей»⁷².

Более точное объяснение «ссылке в послушество» дал дореволюционный автор В. Г. Демченко, а также современные исследователи В. М. Курицын и Л. В. Батиев. Так, В. М. Курицын утверждал, что «ссылка в послушество» озна-

чала «отвод свидетелей по мотивам их зависимости и дружбы с противной стороной»⁷³. По мнению Л. В. Батиева, она представляла собой не столько отвод, сколько «условное допущение свидетеля»⁷⁴. В. Г. Демченко, изучив вопрос в историческом развитии, считал, что первоначально, «ссылаясь в послушество, противник, по-видимому, выражал этим только то, что он, по недоверию к свидетелям, не может безусловно подчинить решение спорного обстоятельства их свидетельству и потому удерживает за собою право опровергать их»⁷⁵, однако впоследствии «ссылка в послушество» стала приводиться законодательством «в пределы чисто отвода свидетелей»⁷⁶, выступая «в противоположность ссылке беспрекословной»⁷⁷.

Если не принимать во внимание неоправданный акцент на связи «ссылок в послушество» со свидетельскими показаниями, мнение В. Г. Демченко следует признать наиболее близким к истине.

«Ссылки в послушество» появились в судебном процессе Московской Руси не позднее первой половины XVI в. Именно в этот период в судебных актах стали фиксироваться вопросы судей к сторонам спора об их желании или нежелании сослаться на доказательства, на которые ссылается противоположная сторона, например: «А ты <...> шлеш ли ся на книги на Васильева писма Чертенкова?»⁷⁸; или: «А ты

⁶⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. С. 1242.

⁶⁸ Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 69.

⁶⁹ Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 60, 62.

⁷⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Комментарии / под ред. Н. Е. Носова и В. М. Панеяха. Л., 1987. С. 39.

⁷¹ Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. С. 208.

⁷² Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа / под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М., 1915. С. 141.

⁷³ Курицын В. М. Концепция истории государства и права. М., 2017. С. 45.

⁷⁴ Батиев Л. В. «Сыск» в русском состязательном процессе второй половины XVII — начала XVIII в. // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 35.

⁷⁵ Демченко В. Г. Историческое исследование о показаниях свидетелей, как доказательстве по делам судебным, по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1859. С. 77–78.

⁷⁶ Демченко В. Г. Указ. соч. С. 78.

⁷⁷ Демченко В. Г. Указ. соч. С. 78.

⁷⁸ АРГ. № 77. С. 81.

шлеш ли ся на ево старожильци?»⁷⁹ Положительный ответ превращал ссылку в «общую», а значит, дело, с большой долей вероятности, предстояло решать на ее основании, что могло быть невыгодно участнику спора, которому предназначался вопрос. Конечно, оставался вариант не ссылаться на доказательство, однако ответ «не шлюсь», как показывает практика, воспринимался в судебном процессе XV–XVI вв. как признание неправоты и приводил к проигрышу дела⁸⁰. В связи с этим, по-видимому, и появились «ссылки в послушество». Они были своего рода промежуточным вариантом и позволяли избежать упомянутых негативных последствий, при этом не делая ссылку «общей». А поскольку «ссылка в послушество» так или иначе ставила доказательство противника под сомнение, в судебной практике выработался обычай приводить обоснования ее применения, например: «Шлемся, Г-рь, на Даниловы старожилцы в послушество; то, г-не, на нас старожилцы лживые»⁸¹; или: «Та, государь, даница лживая, воля ему даная давати на чужую полдвора; шлюся, господине на <...> даницу на его <...> в послушество»⁸². К началу XVII в. объяснение причин использования «ссылки в послушество» стало восприниматься судом как обязательное. Отсутствие обоснования могло быть расценено как обстоятельство, свидетельствующее о неправоте заявляющего ее лица. Так, в правой грамоте 1609 г. по земельному спору между старцем Авраамием Палицыным и Анисьею Катунинуою подчеркивается, что проигравшая дело ответчица «на Петра на Палицына и на диака на Василья на

Тороканова слалася в послушество ж, а отводу никоторого на них не сказала»⁸³. Таким образом, «ссылка в послушество» была не чем иным, как возражением тяжущегося против ссылки другой стороны судебного разбирательства. Именно в этом значении она и упоминается в ст. 179, 180 и 182 гл. X Соборного уложения.

Подобно «общей ссылке» и «ссылке из виноватых», «ссылка в послушество» носила универсальный характер и не была привязана к какому-либо одному виду доказательств.

В судебных актах Московской Руси встречается немало «ссылок в послушество» на свидетельские показания⁸⁴. Пожалуй, самая интересная из них содержится в тексте правой грамоты 1558 г. по земельному спору между Даниилом Рясиным и Кирилло-Белозерским монастырем: «И судьи Данило да Иван спросили Ондreja Простово, <...> да Савы Одинцова Кирилова монастыря слуги с товарищи: вы на те люди шлете ли ся, на которых шлет Данило Рясин, да его дети Юшко и Петрак? И Ондрей Простой, да Сава с товарищи тако ркли: шлемся, г-не, на них в послушество; то, г-не, на нас послушество лживое, те, г-не, послухи государям нашим истари недрузи»⁸⁵. В приведенном отрывке хорошо видна многозначность процессуальной лексики. При помощи «ссылки в послушество» представители ответчика заявляют возражение против ссылки истца на свидетелей-послухов, обвиняя их в «лживом послушестве», т.е. утверждая, что их показания являются ложными.

Не менее редко в материалах судебной практики обнаруживаются «ссылки в послуше-

⁷⁹ АРГ. № 194. С. 194.

⁸⁰ См., например: Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / сост. А. И. Юшков. М., 1898. № 128. С. 110; АРГ. Т. 1. № 57. С. 104; АСЭИ. Т. 1. № 521. С. 397; Т. 2. № 406. С. 422; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1. № 309. С. 266; АЮБ. Т. 1. № 52 (IV). С. 191; АЮ. № 15. С. 29; СА. № IX. С. 192.

⁸¹ АРГ. Т. 1. № 71. С. 167.

⁸² АЮ. № 23. С. 56.

⁸³ ДАИ. Т. 1. № 157. С. 274.

⁸⁴ См., например: АРГ. Т. 1. № 65, 70, 71, 75. С. 121, 149, 167, 208; АММС. № 75. С. 177; АСЗ. Т. 1. № 116, 229. С. 90, 91, 205; Т. 4. № 338, 497, 506. С. 254, 372, 402; АСЕМ. № 91, 224. С. 178, 414; АЮБ. Т. 1. № 52 (V–VII), № 104. С. 199, 216, 221, 648; АЮ. № 23. С. 56; ДАИ. Т. 1. № 157. С. 271; СА. Вып. 2. № XII. С. 221; СПИИРК. Т. 4. № 71. С. 255.

⁸⁵ АРГ. Т. 1. № 71. С. 169.

ство» на письменные доказательства⁸⁶. Помимо уже упоминавшейся ссылки на «даницу», для наглядности можно привести следующие примеры: «И яз, государь, шлюсь на книги и на розъезжую их грамоту в послушество»⁸⁷; «И Семен Хомяков на явку и на рядную послался в послушество»⁸⁸; «И князь Ондреев человек Илья Лобанов, выслушав мировые записи, <...> слался на ту запись в послушество»⁸⁹.

Довольно часто встречаются и «ссылки в послушество» на обыск⁹⁰. Следует отметить, что в XVI в., когда в ходу было обозначавшее обыск выражение «не в послушество», они выглядели наиболее любопытно. Особого внимания заслуживает диалог судей и истца из правой грамоты 1531 г. по земельному спору между Облязом Лодыгиным и Благовещенским Кержацким монастырем: «И судьи спросили Обляза: а ты шлелся не в послушество на обыск на три волости крестьян великого князя? И Обляз тако рек: яз, господине, шлюсь в послушество»⁹¹. Реплика истца, на первый взгляд похожая на каламбур, в действительности не лишена процессуального смысла. Используя «ссылку в послушество», истец лишь заявляет возражение против ссылки на обыск со стороны представителей ответчика.

Важно, что, имея особую цель применения, «ссылка в послушество» не могла совмещаться ни со «ссылкой из виноватых», ни тем более с «общей ссылкой», которой была противоположна.

Л. В. Батиев утверждает, что «ссылки в послушество» были запрещены Соборным уложением⁹², но это не совсем верно. Статья 180 гл. X Соборного уложения запретила их использова-

ние только для отвода уже заявленной «общей ссылки» в случае предъявления встречного иска. Однако самостоятельное значение «ссылок в послушество» было обесценено. В статье 158 гл. X Соборного уложения упоминалось, что в тех же самых целях, в каких использовалась «ссылка в послушество», истец или ответчик могли заявить отказ ссылаться на указанное другой стороной доказательство. То есть фраза «не шлюсь» стала восприниматься не как признание вины, а как возражение против ссылки противника. Такой подход был поддержан правоприменителями, и «ссылки в послушество» вышли из употребления⁹³.

Итак, судебная практика Московской Руси второй половины XV — XVII вв. выработала целую систему процессуальных ссылок, от выбора которых мог зависеть исход судебного разбирательства. Некоторые из них, как, например, «ссылка не в послушество», служили простым указанием на тот или иной вид доказательств, однако другие выполняли более сложную роль. Так, «ссылка из виноватых», «общая ссылка» и «ссылка в послушество» являлись особыми заявлениями сторон судебного процесса, позволяющими определить значимость исследуемых доказательств, а иногда — их достоверность и достаточность. Имея собственное значение для разрешения судебных споров, они должны рассматриваться как средства доказывания особого рода (*sui generis*).

История развития процессуальных ссылок занимала не менее двух столетий и завершилась в правление Петра I вместе с реформой судопроизводства. После издания Указа от

⁸⁶ См., например: АГР. Т. 1. № 70, 71, 75, 94, 97, 100, 105. С. 149, 182, 207, 267, 302, 325, 361 ; Т. 2. № 116. С. 91 ; АММС. № 75. С. 178 ; АСЗ. Т. 1. № 116, 288. С. 89, 277 ; АСЕМ. № 91, 224. С. 169, 416 ; АЮБ. Т. 1. № 104. С. 649 ; АЮ. № 23. С. 56 ; ДАИ. Т. 1. № 157. С. 271 ; СА. Вып. 2. № X. С. 205.

⁸⁷ АММС. № 75. С. 178.

⁸⁸ АСЗ. Т. 1. № 288. С. 277.

⁸⁹ АСЕМ. № 224. С. 416.

⁹⁰ См., например: АГР. Т. 1. № 64, 65, 70, 74, 105. С. 117, 124, 149, 203, 361 ; Т. 2. № 115. С. 26 ; АММС. № 75. С. 186 ; АСЗ. Т. 4. № 497. С. 368 ; АСЕМ. № 51, 91, 221, 224. С. 118, 173, 400 ; СА. Вып. 2. № IX, X, XII. С. 187, 205, 228 ; СПИИРК. Т. 3. № 20. С. 131 ; Т. 4. № 63. С. 223.

⁹¹ СА. Вып. 2. № IX. С. 187.

⁹² Батиев Л. В. «Сыск» в русском состязательном процессе... С. 35.

⁹³ См., например: АГР. Т. 2. № 127, 134, 151, 154, 156, 160, 163, 169. С. 285, 357, 479, 513, 584, 610, 628, 685.

21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах»⁹⁴ свою роль еще некоторое время продолжала сохранять «общая ссылка»⁹⁵, но в целом прежняя система процессуальных ссылок пришла в упадок.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батиев Л. В. «Сыск» в русском состязательном процессе второй половины XVII — начала XVIII в. // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 4. — С. 32–41.
2. Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 11 (72). — С. 11–18.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Киев, 1900. — 690 с.
4. Демченко В. Г. Историческое исследование о показаниях свидетелей, как доказательстве по делам судебным, по русскому праву до Петра Великого. — Киев, 1859. — 110 с.
5. Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России: Опыты по истории русского гражданского права. — М., 1869. — 420 с.
6. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Комментарии / под ред. Н. Е. Носова и В. М. Панеяха. — Л., 1987. — 264 с.
7. Курицын В. М. Концепция истории государства и права. — М., 2017. — 720 с.
8. Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. — Л., 1980. — 274 с.
9. Мухаметшин Ф. Б. Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России (IX — начало XX века) : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2004. — 363 с.
10. Никитина Е. В. Из истории развития средств доказывания // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 11 (48). — С. 2540–2545.
11. Памятники русского права. — Вып. 6 / под ред. К. А. Софроненко. — М., 1957. — 512 с.
12. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — Т. 1. — М., 1984. — 520 с.
13. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — Т. 2. — М., 1985. — 432 с.
14. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — Т. 3. — М., 1985. — 510 с.
15. Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. — Л., 1987. — 450 с.
16. Сокольский В. В. Главнейшие моменты в истории повального обыска. — Киев, 1871. — 158 с.
17. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — Т. 2. — СПб., 1902. — 1802 с.
18. Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа / под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. — М., 1915. — С. 16–180.
19. Хрусталева Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII — первая четверть XVIII в.) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 233 с.

Материал поступил в редакцию 27 января 2025 г.

⁹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 3. № 1572.

⁹⁵ См.: Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 15–16; Хрусталева Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII — первая четверть XVIII в.) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7–8, 52–53, 59.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Batiev L. V. «Sysk» v russkom sostyazatelnom protsesse vtoroy poloviny XVII — nachala XVIII v. // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — T. 15. — № 4. — S. 32–41.
2. Batiev L. V. Ukaz 21 fevralya 1697 g. i reforma sudoproizvodstva v Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2016. — № 11 (72). — S. 11–18.
3. Vladimirovskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. — Kiev, 1900. — 690 s.
4. Demchenko V. G. Istoricheskoe issledovanie o pokazaniyakh svideteley, kak dokazatelstve po delam sudebnym, po russkomu pravu do Petra Velikogo. — Kiev, 1859. — 110 s.
5. Dyuvernua N. L. Istochniki prava i sud v Drevney Rossii: Opyty po istorii russkogo grazhdanskogo prava. — M., 1869. — 420 s.
6. Zakonodatelnye akty Russkogo gosudarstva vtoroy poloviny XVI — pervoy poloviny XVII veka. Kommentarii / pod red. N. E. Nosova i V. M. Paneyakha. — L., 1987. — 264 s.
7. Kuritsyn V. M. Kontseptsiya istorii gosudarstva i prava. — M., 2017. — 720 s.
8. Mankov A. G. Ulozhenie 1649 goda — kodeks feodalnogo prava Rossii. — L., 1980. — 274 s.
9. Mukhametshin F. B. Organizatsionno-pravovye osnovy stanovleniya i razvitiya institutov obvineniya i zashchity v sudoproizvodstve Rossii (IX — nachalo XX veka): dis. ... d-ra yurid. nauk. — SPb., 2004. — 363 s.
10. Nikitina E. V. Iz istorii razvitiya sredstv dokazyvaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2014. — № 11 (48). — S. 2540–2545.
11. Pamyatniki russkogo prava. — Vyp. 6 / pod red. K. A. Sofronenko. — M., 1957. — 512 s.
12. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov: v 9 t. / pod obshch. red. O. I. Chistyakova. — T. 1. — M., 1984. — 520 s.
13. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov: v 9 t. / pod obshch. red. O. I. Chistyakova. — T. 2. — M., 1985. — 432 s.
14. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov: v 9 t. / pod obshch. red. O. I. Chistyakova. — T. 3. — M., 1985. — 510 s.
15. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst, kommentarii. — L., 1987. — 450 s.
16. Sokolskiy V. V. Glavneyshie momenty v istorii povalnogo obyska. — Kiev, 1871. — 158 s.
17. Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam. — T. 2. — SPb., 1902. — 1802 s.
18. Syromyatnikov B. I. Ocherk istorii suda v drevney i novoy Rossii // Sudebnaya reforma / pod red. N. V. Davydova i N. N. Polyanskogo. — M., 1915. — S. 16–180.
19. Khrustalev L. A. Sudebno-pravovye reformy Petra I (konets XVII — pervaya chetvert XVIII v.): dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2003. — 233 s.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.024-029

И. Б. Лагутин*

Финансово-правовой статус субъекта Российской Федерации, находящегося в особых условиях: проблемы теории и практики

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию проблемы изменения финансово-правового статуса субъекта РФ, который находится в особых условиях по отношению к другим субъектам РФ. В статье затрагиваются как теоретические, так и практические проблемы. Так, предлагается в науке финансового права разграничивать финансово-правовые статусы субъекта РФ, находящегося в стандартных условиях, и субъекта РФ, пребывающего в особых условиях, т.к. в данных условиях у субъекта РФ возникают новые элементы, связанные с реализацией дополнительных полномочий в части осуществления расходов, сокращения доходов бюджета. Под особыми обстоятельствами понимаются военные действия, боевые действия, чрезвычайная ситуация, контртеррористическая операция. Делается вывод, что в современном бюджетном законодательстве необходим раздел, посвященный бюджетным полномочиям субъектов РФ, находящихся в особых условиях, в котором могут быть предусмотрены дополнительные права и обязанности органов публичной власти субъектов РФ в бюджетной сфере. Данные особые условия должны учитывать и другие нормативные правовые акты, такие как НК РФ, законодательство, регулирующее закупку товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: регион; чрезвычайная ситуация; военные действия; особые условия; приграничный регион; региональное финансовое право; бюджетный федерализм; расходы бюджета; доходы бюджета; социальные расходы.

Для цитирования: Лагутин И. Б. Финансово-правовой статус субъекта Российской Федерации, находящегося в особых условиях: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 24–29. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.024-029.

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010), № 1024031900131-7-5.5.1.

© Лагутин И. Б., 2025

* Лагутин Игорь Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства, профессор кафедры публичного права Юго-Западного государственного университета, профессор кафедры публичного права Всероссийской академии внешней торговли
50 лет Октября ул., д. 94, г. Курск, Российская Федерация, 305040
lagutinigor81@mail.ru

Financial and Legal Status of a Constituent Entity of the Russian Federation in Special Conditions: Problems of Theory and Practice

Igor B. Lagutin, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial, Constitutional, Civil, and Administrative Court Procedure; Professor, Department of public Law, Southwest State University; Professor, Department of Public Law, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation
lagutinigor81@mail.ru

Abstract. This study is dedicated to the analysis of the issue related to changes in the financial and legal status of a constituent entity of the Russian Federation that is under special conditions compared to other constituent entities. The research addresses both theoretical and practical problems. The paper proposes distinguishing, within the science of financial law, between the financial and legal status of a constituent entity in standard conditions and the financial and legal status of a constituent entity under special conditions. This distinction is justified by the emergence of new elements in the financial and legal status of such entities, associated with the exercise of additional powers regarding budget expenditures and the reduction of budget revenues. Special conditions, as defined in this work, include military actions, combat operations, emergency situations, and counter-terrorism operations. The study concludes that modern budgetary legislation requires a separate section dedicated to the budgetary powers of constituent entities of the Russian Federation under special conditions. This section should provide for additional rights and responsibilities for public authorities of these entities within the budgetary sphere. Furthermore, these special conditions should also be accounted for in other normative legal acts, such as the Tax Code of the Russian Federation and legislation regulating the procurement of goods, works, and services for state and municipal needs.

Keywords: region; emergency situation; military actions; special conditions; border region; regional financial law; budgetary federalism; budget expenditures; budget revenues; social expenditures.

Cite as: Lagutin IB. Financial and Legal Status of a Constituent Entity of the Russian Federation in Special Conditions: Problems of Theory and Practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):24-29. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.024-029.

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the State Assignment «Legal Measures to Ensure Strategic Priorities to Counter Threats to National Security» (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1.

В части 1 ст. 5 Конституции РФ закреплено равноправное положение всех субъектов Российской Федерации, которое конкретизируется в ч. 4 этой же статьи как *равноправие всех субъектов Российской Федерации между собой*, а также *во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти*¹.

Стоит отметить, что на проблему равноправия субъектов Федерации постоянно обращал внимание Конституционный Суд РФ. Так, этот во-

прос в очередной раз затрагивался в постановлении Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 10 части 1 статьи 16 и части 9 статьи 83 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с запросом Государственного Совета Республики Татарстан»², где указано, что *равноправие субъектов Российской Федерации и иные принципы федеративного устройства требуют единообразия и сбалансированности* в распределе-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

² Российская газета. № 221. 02.10.2024.

нии предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами³.

Ранее в постановлениях Конституционного Суда РФ признавался за субъектами РФ *равный финансово-правовой статус*, в основе которого их финансово-бюджетная самостоятельность, реализуемая, однако, не изолированно, а в соответствии с принципами функционирования бюджетной системы РФ как единой, имеющей предназначением эффективное распределение и перераспределение финансовых ресурсов, посредством которого происходит финансовое обеспечение функций, возложенных на каждый из уровней публичной власти в РФ⁴, что не позволяет субъектам РФ про-

извольно отказываться от выполнения взятых на себя публично-правовых обязательств⁵.

То есть, с одной стороны, субъекты РФ обладают определенной *финансово-бюджетной самостоятельностью* и обязаны выполнять все взятые на себя обязательства, в том числе вытекающие из федеральных нормативных правовых актов. С другой стороны, регионы могут рассчитывать на определенный объем финансовой помощи в случае *недостаточности имеющихся в распоряжении публичной власти ресурсов*, возникшей вследствие *определенных обстоятельств*. В этом случае государство на федеральном уровне обязано максимально

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1996 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1 и пункта 4 статьи 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года “О дорожных фондах в Российской Федерации”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 4 ; определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2000 № 225-О «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 6 и части первой статьи 7 Закона Российской Федерации “О федеральных органах налоговой полиции”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2006 № 194-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Администрации Сахалинской области о проверке конституционности абзаца второго пункта 5 статьи 85 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 5.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов “О федеральном бюджете на 2002 год”, “О федеральном бюджете на 2003 год”, “О федеральном бюджете на 2004 год” и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковского» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 4 ; постановление Конституционного Суда РФ от 15.05.2006 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ “О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов ‘О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 3 ; определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2015 № 2739-О «По запросу Ленинского районного суда города Санкт-Петербурга о проверке конституционности Федерального закона “О приостановлении действия части второй статьи 43 Закона Российской Федерации ‘О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей’ в связи с Федеральным законом ‘О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов”» и части 9 статьи 8 Федерального закона “О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов”» // СПС «КонсультантПлюс» ; определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 № 2999-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Сергея Григорьевича на нарушение его конституционных прав частью 9 статьи 8 Федерального закона “О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов”» // СПС «КонсультантПлюс».

смягчить негативные последствия дефицита бюджета субъекта РФ⁶. При этом то, какие это обстоятельства, точно не установлено. Можно использовать применительно к субъектам РФ, в которых возникли вышеуказанные определенные обстоятельства, термин «субъекты, находящиеся в особых условиях».

Итак, финансово-правовой статус субъекта РФ не является статичным и может меняться в зависимости от возникновения особых обстоятельств. В этой связи важно разграничивать *финансово-правовые статусы субъектов РФ, находящихся в стандартных условиях, и субъектов РФ, пребывающих в особых условиях*.

К особым обстоятельствам стоит относить чрезвычайную ситуацию, контртеррористическую операцию, военные действия, боевые действия, если они проходят на территории субъекта РФ или в непосредственной близости к нему, например в приграничных субъектах Федерации. При этом проблема применения понятия «военные действия» в современных условиях рассматривалась Верховным Судом РФ, который в определении от 03.02.2025 по делу № А40-266406/2023 указал, что «военными являются действия, которые ведет Российская Федерация в военное время по отражению вооруженного нападения на страну другого государства или их группы, а также в случае необходимости выполнения международных договоров РФ», как это определено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». По мнению Верховного Суда РФ, понятие «военные действия» непри-

менимо к ситуации, возникшей в Белгородской области, т.к. «состояние войны в Российской Федерации не объявлялось. Военных действий, как они определены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в Белгородской области не велось»⁷. Поэтому страховщику придется возместить ущерб, нанесенный юридическому лицу, причиненный застрахованному имуществу в результате обстрела со стороны соседнего государства. Ранее страховая компания юридическому лицу в страховой выплате отказала, сославшись на то, что ущерб был причинен в результате военных действий, а такие риски исключены из ответственности страховщика согласно ст. 964 ГК РФ⁸. Что же касается Курской области, то произошедшее в этом регионе под понятие «военные действия» может подпадать, т.к. было именно отражение «вооруженного нападения на страну другого государства».

Стоит отметить, что ранее ущерб, причиненный имуществу физических и юридических лиц в результате обстрелов или падения осколков сбитых летательных объектов, возмещался исключительно за счет средств бюджета субъекта РФ, что приводило к возникновению значительных дополнительных расходов.

Важно обратить внимание на то, что существенно финансово-правовой статус субъекта РФ изменился после событий в Курской области в начале августа 2024 г., когда произошли вооруженное нападение на страну другого государства и временная оккупация части территории региона Российской Федерации, что привело к существенному нарушению прав граждан и юридических лиц, проживавших и осуществляв-

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края “О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края” в связи с жалобой гражданки М. С. Колесниковой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 4 ; постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2022 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона от 20 июля 2020 года № 228-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей”” в связи с жалобой гражданина А. В. Окулова» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1780.

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

ших деятельность на данных территориях. Коснулись указанные нарушения и публично-правовой сферы (публичной власти, бюджетного процесса, налогообложения и т.д.), что значительно изменило финансово-правовой статус Курской области по отношению к другим субъектам РФ. Так, предприниматели из приграничных районов Курской области, которые фактически лишились в августе 2024 г. своего имущества, были вынуждены заплатить налоги за 2023 г. до 1 декабря 2024 г. Однако в дальнейшем в соответствии с постановлением Правительства РФ от 04.09.2024 № 1222 «О мерах поддержки лицам, осуществляющим деятельность на отдельных территориях Курской области»⁹ лицам, ведущим предпринимательскую деятельность, местом нахождения (деятельности) которых является приграничная территория Курской области либо часть региона, на которой установлен правовой режим контртеррористической операции и в отношении жителей которой принято решение о временном отселении, продлили на 12 месяцев срок уплаты налогов на имущество, т.е. до 1 декабря 2025 г., а также срок уплаты страховых взносов¹⁰. В дальнейшем перечень налоговых льгот был расширен, что, по сути, указывает на создание на отдельных территориях Курской области особого налогово-правового режима, что, в свою очередь, не могло не сказаться на доходах бюджета Курской области и бюджетов отдельных муниципальных образований Курской области.

Более того, многие предприниматели столкнулись с проблемой невозможности прекращения регистрации транспортных средств, особенно специальной техники (сельскохозяйственной, дорожной и т.д.). Так, в отношении специальной техники согласно п. 51 Правил государственной регистрации самоходных машин и других видов техники, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21.09.2020 № 1507¹¹, при снятии техники с государственного учета проводится ее осмотр, за исключением случаев списания

(утилизации). То есть снять с учета технику, оставшуюся на временно оккупированной территории, чтобы на нее не начислялся налог, без осмотра невозможно. Данные правила также не учитывают обстоятельства, возникающие в особых условиях в Курской области, когда осмотр, как и эвакуация, такой техники невозможен.

Сложности в регионах, находящиеся в особых условиях, возникают и с неналоговыми доходами, в том числе получаемыми в результате применения мер административной ответственности, установленной в режиме видеофиксации, т.к. гражданам начали приходить штрафы, которые они получили в результате совершения административного правонарушения из крайней необходимости (вынужденная остановка транспортного средства в неполюженном месте при ракетной опасности, вынужденное превышение скорости при эвакуации жителей в приграничных регионах и т.д.), из-за чего МВД России приняло решение о введении в августе 2024 г. в Курской области особого порядка привлечения к административной ответственности, что также повлияло на доходную часть регионального бюджета.

Важно понимать, что в регионах, находящихся в особых условиях, возникают и иные сложности в реализации их финансово-правового статуса, которые связаны с расходами бюджетных средств субъектов РФ. Одной из трудностей является отказ от выполнения подрядчиками государственных контрактов из-за установленного режима чрезвычайной ситуации федерального уровня. Так, в Курской области после объявления режимов чрезвычайной ситуации федерального уровня и контртеррористической операции, с объявлением тревог об опасности некоторые подрядные организации, особенно из других регионов, не смогли (по их мнению) обеспечить объекты нужным количеством рабочих, т.к. штатные сотрудники отказываются приезжать в Курскую область ввиду опасений за свою жизнь и здоровье. Подрядные органи-

⁹ СЗ РФ. 2024. № 37. Ст. 5577.

¹⁰ Для предпринимателей в Курской области планируется продлить сроки уплаты налогов на имущество // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15193797/ (дата обращения: 02.07.2025).

¹¹ СЗ РФ. 2020. № 40. Ст. 6253.

зации потребовали продления или расторжения договоров на десятки объектов (школ, больниц, дорог, общественных пространств и т.д.). На отдельных территориях Курской области выполнение строительных и ремонтных работ просто невозможно и в настоящее время. Аналогичная проблема существует и в других субъектах РФ, таких как Брянская, Белгородская, Херсонская, Запорожская области, Донецкая и Луганская народные республики. Данные обстоятельства требуют создания *особого режима реализации законодательства о контрактной системе* в регионах, находящихся в особых условиях. При этом нельзя допустить злоупотреблений, которые могут возникнуть при заключении государственных контрактов без проведения конкурсов.

Более того, с возникновением в регионе особых условий, как правило, у субъекта РФ появляются дополнительные расходные обязательства, связанные с значительным увеличением различных социальных выплат семьям, вынужденным уехать, социальных выплат по жилищным сертификатам и т.д.

В целом, подводя итоги, можно заключить, что в науке финансового права необходимо

разграничивать финансово-правовые статусы субъекта РФ, находящегося в стандартных условиях, и субъекта РФ, пребывающего в особых условиях, т.к. в данных условиях у субъекта РФ возникают новые элементы, связанные с реализацией дополнительных полномочий в части осуществления расходов, сокращения доходов бюджета и т.д. Под особыми обстоятельствами могут пониматься военные действия, боевые действия, чрезвычайная ситуация, контртеррористическая операция и т.д. В современном бюджетном законодательстве необходим раздел, посвященный бюджетным полномочиям субъектов РФ, находящихся в особых условиях, в котором могут быть предусмотрены дополнительные права и обязанности органов публичной власти субъектов РФ в бюджетной сфере, в том числе в части возможности получения дополнительных доходов бюджетами субъектов Российской Федерации. Данные особые условия должны учитывать и другие нормативные правовые акты, такие как НК РФ¹², законодательство, регулирующее закупку товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, и т.д.

Материал поступил в редакцию 3 июня 2025 г.

¹² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824 ; Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

Ответственность в сфере формирования и расходования средств резервных фондов субъектов Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются особенности подходов органов государственного финансового контроля к оценке нарушений в сфере формирования и использования средств резервных фондов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Исследуются акты Федерального казначейства и контрольно-счетных органов федерального и регионального уровней, в которых закрепляется классификация нарушений, выявляемых в ходе осуществления государственного финансового контроля, а также практика деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации. Делается вывод, что в документах органов внешнего бюджетного контроля нормы, посвященные нарушениям в сфере резервных фондов, более детализированы, чем в акте Федерального казначейства как органа внутреннего бюджетного контроля. Контрольно-счетные органы уделяют внимание отношениям, складывающимся по поводу всех видов резервных фондов на любом уровне бюджетной системы, в соответствии со своей компетенцией. Несоблюдение требований бюджетного законодательства, оцененное как нарушение, может затрагивать как доходную часть фонда (непоступление средств), так и расходную (избыточные расходы). Автор заключает, что необходимо сосредоточиться на анализе закрепления целей использования резервных фондов в нормативных правовых актах публично-правового образования, поскольку целевой характер таких фондов будет обоснованно привлекать повышенное внимание со стороны контролирующих субъектов, которые оценивают соответствие использования средств фонда принципу целевого расходования.

Ключевые слова: резервный фонд субъекта Российской Федерации; резервный фонд исполнительных органов государственной власти; ответственность за нарушение бюджетного законодательства; непредвиденные расходы; бюджетный контроль; государственный финансовый контроль; нарушение бюджетного законодательства; Бюджетный кодекс Российской Федерации; контрольно-счетные органы; Федеральное казначейство; нецелевое использование бюджетных средств.

Для цитирования: Керимов А. Х. Ответственность в сфере формирования и расходования средств резервных фондов субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 30–38. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.030-038.

© Керимов А. Х., 2025

* Керимов Аслан Хусейнович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
kerimov-80@mail.ru

Liability in the Sphere of Formation and Expenditure of Reserve Fund Resources of the Constituent Entities of the Russian Federation

Aslan Kh. Kerimov, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
kerimov-80@mail.ru

Abstract. The article analyzes the specific approaches of state financial control bodies to assessing violations in the formation and use of reserve fund resources within the budgetary system of the Russian Federation. It examines the acts of the Federal Treasury and audit bodies at federal and regional levels, which define the classification of violations identified during the implementation of state financial control, as well as the practices of audit bodies in the constituent entities of the Russian Federation. The study concludes that in the documents of external budgetary control bodies, norms dedicated to violations in the area of reserve funds are significantly more detailed compared to those in the acts of the Federal Treasury, which operates as an internal budgetary control body. Audit bodies focus on relations concerning all types of reserve funds at any level of the budgetary system in accordance with their competence. Violations of budgetary legislation can affect both the revenue side of the fund (non-receipt of funds) and the expenditure side (excessive spending). The article emphasizes the importance of analyzing how the purposes of reserve fund utilization are established in the normative legal acts of public entities, as the targeted nature of such funds will reasonably attract increased attention from controlling entities. These entities assess whether the use of fund resources complies with the principle of targeted spending.

Keywords: reserve fund of the constituent entity of the Russian Federation; reserve fund of executive bodies of state power; liability for violation of budget legislation; unforeseen expenses; budget control; state financial control; violation of budget legislation; Budget Code of the Russian Federation; control and accounting bodies; Federal Treasury; misuse of budget funds.

Cite as: Kerimov AKh. Liability in the Sphere of Formation and Expenditure of Reserve Fund Resources of the Constituent Entities of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):30-38. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.030-038.

Статьями 81–82 БК РФ¹ в бюджетах публично-правовых образований предусмотрено создание резервных фондов. Формироваться они могут как исполнительными органами государственной власти всех уровней, так и публично-правовыми образованиями — субъектами Российской Федерации. На федеральном уровне возможно также создание соответствующего фонда Президента РФ.

Н. В. Омелехина отмечает, что поскольку использование средств резервных фондов бюджетов, формируемых в составе их расходной

части, предусмотрено ординарным финансовым законодательством, наличие чрезвычайной ситуации, требующей дополнительного финансирования, не изменяет инструментарий, используемый в ходе финансово-правового регулирования возникающих отношений². При этом сам правовой режим осуществления непредвиденных, чрезвычайных расходов она описывает как особый, реализуемый посредством создания резервных фондов³. Р. В. Ткаченко характеризует правовой режим распределения и использования средств резервных фондов как первичный

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

² Омелехина Н. В. Финансово-правовое регулирование в чрезвычайных ситуациях: общеправовые и отраслевые дилеммы // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 89.

³ Омелехина Н. В. Бюджетно-правовые средства: правовая идентификация и эффективность воздействия. Часть 3. Типы правового регулирования и правовые режимы // Финансовое право. 2019. № 12. С. 18–24.

(основной) метод бюджетного регулирования, обосновывая это наличием как особого учета этих средств, так и специальных целей их расходования⁴.

Под целевым характером расходования средств указанных фондов понимаются финансовое обеспечение непредвиденных расходов, если это резервный фонд органа исполнительной власти, и исполнение расходных обязательств региона в случае недостаточности доходов его бюджета для обеспечения расходных обязательств, если создан резервный фонд публично-правового образования. В любом случае детально направления расходования средств конкретных фондов должны закрепляться в специальном нормативном правовом акте соответствующего уровня (федеральном, акте субъекта Российской Федерации или муниципальном правовом акте), только тогда использование этих бюджетных средств будет считаться законным и целевым, иначе это может привлечь внимание прокуратуры⁵. При этом контроль за средствами резервных фондов и привлечение к ответственности за нарушения при формировании и/или расходовании таких фондов остаются малоисследованными.

Если говорить о предварительном контроле за формированием резервных фондов, то он осуществляется обычно в ходе проверки проекта нормативного акта о бюджете на очередной год и плановый период соответствующего публично-правового образования. В этом случае можно оценить соответствие проекта закона (муниципального правового акта) закрепленным в нормативной базе требованиям (к формированию фонда, соблюдению ограничений его объема и т.д.). Анализ таких проектов в совокупности за несколько лет позволяет контрольно-счетным органам

прийти к некоторым выводам о тенденциях использования средств резервных фондов. Например, Контрольно-счетная палата Республики Саха (Якутия) при выдаче заключения на проект республиканского бюджета на 2025–2027 гг. указала, что исполнение бюджетных ассигнований резервного фонда Правительства Республики каждый год (2021–2024 гг.) значительно превышает объемы, утвержденные законом о бюджете⁶.

Для понимания позиции органов государственного финансового контроля относительно конкретных нарушений в сфере финансов резервных фондов следует обратиться к актам указанных органов.

Что касается органов внутреннего бюджетного контроля, то подход Казначейства России выражен в Классификаторе нарушений (рисков), выявляемых Федеральным казначейством в ходе осуществления контроля в финансово-бюджетной сфере⁷. В качестве нарушения (риска) этот орган применительно к резервным фондам выделяет только непредставление отчета об использовании их ассигнований, прилагаемого к годовому отчету об исполнении бюджета.

Следует обратить внимание на то, что в цитируемом документе речь идет только о фондах федерального уровня и никакой ответственности за это нарушение не предусматривается. Таким образом, это деяние рассматривается скорее как риск, нежели как нарушение. В остальных случаях в данном акте говорится о резервных фондах только применительно к фондам унитарных предприятий, средства резервных фондов регионального и муниципального уровней в классификаторе в качестве предмета нарушения не упоминаются.

Органы внешнего бюджетного контроля регламентируют деятельность в области резерв-

⁴ *Ткаченко Р. В.* Бюджетное регулирование в системе финансового обеспечения инновационного развития общества : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 368–369.

⁵ См. подробнее: *Яговкина В. А.* Проблемы формирования резервных фондов муниципальных образований // *Финансовое право.* 2023. № 5. С. 2–4.

⁶ URL: <https://schetnaja-palata.sakha.gov.ru/deyatelnost/zakljuchenie-na-proekty-bjudzhetov-i-otchetov-ob-ispolnenii-bjudzhetov-/2025> (дата обращения: 04.03.2025).

⁷ Утв. Казначейством России 19.12.2017 // СПС «КонсультантПлюс».

ных фондов более детально⁸. В Классификаторе нарушений, выявляемых в ходе внешнего государственного аудита (контроля), применяемом Счетной палатой РФ⁹, деяния относительно денежных средств резервных фондов группируются как нарушения, совершенные в ходе формирования и в ходе исполнения бюджетов, также выделяются нарушения в ходе формирования и исполнения бюджета Союзного государства. Так, при формировании бюджетов в части резервных фондов могут не соблюдаться требования по формированию указанных фондов. Следует обратить внимание на то, что речь идет о средствах любых резервных фондов, без уточнения субъекта, их создавшего (орган исполнительной власти федерального или регионального уровня, местная администрация, публично-правовое образование и т.д.).

При исполнении бюджетов нарушения сформулированы подробнее и относятся к конкретным фондам. Так, выделяется несоблюдение порядка использования средств резервного фонда субъекта Российской Федерации, в качестве самостоятельного состава фиксируется несоблюдение требований по использованию ассигнований резервного фонда Президента РФ, когда речь идет об избыточных расходах или непоступлении (недопоступлении) бюджетных средств. Таким же образом характеризуется и несоблюдение порядка использования ассигнований резервных фондов исполнительных органов государственной власти и местных администраций — как избыточность расходов или непоступление денежных средств в эти фонды.

Следовательно, несоблюдение требований может касаться как доходной части бюджета (непоступление средств), так и расходной (избыточные расходы).

Во всех вышеперечисленных случаях классификатор не содержит указаний на закон, закрепляющий ответственность за данные деяния.

Впрочем, если расходование средств резервного фонда не соответствует целям их предоставления, то возможно применение ответственности за нецелевое использование бюджетных средств в соответствии с КоАП РФ¹⁰ и УК РФ¹¹. Это положение распространяется на фонды любого уровня бюджетной системы и любого субъекта, имеющего право формировать фонд и расходовать его средства, хотя в качестве нарушения выделяется нецелевое использование средств резервного фонда Президента РФ и резервных фондов органов исполнительной власти (местных администраций). Следует оговориться: в документе отсутствует отдельное упоминание нецелевого использования средств резервных фондов публично-правовых образований (субъектов Российской Федерации или муниципальных образований¹²).

В данном случае особую важность приобретает правильное закрепление целей, на которые могут расходоваться средства резервных фондов, в нормативных правовых актах соответствующих публично-правовых образований. Общие цели формирования таких фондов, выделенные в БК РФ, обычно фиксируются всеми субъектами Федерации или муниципальными образованиями одинаково. Так, средства резервных фондов государственных органов исполнительной власти (местных администраций), в соответствии со ст. 81 БК РФ, могут быть использованы на проведение аварийно-восстановительных работ и иных мероприятий, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций. Однако расходование средств может осуществляться и на иные цели,

⁸ СГА 101 «Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Общие правила проведения контрольного мероприятия» (утв. постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 07.09.2017 № 9ПК) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Приложение 28 к СГА 101.

¹⁰ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹² Возможность их создания в местных бюджетах аргументирована в литературе. См. подробнее: Яговкина В. А. Указ. соч.

которые должны быть обязательно урегулированы в нормативных правовых актах. Например, средства резервного фонда губернатора Самарской области предназначены для оказания финансовой поддержки общественным и религиозным организациям и материальной помощи отдельным категориям граждан (важно будет оценить точное соответствие физического лица, получившего помощь, всем критериям ее предоставления), для материального поощрения победителей конкурсов и спортивных соревнований и т.д.¹³ Резервный фонд Правительства Саратовской области может расходоваться на проведение работ по восстановлению систем водоснабжения населения и (или) водоотведения, на возмещение части затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей по заполнению лиманов (в обоих случаях речь идет о предоставлении межбюджетных трансфертов на соответствующие цели), на организацию и проведение дератизационных мероприятий на территории памятника природы «Кумысная поляна» и т.д.¹⁴

В последние годы наблюдается добавление к направлениям использования средств резервных фондов новых пунктов в связи с объективной необходимостью оперативного реагирования на потребности населения конкретных субъектов или муниципальных образований. Например, в Курской области подобный перечень¹⁵ в 2024 г. был дополнен¹⁶ пунктом, предусматривающим оказание единовременной материальной помощи пострадавшим в результате

обстрела или применения беспилотных летательных аппаратов со стороны вооруженных формирований Украины на территории Курской области гражданам за счет средств резервного фонда Правительства Курской области.

Таким образом, указанные дополнительные цели расходования средств резервных фондов в разных публично-правовых образованиях могут различаться, следовательно, будет различаться и оценка целевого характера использования таких средств. Цель в одном публично-правовом образовании будет вполне легитимной, а в другом — такое же расходование средств окажется нецелевым. При этом следует иметь в виду актуальность замечания О. А. Палозян, что трактовка понятия «нецелевое использование бюджетных средств» различается в бюджетном, административном и уголовном законодательстве. В БК РФ и КоАП РФ используется термин «направление бюджетных средств», а в УК РФ — «расходование»¹⁷.

Фиксация нецелевого использования средств резервных фондов контрольно-счетными органами не всегда порождает привлечение к ответственности. Иногда в этом случае предписывается возмещение (восстановление) расходов в бюджет, как, например, при проверке Контрольно-счетной палатой Пермского края годового отчета об исполнении бюджета Юрлинского муниципального округа за 2020 г., когда было выявлено нецелевое использование средств в связи с закупкой медицинских средств, которые

¹³ Постановление Правительства Самарской области от 30.12.2015 № 908 «Об утверждении Порядка использования бюджетных ассигнований резервного фонда Губернатора Самарской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.01.2016.

¹⁴ Постановление Правительства Саратовской области от 18.04.2008 № 163-П «Об утверждении Положения о порядке использования бюджетных ассигнований резервного фонда Правительства Саратовской области» // Саратовская областная газета. Официальное приложение. 2008. № 8.

¹⁵ Постановление Администрации Курской области от 13.10.2017 № 787-па «Об утверждении Порядка использования бюджетных ассигнований резервного фонда Правительства Курской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 16.10.2017.

¹⁶ Постановление Правительства Курской области от 13.05.2024 № 368-пп. «О внесении изменений в постановление Администрации Курской области от 13.10.2017 № 787-па “Об утверждении Порядка использования бюджетных ассигнований резервного фонда Правительства Курской области”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 17.05.2024.

¹⁷ См. подробнее: Палозян О. А. Вопросы бюджетных расходов в российской судебной практике // Финансовое право. 2016. № 1. С. 19–23.

не носили характер средств индивидуальной защиты¹⁸. Вероятно, в 2020 г. не всегда наличествовало точное и полное понимание организации закупок в медицинской сфере, связанных с пандемией коронавируса; нарушение было незначительным (по сумме), а средства были полностью возвращены в местный бюджет.

Помимо этого, могут выдаваться рекомендации по совершенствованию нормативной правовой базы, предписания руководителям по недопущению в дальнейшем выявленных нарушений и т.п.¹⁹

Кроме того, нарушения могут происходить из-за несоблюдения процедур бюджетного процесса. Например, в 2022 г. в Красноярском крае было выявлено перераспределение средств резервного фонда в сумме 2 999,6 млн руб. без внесения необходимых изменений в краевой закон о бюджете²⁰.

Использование средств резервных фондов может не только контролироваться в рамках проверки исполнения бюджета публично-правового образования, но и быть самостоятельным предметом интереса при осуществлении контрольного мероприятия, когда проверяется главный распорядитель бюджетных средств²¹, либо в рамках проверки исполнения органами власти и местного самоуправления отдельных полномочий²².

На практике при осуществлении контроля за средствами резервных фондов соответствующим должностным лицам могут вменяться и

признаки иных составов правонарушений (преступлений), кроме нецелевого использования бюджетных средств, например мошенничества²³ или превышения должностных полномочий²⁴. Так, последний состав вменялся должностному лицу муниципального образования в случае использования средств резервного фонда одного из субъектов Российской Федерации, выделенных в виде субсидии муниципальному образованию на закупку угля в связи с введением режима чрезвычайной ситуации. Превышением полномочий следствие и суд сочли введение режима чрезвычайной ситуации, повлекшей расходование средств фонда, нецелевой характер расходования средств при этом проанализирован не был, хотя на это указывала защита при апелляции.

Непредставление отчета об использовании бюджетных ассигнований резервных фондов Счетная палата РФ считает нарушением, как и Федеральное казначейство, и также не упоминает об ответственности в этом случае. Однако в отличие от акта Федерального казначейства, где говорится лишь о фондах федерального уровня, эта норма касается фондов всех исполнительных органов государственной власти и местных администраций.

В качестве самостоятельного нарушения в ходе исполнения бюджета упоминается несоблюдение порядка формирования и использования средств Резервного фонда Союзного государства, прежде всего избыточные расходы.

¹⁸ URL: <https://ksppk.ru/otkrytye-dannye/kontrolno-revizionnaya-deyatelnost-ksp/otchety-po-godam/informaciya-po-otchetam-za-2021-god/kontrolnoe-meropriyatie-proverka-godovogo-otcheta-ob-ispolnenii-byudzheta-yurlinskogo-municipalnogo-okruga-permskogo-kрая-za-2020-god/> (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁹ URL: <https://kspkuban.ru/?p=8063> (дата обращения: 04.03.2025).

²⁰ URL: <https://spkrk.ru/wp-content/uploads/2023/05/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%93%D0%9E-%D0%B7%D0%B0-2022-%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).

²¹ URL: <https://kspkuban.ru/?p=8063> (дата обращения: 04.03.2025).

²² См., например: URL: <https://ksppk.ru/kso-permskogo-kрая/kso-permskogo-kрая/deyatelnost-akso/monitoring-deyatelnosti-kontrolno-schetnyh-organov-municipalnyh-obrazovaniy-permskogo-kрая-za-2023-god/> (дата обращения: 04.03.2025).

²³ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6029848?ysclid=m7mbwp69f0545496241> (дата обращения: 10.02.2025).

²⁴ Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 07.09.2021 № 22-1671/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, в классификаторе Счетной палаты РФ речь идет о средствах резервных фондов бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации, а также Союзного государства.

Что касается закрепления ответственности за нарушения в части средств резервных фондов на региональном уровне, необходимо обратиться к практике органов, осуществляющих внешний государственный финансовый контроль, т.е. контрольно-счетных органов субъектов Федерации. Указанные органы в своих актах обычно фактически дублируют положения классификатора Счетной палаты РФ либо дают прямую ссылку на него.

Примером первого подхода (дублирования) может быть документ Республики Башкортостан²⁵ — Классификатор нарушений, выявляемых в ходе внешнего государственного аудита (контроля), с учетом региональных особенностей. При этом содержательно в нем не отмечаются никакие региональные особенности определения нарушений применительно к средствам резервных фондов данного субъекта, даже не упоминаются нормативные правовые акты Республики, регламентирующие формирование и использование средств указанных фондов. По сути, это общий для всех регионов документ, одобренный Советом контрольно-счетных органов при Счетной палате РФ и утвержденный коллегией регионального контрольно-счетного органа.

В более редких случаях акты контрольно-счетных органов регионов, используя в качестве образца аналогичный документ контрольно-

счетного органа федерального уровня, отражают нормативную базу субъекта Российской Федерации. Например, в Московской области²⁶ классификатор нарушений, применяемый областной Контрольно-счетной палатой, содержит такой вид нарушений, как несоблюдение порядка обоснования, направления и использования бюджетных ассигнований резервных фондов исполнительных органов государственной власти (местных администраций), с отсылкой к необходимости соблюдения конкретных нормативных правовых актов Московской области, регулирующих использование бюджетных ассигнований резервных фондов региона.

Второй вариант (отсылка к документу Счетной палаты РФ) использован, например, в Красноярском крае. Стандарт внешнего государственного финансового контроля СФК 1 «Общие правила проведения контрольного мероприятия» Счетной палаты Красноярского края²⁷ содержит прямое указание, что формулировка нарушения осуществляется «с учетом классификации нарушений, приведенной в классификаторе нарушений, выявляемых в ходе внешнего государственного аудита (контроля), применяемом в соответствии с приказом Счетной палаты РФ от 15.02.2022 № 9 «О введении в действие классификатора нарушений»»²⁸.

На основе анализа можно выделить следующие особенности закрепления ответственности за нарушения в сфере формирования и расходования средств резервных фондов субъектов Российской Федерации. В документах органов внешнего бюджетного контроля уделяется значительно больше внимания возможным нару-

²⁵ Утв. постановлением Коллегии Контрольно-счетной палаты Республики Башкортостан от 25.04.2022 № 72/22 // URL: https://ksprb.bashkortostan.ru/upload/uf/909/md86cf2tnfkb1jdk6ta5iye0twnb5wcv/Klassifikator-narusheniy-KSP-RB_2022_s-uchetom-regionalnykh-osobennostey.pdf (дата обращения: 10.12.2024).

²⁶ Распоряжение Контрольно-счетной палаты Московской области от 01.11.2019 № 40Р-99 «Об утверждении Методических указаний “Классификатор нарушений, выявляемых в ходе внешнего государственного (муниципального) аудита (контроля), одобренный Советом контрольно-счетных органов при Счетной палате Российской Федерации 17.12.2014, протокол № 2 СКРП с учетом региональных особенностей”» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Утв. приказом Счетной палаты Красноярского края от 02.12.2022 № 89.

²⁸ URL: <https://spkrk.ru/wp-content/uploads/2022/12/%D0%A1%D0%A4%D0%9A-1-%D1%83%D1%82%D0%B2.02.12.2022.pdf> (дата обращения: 26.12.2024).

шениям, связанным со средствами резервных фондов, чем в документах Федерального казначейства как органа внутреннего бюджетного контроля. В классификаторах нарушений контрольно-счетных органов как более детально описаны вероятные деяния, так и лучше разграничены сами фонды. Если Федеральное казначейство уделяет внимание лишь фондам федерального бюджета, то интерес контрольно-счетных органов направлен и на резервные фонды бюджетов нижестоящих уровней, независимо от субъектов, в чьем ведении они находятся (государственный орган исполнительной власти, глава региона и т.п.). При исполнении бюджетов формулировки нарушений более подробны и относятся к конкретным фондам, причем несоблюдение требований применительно к средствам резервных фондов может касаться как формирования фонда (непоступление средств), так и использования собранных денег (избыточные расходы). Однако следует отметить, что в соответствующих актах контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации чаще всего дублируются положения классификатора Счетной палаты РФ либо содержится ссылка на этот документ, но практически не реализована

возможность уточнить в документе региональные особенности (например, наличие нескольких резервных фондов).

Кроме мероприятий последующего контроля (проверок расходования средств, исполнения полномочий государственных органов, отчета об исполнении бюджета и т.п.), мероприятия предварительного контроля также могут способствовать анализу расходования средств резервных фондов и формулированию выводов о тенденциях их использования для дальнейшего совершенствования деятельности в сфере бюджета публично-правового образования.

В связи с целевым характером резервных фондов особое значение имеет правильное закрепление целей, на которые могут расходоваться средства резервных фондов, в нормативных правовых актах соответствующих публично-правовых образований. От этого может зависеть признание расхода соответствующим принципу целевого расходования средств в различных публично-правовых образованиях, причем на практике должностные лица могут нести ответственность и за иные нарушения, кроме нецелевого использования бюджетных средств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Омелехина Н. В.* Бюджетно-правовые средства: правовая идентификация и эффективность воздействия. Часть 3. Типы правового регулирования и правовые режимы // *Финансовое право*. — 2019. — № 12. — С. 18–24.
2. *Омелехина Н. В.* Финансово-правовое регулирование в чрезвычайных ситуациях: общеправовые и отраслевые дилеммы // *Журнал российского права*. — 2023. — № 8. — С. 82–94.
3. *Палозян О. А.* Вопросы бюджетных расходов в российской судебной практике // *Финансовое право*. — 2016. — № 1. — С. 19–23.
4. *Ткаченко Р. В.* Бюджетное регулирование в системе финансового обеспечения инновационного развития общества : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2022. — 553 с.
5. *Яговкина В. А.* Проблемы формирования резервных фондов муниципальных образований // *Финансовое право*. — 2023. — № 5. — С. 2–4.

Материал поступил в редакцию 12 марта 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Omelekhina N. V. Byudzhetno-pravovye sredstva: pravovaya identifikatsiya i effektivnost vozdeystviya. Chast 3. Tipy pravovogo regulirovaniya i pravovye rezhimy // Finansovoe pravo. — 2019. — № 12. — S. 18–24.
2. Omelekhina N. V. Finansovo-pravovoe regulirovanie v chrezvychaynykh situatsiyakh: obshchepravovye i otraslevye dilemmy // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2023. — № 8. — S. 82–94.
3. Palozyan O. A. Voprosy byudzhetnykh raskhodov v rossiyskoy sudebnoy praktike // Finansovoe pravo. — 2016. — № 1. — S. 19–23.
4. Tkachenko R. V. Byudzhetnoe regulirovanie v sisteme finansovogo obespecheniya innovatsionnogo razvitiya obshchestva: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2022. — 553 s.
5. Yagovkina V. A. Problemy formirovaniya rezervnykh fondov munitsipalnykh obrazovaniy // Finansovoe pravo. — 2023. — № 5. — S. 2–4.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.039-051

А. А. Тишкевич*

Предоставление заверений относительно будущих обстоятельств

Аннотация. В статье рассматривается допустимость предоставления заверений относительно будущих обстоятельств. Самостоятельное определение тех обстоятельств, в отношении которых могут быть даны заверения участниками сделки, не должно противоречить существу заверений и принципу добросовестности. Данные явления служат естественными ориентирами для определения пределов возможного использования заверений. Это выражается в допустимости совершения действий перед предоставлением заверений, заключающихся в выяснении реального состояния обстоятельств, которые станут предметом заверений. И исключаются какие-либо действия после предоставления заверений. При этом выглядит допустимым, когда заверитель принимает на себя обязательство поддерживать заявленное состояние заверений до определенного момента. Здесь речь идет уже о совместном использовании заверений и обязательств, но не приводит к их смешению или поглощению одного другим. Также делается вывод о более общем характере заверений об обстоятельствах по сравнению с различными гарантиями, которые направлены на регулирование отдельных свойств предмета договора. Смешение этих категорий означает, что к заверениям будут применяться не соответствующие их существу правовые механизмы. И это приведет к выхолащиванию существа заверений. Автор предлагает применять к фактам прошлого или настоящего, которые не связаны с предметом договора или относятся к специфическим свойствам товара, заверения об обстоятельствах. А в остальных случаях, в том числе в отношении будущих фактов, следует использовать специальные правовые инструменты в виде гарантии от эвикции, гарантии качества, гарантии о передаче товара свободным от прав третьих лиц или соглашения о возмещении потерь. Ведь они как раз на это и рассчитаны.

Ключевые слова: заверения об обстоятельствах; добросовестность; заключение договора; условия договора; соглашение о возмещении потерь; свобода договора; распределение рисков; стандарты добросовестности; понятие обязательства; договор.

Для цитирования: Тишкевич А. А. Предоставление заверений относительно будущих обстоятельств // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 39–51. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.039-051.

© Тишкевич А. А., 2025

* Тишкевич Антон Александрович, аспирант кафедры гражданского права Сибирского федерального университета, магистр юриспруденции
Свободный пр., д. 79, г. Красноярск, Российская Федерация, 660041
tishkevich_a_a@mail.ru

Provision of Further Representations Regarding Future Circumstances

Anton A. Tishkevich, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Siberian Federal University;
Master of Laws, Moscow, Russian Federation
tishkevich_a_a@mail.ru

Abstract. The paper examines the admissibility of providing further assurances (representations) regarding future circumstances. The independent determination of circumstances for which representations can be made by the parties to a transaction must not contradict the essence of representations and the principle of good faith. These elements serve as natural guidelines for defining the limits of possible use of representations. This is reflected in the admissibility of actions taken prior to providing representations, aimed at clarifying the actual state of circumstances that will become the subject of the representations. However, actions taken after providing representations are excluded. It is deemed permissible for the representor to undertake an obligation to maintain the stated condition of the representations up to a certain point in time. This involves the combined use of representations and obligations but does not lead to their merging or one absorbing the other. Additionally, the paper concludes that representations about circumstances are of a more general nature compared to various warranties, which are aimed at regulating specific properties of the subject matter of a contract. Mixing these categories would result in the application of legal mechanisms that are inconsistent with the essence of representations, ultimately undermining their core purpose. The author suggests using representations about circumstances for facts from the past or present that are not related to the subject matter of the contract or pertain to specific properties of the goods. In other cases, including those involving future facts, specialized legal instruments should be employed, such as warranties against eviction, warranties of quality, warranties regarding the transfer of goods free from third-party rights, or indemnity agreements. These instruments are specifically designed for such purposes.

Keywords: representations; good faith; contracting; terms of contract; indemnity agreement; freedom of contract; risk sharing; standards of good faith; concept of obligation; contract.

Cite as: Tishkevich AA. Provision of Further Representations Regarding Future Circumstances. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):39-51. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.039-051.

Положения ст. 431.2 ГК РФ не дают представления о том, в отношении обстоятельств прошлого, настоящего или будущего могут быть даны заверения. Лишь указывается на открытый перечень подобных обстоятельств (п. 1).

В пункте 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»¹ (далее — Постановление № 49) также не разрешается вопрос о временной принадлежности таких обстоятельств. Верховный Суд РФ в этой части лишь разъяснил, что заверения даются в отношении обстоятельств, как связанных, так и не

связанных непосредственно с предметом договора, но имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения. В другом постановлении Верховный Суд РФ указал, что «в случаях, предусмотренных законом или вытекающих из существа обязательства, на сторону может быть возложена обязанность отвечать за наступление или ненаступление определенных обстоятельств, в том числе не зависящих от ее поведения, например в случае недостоверности заверения об обстоятельствах при осуществлении предпринимательской деятельности (пункт 4 статьи 431.2 ГК РФ) или при изъятии товара у покупателя третьими лицами (пункт 1 статьи 461 ГК РФ)»². Значит, и здесь Верховный Суд РФ прямо не говорит о временном

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² См.: абз. 3 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их

характере обстоятельств, относительно которых могут быть даны заверения.

В доктрине есть как сторонники возможного предоставления заверений относительно будущих обстоятельств³, так и противники этого⁴. В судебной практике также не наблюдается единство подходов в данном аспекте⁵.

В связи с этим возникает интерес в том, чтобы достичь определенности: в отношении каких обстоятельств (прошлого, настоящего или будущего) могут быть даны заверения. А когда такие обстоятельства связаны с предметом договора, появляется пересечение заверений с функционированием гарантии от эвикции (ст. 461 ГК РФ), гарантии о передаче товара свободным от прав третьих лиц (ст. 460 ГК РФ), гарантии качества товара (ст. 469 ГК РФ) и с категорией «обязательство» в целом. Это обусловлено тем, что данные явления также связаны с предметом договора, однако их динамика определенно направлена

на будущее время. Актуальность исследования в этом направлении также усиливается наличием позиции Верховного Суда РФ, в рамках которой Суд посчитал допустимым предоставление заверений в «отношении оснований (причин) возникновения обстоятельства, которое способно проявиться в будущем и в таком случае может стать причиной имущественных потерь лица, полагавшегося на заверения»⁶. Такой подход Верховного Суда РФ получил некоторую поддержку в судебной практике⁷ и доктрине⁸.

В качестве *obiter dictum* Верховный Суд РФ отметил, что в порядке аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) к отношениям сторон возможно применение правового механизма ст. 462 ГК РФ («Обязанности покупателя и продавца в случае предъявления иска об изъятии товара»), поскольку участие лица, давшего заверения, в судебном процессе по делу, связанному с недостоверными заверениями, сможет пред-

исполнении» (далее — Постановление № 54). Здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: *Церковников М. А.* О гарантийном обязательстве из заверения о будущем обстоятельстве: комментарий к определению Верховного Суда РФ от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 // Вестник гражданского права. 2023. № 6. С. 198–213; *Копяков А. А.* Заверения об обстоятельствах: теоретическая конструкция и проблемы правоприменения // Корпоративное право: проблемы и решения / под ред. И. С. Чупрунова. Вып. 2. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2023. С. 147–196; *Соскиева А. А.* Предоставление заверений об обстоятельствах на будущее время // Законодательство. 2024. № 8.

⁴ Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 601; *Воронин Е. М.* Практика применения института заверений об обстоятельствах по ст. 431.2 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 203; *Хагба Э. Р.* Заверения об обстоятельствах в сделках слияния и поглощения // Современное корпоративное право: временная связующая нить: сборник статей / сост. и отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2024. С. 490–491.

⁵ См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.03.2023 № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021; постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.04.2024 № 09АП-12570/2024 по делу № А40-207048/2023, Первого арбитражного апелляционного суда от 18.11.2024 № 01АП-6833/2024 по делу № А43-25499/2023, Десятого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2022 № 10АП-19757/2022, 10АП-19760/2022 по делу № А41-962/2022, Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.12.2021 № 20АП-7664/2021 по делу № А68-5390/2020.

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 21.03.2023 № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021.

⁷ См., например: постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.07.2024 № Ф04-173/2024 по делу № А27-4896/2023, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.07.2024 № Ф08-2573/2024 по делу № А32-35322/2023, Арбитражного суда Поволжского округа от 31.05.2024 № Ф06-947/2024 по делу № А65-10011/2023.

⁸ См.: *Церковников М. А.* Указ. соч. С. 198–213.

отвратить потери лица, получившего заверения⁹. Следовательно, суд видит сходство между заверениями об обстоятельствах и гарантией от эвикции, если допустить применение ее некоторых элементов к их функционированию.

Перед тем как приступить к анализу возможного предоставления заверений в отношении будущих обстоятельств, следует изложить характеристику заверений об обстоятельствах.

Под заверениями в литературе принято понимать утверждение об обстоятельствах (констатацию фактов)¹⁰, обладающих определенными характеристиками в конкретный отрезок времени, без необходимости действий после этого момента¹¹. Другими словами, заверения отражают определенное и фиксированное (статичное) реальное положение дел. И этим, как отмечает А. П. Руднев, кристаллизуется в договоре некий первоначальный объем информа-

ции, получаемый контрагентом при совершении сделки, а также связанные с этой информацией ожидания другой стороны по сделке¹².

Такое утверждение о фактах дается в отношении свершившегося обстоятельства, события, имеющего юридическое значение¹³. При помощи подобного утверждения лицо, дающее заверение (заверитель), создает у лица, его получающего (адресата), определенное представление о состоянии конкретного факта или об отсутствии такого. Создание такого представления у адресата направлено на достижение целей предоставления заверений, которые заключаются в стимулировании контрагента к совершению сделки, распределении рисков между участниками сделки и сокращении транзакционных издержек (т.е. освобождению адресата от необходимости поиска, сбора, анализа и проверки обстоятельств, в отношении которых заверитель

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 21.03.2023 № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021.

¹⁰ См.: *Аладько А. И., Ерофеев Д. В.* Применение норм статьи 431.2 ГК РФ в судебной практике // *Нотариальный вестник*. 2022. № 3. С. 47; *Глухов Е. В.* Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация. М.: М-Логос, 2019. С. 451; *Белявцев В. Е.* Гарантия качества товара в гражданском праве России // *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. 2021. № 3. С. 66; *Милохова А. В.* Заверения об обстоятельствах и последствия их недостоверности в сделках по продаже бизнеса // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 4. С. 57; *Морозов А. В.* Заверения об обстоятельствах как «правовой трансплант» в современном праве России // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 6. С. 118; *Сегалова Е. А.* Ограничения заверений, гарантий и обязательств по возмещению потерь в договоре купли-продажи акций (долей) по английскому праву // *Гражданское право*. 2015. № 6. С. 19; *Томсинов А. В.* Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties и indemnity в праве Англии и США // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2015. № 11. С. 95; *Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов*. М.: М-Логос, 2020. С. 1218.

¹¹ *Чумаков А.* К вопросу о юридической природе заверения об обстоятельствах // *Хозяйство и право*. 2016. № 5. С. 105–106.

¹² *Руднев А. П.* Оформление гарантий и заверений по российскому праву: реалии и ожидания // *Петербургский юрист*. 2015. № 4. С. 76.

¹³ См.: *Милохова А. В.* Указ. соч. С. 57; *Маглеева У. А.* Несколько актуальных вопросов судебной практики по заверениям об обстоятельствах в России // *Вестник арбитражной практики*. 2019. № 1.

¹⁴ См.: *Аладько А. И., Ерофеев Д. В.* Указ. соч. С. 40–53; *Мамагеишвили В. З.* К вопросу о субъективной добросовестности получателя заверений об обстоятельствах и доступных ему средствах правовой защиты // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2024. № 11. С. 4–16; *Treitel G. H.* *The Law of Contract*. London: Sweet & Maxwell, 2003. P. 336; *Mulcahy L.* *Contract Law in Perspective*. London: Routledge-Cavendish, 2008. P. 124.

дает заверения о соответствии их действительности)¹⁴. Данные цели заверений также отражены в практике Верховного Суда РФ¹⁵.

Переходя к исследованию возможности предоставления заверений относительно будущих обстоятельств, следует изложить позиции сторонников такого подхода. Так, А. А. Копяков считает, что предоставление заверений на будущее допустимо на основании отсутствия законодательного запрета об этом в ст. 431.2 ГК РФ и в силу действия принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ), а также разъяснений Верховного Суда РФ в абз. 3 п. 1 Постановления № 54. Ученый подкрепляет свою позицию другими разъяснениями Верховного Суда, изложенными в п. 34 Постановления № 49, в котором суд распространяет на заверения о предмете договора режим качества товара и тем самым, по его мнению, допускает выдачу заверений на будущее.

По мнению А. А. Соскиевой, заверение не является классическим обязательством, поскольку в своем содержании не предусматривает совершение действий или бездействие, но гарантирует достоверность информации. И исследователь предлагает ограничивать заверения от обязательств. Для этого необходимо формулировать условия о заверениях таким образом, чтобы полностью исключалась воля на совершение или воздержание от действия в пользу другого лица, а также отсутствовали предположения и условия в содержании заверения. При этом в содержание заверений может быть включено положение, которое основано на п. 1 Постановления № 54 об обязанности отвечать за наступление или ненаступление определенных обстоятельств, которые возникнут в будущем. И дополнительно предлагается разграничивать заверения по предмету на те, что даются в отношении фактов прошлого или настоящего, и на те, которые даны в отношении

причин возникновения обстоятельств, которые будут выражены в будущем¹⁶.

В свою очередь, М. А. Церковников утверждает, что заверение на будущее представляет собой гарантийное обязательство, в рамках которого должник отвечает за наступление или ненаступление определенного объективного факта независимо от его поведения. И приравнивает заверения о будущих обстоятельствах к таким категориям, как «гарантия от эвикции» (ст. 461 ГК РФ), «гарантия о передаче товара свободным от прав третьих лиц» (ст. 460 ГК РФ), «гарантия качества товара» (ст. 469 ГК РФ). Такой подход ученый основывает на ранее приведенных разъяснениях Верховного Суда РФ (постановления № 54 и 49) и на определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.03.2023 № 305-ЭС22-17862, которые, по его мнению, допускают предоставление заверений в отношении наличия/отсутствия причины будущего обстоятельства (следствия), и, значит, должник (заверитель) вправе заверить контрагента прямо относительно следствия (будущего обстоятельства)¹⁷.

С приведенными позициями о возможности предоставления заверений относительно будущих обстоятельств сложно согласиться в силу следующего.

Во-первых, статья 431.2 ГК РФ не раскрывает правовое существо заверений, а лишь предусматривает ответственность за недостоверные заверения, и, как справедливо отмечается в литературе, вне контекста трудно понять¹⁸, о чем идет речь. Поэтому сложно разобраться, о каких законодательных ограничениях в ст. 431.2 ГК РФ говорится относительно предоставления заверений об обстоятельствах. Однако ограничения могут следовать из существа определенного правового явления и принципа добросовестности (п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ). Например, предметом

¹⁵ См. об этом: п. 35 Постановления № 49 ; определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.03.2023 № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021, от 26.07.2024 № 305-ЭС24-4207 по делу № А40-79027/2022.

¹⁶ Соскиева А. А. Указ. соч.

¹⁷ Церковников М. А. Указ. соч. С. 209.

¹⁸ Томсинов А. В. Указ. соч. С. 94.

залога не могут выступать денежные средства¹⁹. Иное противоречит сути залога, поскольку требования залогодержателя удовлетворяются из стоимости заложенного имущества (ст. 334 ГК РФ)²⁰.

Впрочем, чаще всего возможности для того или иного использования нового правового инструмента, в частности заверений, предлагаются в доктрине²¹. А конкретные ограничения или дозволения могут выкристаллизоваться в судебной практике, где уже суды оценивают то, каким образом заверения сформулированы участниками оборота. Это касается и заверений о будущих обстоятельствах. И подходы судов не всегда единообразны. Например, в одном из дел суд допустил предоставление заверений на будущее, но не раскрыл существо таковых. В качестве обоснования он сослался на абз. 3 п. 1 Постановления № 54. Однако далее суд указал, что такие заверения нельзя оценить на предмет достоверности и имеется неопределенность в этом вопросе. Ведь должник может произвести необходимые действия, а может уклониться от совершения таких действий, связанных с обстоятельством, в отношении которого даны заверения о будущем. Или его наступлению могут воспрепятствовать третьи лица или обстоятельства, за которые стороны не отвечают²².

Таким образом, предоставление заверений о будущих обстоятельствах может обладать неопределенностью, которая характеризуется в судебной практике тем, что «сторона не может знать, что случится в будущем, а следовательно, не может и заверять другую сторону в отношении таких сведений»²³. Поэтому заверения на будущий период даваться не могут²⁴.

Как видим, формулирование сторонами договора содержания отдельных заверений на основании принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) не способствовало обеспечению их интересов в ходе рассмотрения спора в суде. В таком случае следовало учитывать существо заверений об обстоятельствах и принцип добросовестности. Природа заверений заключается в отражении фиксированного положения дел (определении конкретных и значимых обстоятельств), наличие которого позволяет рассчитывать на надлежащее исполнение договорного обязательства. Самостоятельностью в определении круга обстоятельств, в отношении которых могут быть даны заверения, наделяет участников оборота принцип свободы договора. Применение же принципа добросовестности в договорных правоотношениях, где есть заверения, призвано обеспечить доверие между сторонами в виде того, что их права и интересы учтены в условиях договора. Это происходит через ясное установление момента достоверности заверений, например при заключении договора или когда заверение предоставлено. И такая определенность также выражается в однозначном понимании сторонами договора того, когда и в отношении чего были даны заверения, и в фиксации момента их достоверности. Сказанное исключает или сводит к минимуму неопределенность в динамике договорного обязательства, которая может зависеть от воли сторон, третьих лиц или быть обусловлена обстоятельствами, не связанными с поведением сторон договора. Другими словами, с помощью принципа добросовестности (п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ) определяются пределы возможного использования заверений.

¹⁹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 16.08.2024 № 08АП-4025/2024 по делу № А75-6557/2018.

²⁰ Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2024. С. 302–303.

²¹ См., например: Аладько А. И., Ерофеев Д. В. Указ. соч. С. 40–53.

²² Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 19.05.2021 № 05АП-1494/2021 по делу № А51-397/2020.

²³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.12.2023 № Ф04-6592/2023 по делу № А70-29/2023.

²⁴ На это прямо указывается в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2024 № Ф05-21594/2024 по делу № А40-254771/2023.

Таким образом, только использование принципа свободы договора не всегда обеспечивает определенность в надлежащем использовании заверений, и поэтому указанный принцип следует применять с учетом существа заверений об обстоятельствах и принципа добросовестности.

Во-вторых, заверения об обстоятельствах и обязательства — разнонаправленные явления. Первые имеют отношение к обстоятельствам прошлого или настоящего, а вторые сводятся к совершению действий или бездействию в будущем. На это обращается внимание в литературе²⁵. Так, к содержанию обязательства относят обязанности *dare* («дать»), *facere* («сделать»), *non facere* («воздержаться от действий») и *praestare* («гарантировать, предоставить, обеспечить»)²⁶. В частности, некоторые исследователи предлагают относить заверения к обязанности *praestare*²⁷. Однако заверения, как уже было сказано, не обладают подобным содержанием. И если даже предположить, что заверения относятся к обязанности *praestare* («гарантировать или предоставить»), то и это сомнительно. Как справедливо по этому поводу отмечает С. В. Сарбаш, обязанности *praestare* «скорее связаны с такими обстоятельствами, которые еще не наступили, тогда как при заверениях об обстоятельствах должник гарантирует, что обозначенные в соглашении обстоятельства

имели место в действительности или, наоборот, не имели места»²⁸.

В отличие от обязательства, которое представляет собой цельную поведенческую программу действий²⁹, заверения относительно фактов прошлого или настоящего фактически являются предпосылкой (частью юридического состава) для принятия окончательного решения по совершению, исполнению или прекращению сделки. Самостоятельным значением такие заверения не обладают, поскольку они характеризуют лишь отдельные аспекты договора, но не заменяют их. А породить правовые последствия заверения могут только вместе с иными условиями. Например, направление и принятие оферты, содержащей все существенные условия (ст. 435 ГК РФ), в том числе и заверения, порождают правовое последствие в виде заключения договора. Другими словами, заверения создают лишь основу в виде фиксации определенной информации для будущего возникновения, исполнения или прекращения договорного обязательства.

Когда стороны стремятся распространить заверения на будущие обстоятельства, то чаще всего получается сформулировать их таким образом, что они непосредственно связаны с исполнением условий договора³⁰, а не касаются исключительно сведений об определенных фак-

²⁵ См., например: Аладько А. И., Ерофеев Д. В. Указ. соч. С. 47.

²⁶ См., например: Мухаметзянов М. С. Гарантийные обязательства // Петербургская цивилистика 2.2 : сборник работ выпускников кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета / сост. и отв. ред. А. А. Павлов. М. : М-Логос, 2024. С. 56–57 ; Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2. С. 46–47 ; Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022. С. 134–135.

²⁷ Емельянова О. А. Предмет обязательства в связи с предоставлением заверения об обстоятельствах // Право и политика. 2020. № 4. С. 93–94.

²⁸ Сарбаш С. В. Обязательства и их исполнение: комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (постатейный). М. : М-Логос, 2022. С. 17.

²⁹ Исполнение и прекращение обязательства. С. 53–55.

³⁰ См., например: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.03.2024 № Ф08-1899/2024 по делу № А53-17000/2023.

тах. Другими словами, заверения о будущих обстоятельствах являются частью поведенческой программы заверителя в составе договорного обязательства. И такие заверения неотделимы от договорных обязательств³¹. В связи с этим возникает вопрос, зачем множить сущности, если уже есть категория «обязательство» для всего этого. Ведь потребность в новом правовом понятии возникает тогда, когда в общих положениях накопилось достаточно особенностей, наличие которых вынуждает их закрепить в составе специальных правил закона.

Впрочем, мы склонны согласиться с мнением, существующим в литературе, о возможном закреплении в составе договора условия о том, что вместе с заверениями заверитель принимает на себя также обязательства обеспечить их достоверность, т.е. совершать необходимые действия, которые поддерживают заявленное состояние конкретных обстоятельств³². Следовательно, в рамках одного договорного обязательства объединены два разных правовых явления, которые действуют вместе, но каждое в своей части и не противоречат друг другу. И одно не поглощает другое.

Если заверитель после предоставления заверений не обязан совершать какие-либо действия, за названным исключением, то перед их предоставлением заверителю в силу принципа добросовестности всё же необходимо произвести некоторые действия, чтобы убедиться в достоверности тех обстоятельств, в отношении которых будут даны заверения адресату. Это можно наглядно проиллюстрировать на примере договора купли-продажи. Так, согласно п. 3 ст. 307, п. 3 и 4 ст. 1 и п. 1

и 5 ст. 10 ГК РФ заверитель (продавец), действуя добросовестно и разумно, учитывая права и интересы своего контрагента (покупателя, адресата), перед тем как дать заверения, обязан проверить состояние товара и выявить его физические и юридические недостатки, если они есть. Другими словами, заверитель должен выполнить минимальный перечень действий, которые бы совершил любой среднестатистический и добросовестный участник гражданского оборота. Это своего рода стандарт поведения хозяйствующего субъекта в гражданском обороте, который суды в целом основывают на принципе ожидаемости, т.е. предсказуемости действий субъекта, ведущего себя так же, как любое другое лицо, действующее сообразно доброй совести и разумной осмотрительности в делах³³. Соблюдение этого, с одной стороны, обезопасит заверителя от возможных будущих притязаний адресата, а с другой — позволит обеспечить баланс интересов сторон договора. При этом в некоторых случаях обязанность продавца проверить качество товара следует из закона (ст. 474 ГК РФ).

Необходимость предварительной проверки обстоятельств, в отношении которых заверитель дает заверения, отмечается и за рубежом. Так, в английской судебной практике сложился подход, в соответствии с которым предполагается, что продавец, перед тем как предоставить заверения об обстоятельствах, выяснил, существуют или отсутствуют такие обстоятельства. Это может потребовать от него совершения некоторых действий, как то: осмотр имущества, изучение документов, получение консультаций, направление запросов о предоставлении сведений, а

³¹ См., например: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.06.2022 № 11АП-6928/2022 по делу № А49-9946/2020.

³² См.: Договорное право (общая часть). С. 601–602 ; *Воронин Е. М.* Указ. соч. С. 203–204.

³³ См., например: постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2025 № 07АП-7170/2022(6) по делу № А67-4188/2021 ; Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.09.2022 № Ф03-4100/2022 по делу № А51-8436/2021 ; Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.12.2024 № Ф08-10264/2024 по делу № А32-43724/2022 ; Арбитражного суда Центрального округа от 29.11.2022 № Ф10-2342/2022 по делу № А62-5107/2021 ; Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.12.2024 № Ф04-5387/2024 по делу № А70-20574/2023 ; от 02.11.2024 № Ф04-4466/2024 по делу № А03-12822/2023.

также приложение иных усилий, которые разумно ожидать от предусмотрительного лица³⁴.

Иначе заверитель будет привлечен к ответственности за выявленные недостатки, об отсутствии которых он заверил адресата (покупателя). Это выглядит обоснованным, поскольку именно заверитель (продавец) ближе всех к источнику информации о товаре. Поэтому наличие знаний о состоянии товара у заверителя (продавца) должно презюмироваться. И коль скоро заверитель, обладая знаниями о состоянии товара, принял решение предоставить заверения о товаре, то адресат может разумно предполагать достоверность таких заверений. Выявление обратного означает, что заверитель нарушил принцип добросовестности (п. 3 и 4 ст. 1 и п. 1 и 5 ст. 10 ГК РФ).

Таким образом, категории «заверение об обстоятельствах» и «обязательство» не следует смешивать в связи с разным содержанием, характером вовлеченности в возникновение правовых последствий. Но выглядит допустимым в рамках развития договорного обязательства, если вторая категория обеспечивает достоверность первой. А заявленная достоверность заверений основана на результатах проверки обстоятельств, которая проведена добросовестным заверителем перед принятием решения о предоставлении заверений адресату.

В-третьих, необходимо разграничивать правовые режимы заверений об обстоятельствах и гарантии от эвикции (ст. 461 ГК РФ), гарантии о передаче товара свободным от прав третьих лиц (ст. 460 ГК РФ) и гарантии качества товара (ст. 469 ГК РФ). Эти гарантии представляют собой более специальные правовые явления по сравнению с категорией «заверение об обстоя-

тельствах». Каждая из них охватывает отдельную и конкретную сферу, касающуюся либо юридических, либо физических свойств товара.

В отличие от них заверения возможно предоставить в отношении любых свойств, которыми товар может обладать. Другими словами, «заверения об обстоятельствах» являются более общим понятием относительно указанных гарантий, на наличие и использование которых влияют отдельные свойства товара. Поэтому, если будут выявлены те или иные (физические и/или юридические) недостатки в товаре и относительно них были даны заверения, то должны применяться приоритетно правила о соответствующем типе гарантии, предусмотренные в ст. 460, 461, 469 ГК РФ. На это указывает и Верховный Суд РФ в абз. 2 п. 34 Постановления № 49: к недостоверным заверениям, относящимся к предмету договора, должны применяться правила об отдельных видах договоров, содержащиеся в ГК РФ и иных законах, а также статья 431.2 ГК РФ, иные общие положения о договоре и обязательствах (п. 1 ст. 307.1 ГК РФ). Такой подход имеет поддержку в доктрине в отношении, как физических³⁵, так и юридических свойств³⁶ товара. В частности, его следует применять тогда, когда речь идет о типичных (физических и юридических) качествах товара, поскольку именно на них и рассчитаны правила ст. 460, 461, 469 ГК РФ.

Впрочем, если речь идет о наличии (отсутствии) специфических свойств предмета договора и/или относительно обстоятельств, не связанных с предметом договора (например, наличие определенной лицензии или отсутствие необходимости получения решения об одобрении крупной сделки), то применению подлежат

³⁴ См., например: *William Sindall Plc. v. Cambridgeshire County Council* [1993] EWCA Civ. 14 // URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/1993/14.html> (дата обращения: 30.01.2025) ; *Sykes & Anor. v. Taylor-Rose & Anor.* [2004] EWCA Civ. 299 // URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2004/299.html> (дата обращения: 30.01.2025) ; *Morgan & Anor. v. Pooley & Anor.* [2010] EWHC 2447 (QB) // URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2010/2447.html> (дата обращения: 30.01.2025).

³⁵ Хагба Э. Р. Указ. соч. С. 493–496.

³⁶ Соломин С. К., Соломина Н. Г. Систематизация гражданско-правовых договоров : монография. М. : Юстицинформ, 2021. С. 18. Кроме того, А. Д. Рудоквас указывает на конкуренцию правил ст. 431.2 и ст. 460, 461 ГК РФ. См.: Рудоквас А. Д. Некоторые проблемы применения ст. 431.2 ГК РФ в связи с принципом добросовестности // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 31–47.

правила о заверениях. Это связано с тем, что предоставление заверения о подобных специфических фактах обусловлено только намерениями сторон, которые имеют значение для совершения, исполнения или прекращения конкретной сделки и ценны именно для таких ее участников.

Дополнительно стоит отметить, что закрепление в п. 1 Постановления № 54 возможности возложения ответственности на сторону за наступление или ненаступление определенных обстоятельств, в том числе не зависящих от ее поведения, например в случае недостоверности заверения об обстоятельствах при осуществлении предпринимательской деятельности (п. 4 ст. 431.2 ГК РФ), по нашему мнению, сомнительно. Так, важной характеристикой заверения об обстоятельствах является достоверность или недостоверность. С выявлением недостоверности заверений связано наступление ответственности заверителя перед адресатом. Для этого необходимо однозначно установить, было ли заверение недостоверным на момент предоставления. Достоверность должна быть основана на сформированных заверителем знаниях. Другими словами, здесь затрагивается вопрос о том, знал ли или мог знать заверитель об истинном положении дел. В разъяснениях Постановления № 54 же говорится не о наличии/отсутствии знаний о достоверности или недостоверности заверений, а о том, наступит ли определенное обстоятельство или нет, о котором стороны договорились заранее. По сути, здесь речь идет о *вероятности* наступления/ненаступления обстоятельства, достоверность которого нельзя проверить. А не о случае, когда адресат полагается на *достоверность* заверений, данных заверителем, которые основаны на конкретных знаниях о фактах действительности. В такой ситуации корректнее было бы указать в п. 1 Постановления № 54 на соглашение о возмещении потерь (ст. 406.1 ГК РФ), которое как раз может содержать условие о том, что если на-

ступит конкретное обстоятельство, то одна сторона возместит другой имущественные потери. В литературе положительно рассматривается возможность распространения п. 1 Постановления № 54 на обязательства по возмещению потерь³⁷. Это не исключал и М. А. Церковников в своей работе³⁸. Соответственно, необходимо избирательно смотреть на п. 1 Постановления № 54, который следует применять к соглашениям о возмещении потерь (ст. 406.1 ГК РФ) и не учитывать при разрешении споров, связанных с недостоверными заверениями.

Таким образом, не следует множить сущности и применять к определенным обстоятельствам заверения тогда, когда существуют иные правовые инструменты (гарантия от эвикции и др.), специально рассчитанные на подобные факты. И тем более незачем распространять на заверения об обстоятельствах отдельные элементы таких правовых инструментов (применение правового механизма ст. 462 ГК РФ к заверениям об обстоятельствах), которые являются специальными по сравнению с более общей категорией «заверения об обстоятельствах». Косвенно к этому приходит и М. А. Церковников, когда указывает, что правила ст. 431.2 и ст. 460, 461 ГК РФ в значительной степени дублируют друг друга, и в случае отсутствия последних применялись бы положения о заверениях об обстоятельствах³⁹. Поэтому эффективнее будет использовать специальные правовые инструменты (ст. 460, 461, 469 ГК РФ) тогда, когда они прямо подпадают под фактические обстоятельства конкретного спора. А заверения использовать в порядке, предложенном Верховным Судом РФ в п. 34 Постановления № 49.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что, несмотря на широкий диапазон возможного использования заверений, распространение их на будущие обстоятельства сомнительно. Это противоречит существу заверений, которые не предполагают действий

³⁷ Пшеничников М. А. Правовая природа договора гарантии // *Опыты цивилистического исследования : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. Вып. 2. М. : Статут, 2018. С. 363–364.*

³⁸ Церковников М. А. Указ. соч. С. 205–206.

³⁹ Церковников М. А. Указ. соч. С. 209–210.

заверителя после их предоставления, а лишь фиксируют конкретное состояние заявленных фактов. И поэтому линейное время в рамках действия заверений невозможно. Изменить сказанное за счет принципа свободы договора нельзя, поскольку последний не должен обладать абсолютным значением и его необходимо ограничивать принципом добросовестности, который позволяет определять пределы возможного использования заверений. Тем более что для будущих обстоятельств специально рассмотрены конструкция возмещения потерь

(ст. 406.1 ГК РФ), гарантия от эвикции (ст. 461 ГК РФ), гарантия о передаче товара свободным от прав третьих лиц (ст. 460 ГК РФ) или гарантия качества товара (ст. 469 ГК РФ). Однако это не означает, что применение указанных правовых инструментов должно приводить к замещению ими заверений об обстоятельствах или их смешению. Данное исследование не претендует на разрешение всех вопросов, связанных с возможностью предоставления заверений относительно будущих обстоятельств, а служит основой для продолжения дискуссии в этом направлении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 2. — М. : Статут, 2012. — 535 с.
2. *Аладько А. И., Ерофеев Д. В.* Применение норм статьи 431.2 ГК РФ в судебной практике // Нотариальный вестник. — 2022. — № 3. — С. 40–53.
3. *Белявцев В. Е.* Гарантия качества товара в гражданском праве России // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2021. — № 3. — С. 58–61.
4. *Воронин Е. М.* Практика применения института заверений об обстоятельствах по ст. 431.2 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 6. — С. 193–208.
5. *Глухов Е. В.* Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация. — М. : М-Логос, 2019. — 1208 с.
6. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2020. — 1425 с.
7. *Емельянова О. А.* Предмет обязательства в связи с предоставлением заверения об обстоятельствах // Право и политика. — 2020. — № 4. — С. 89–98.
8. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2022. — 1494 с.
9. *Копяков А. А.* Заверения об обстоятельствах: теоретическая конструкция и проблемы правоприменения // Корпоративное право: проблемы и решения / под ред. И. С. Чупрунова. — Вып. 2. — М. : Ассоциация выпускников РШЧП, 2023. — С. 147–196.
10. *Маглеева У. А.* Несколько актуальных вопросов судебной практики по заверениям об обстоятельствах в России // Вестник арбитражной практики. — 2019. — № 1.
11. *Мамагеишвили В. З.* К вопросу о субъективной добросовестности получателя заверений об обстоятельствах и доступных ему средствах правовой защиты // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 11. — С. 4–16.
12. *Милохова А. В.* Заверения об обстоятельствах и последствия их недостоверности в сделках по продаже бизнеса // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 4. — С. 56–62.
13. *Мухаметзянов М. С.* Гарантийные обязательства // Петербургская цивилистика 2.2 : сборник работ выпускников кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета / сост. и отв. ред. А. А. Павлов. — М. : М-Логос, 2024. — С. 54–82.
14. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2020. — 1469 с.

15. Пшеничников М. А. Правовая природа договора гарантии // *Опыты цивилистического исследования : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. — Вып. 2. — М. : Статут, 2018. — С. 339–367.*
16. Руднев А. П. Оформление гарантий и заверений по российскому праву: реалии и ожидания // *Петербургский юрист. — 2015. — № 4. — С. 74–81.*
17. Рудоквас А. Д. Некоторые проблемы применения ст. 431.2 ГК РФ в связи с принципом добросовестности // *Вестник гражданского права. — 2017. — № 2. — С. 31–47.*
18. Сарбаш С. В. Обязательства и их исполнение: комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (постатейный). — М. : М-Логос, 2022. — 464 с.
19. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Систематизация гражданско-правовых договоров : монография. — М. : Юстицинформ, 2021. — 152 с.
20. Соскиева А. А. Предоставление заверений об обстоятельствах на будущее время // *Законодательство. — 2024. — № 8.*
21. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2024. — 626 с.
22. Томсинов А. В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties и indemnity в праве Англии и США // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 11. — С. 91–111.*
23. Хагба Э. Р. Заверения об обстоятельствах в сделках слияния и поглощения // *Современное корпоративное право: времен связующая нить : сборник статей / сост. и отв. ред. И. С. Шиткина. — М. : Статут, 2024. — С. 481–498.*
24. Церковников М. А. О гарантийном обязательстве из заверения о будущем обстоятельстве: комментарий к определению Верховного Суда РФ от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 // *Вестник гражданского права. — 2023. — № 6. — С. 198–213.*
25. Чумаков А. К вопросу о юридической природе заверения об обстоятельствах // *Хозяйство и право. — 2016. — № 5. — С. 102–107.*
26. Mulcahy L. *Contract Law in Perspective.* — London : Routledge-Cavendish, 2008. — 260 p.
27. Treitel G. H. *The Law of Contract.* — London : Sweet & Maxwell, 2003. — 1280 p.

Материал поступил в редакцию 4 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agarkov M. M. *Obyazatelstvo po sovetскому grazhdanskomu pravu // Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. T. 2. — М.: Статут, 2012. — 535 s.*
2. Aladko A. I., Erofeev D. V. *Primenenie norm stati 431.2 GK RF v sudebnoy praktike // Notarialnyy vestnik. — 2022. — № 3. — S. 40–53.*
3. Belyavtsev V. E. *Garantiya kachestva tovara v grazhdanskom prave Rossii // Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava. — 2021. — № 3. — S. 58–61.*
4. Voronin E. M. *Praktika primeneniya instituta zavereniy ob obstoyatelstvakh po st. 431.2 GK RF // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2019. — № 6. — S. 193–208.*
5. Glukhov E. V. *Sdelki kupli-prodazhi aktsiy i doley uchastiya v ustavnnykh kapitalakh khozyaystvennykh obshchestv: podgotovka i realizatsiya. — М.: М-Logos, 2019. — 1208 s.*
6. *Dogovornoe pravo (obshchaya chast): postateynyy kommentariy k statyam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Elektronnoe izdanie. Redaktsiya 2.0] / otv. red. A. G. Karapetov. — М.: М-Logos, 2020. — 1425 s.*
7. Emelyanova O. A. *Predmet obyazatelstva v svyazi s predostavleniem zavereniya ob obstoyatelstvakh // Pravo i politika. — 2020. — № 4. — S. 89–98.*

8. Ispolnenie i prekrashchenie obyazatelstva: kommentariy k statyam 307–328 i 407–419 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Elektronnoe izdanie. Redaktsiya 2.0] / otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2022. — 1494 s.
9. Kopyakov A. A. Zavereniya ob obstoyatelstvakh: teoreticheskaya konstruktsiya i problemy pravoprimeneniya // Korporativnoe pravo: problemy i resheniya / pod red. I. S. Chuprunova. — Vyp. 2. — M.: Assotsiatsiya vypusnikov RShChP, 2023. — S. 147–196.
10. Magleeva U. A. Neskolko aktualnykh voprosov sudebnoy praktiki po zavereniyam ob obstoyatelstvakh v Rossii // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2019. — № 1.
11. Mamageishvili V. Z. K voprosu o subektivnoy dobrosovestnosti poluchatelya zavereniy ob obstoyatelstvakh i dostupnykh emu sredstvakh pravovoy zashchity // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2024. — № 11. — S. 4–16.
12. Milokhova A. V. Zavereniya ob obstoyatelstvakh i posledstviya ikh nedostovernosti v sdelkakh po prodazhe biznesa // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2018. — № 4. — S. 56–62.
13. Mukhametzyanov M. S. Garantiynye obyazatelstva // Peterburgskaya tsivilistika 2.2: sbornik rabot vypusnikov kafedry grazhdanskogo prava Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta / sost. i otv. red. A. A. Pavlov. — M.: M-Logos, 2024. — S. 54–82.
14. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateynny kommentariy k statyam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Elektronnoe izdanie. Redaktsiya 1.0] / otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2020. — 1469 s.
15. Pshenichnikov M. A. Pravovaya priroda dogovora garantii // Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya: sbornik statey / ruk. avt. kol. i otv. red. A. M. Shirvindt, N. B. Shcherbakov. — Vyp. 2. — M.: Statut, 2018. — S. 339–367.
16. Rudnev A. P. Oformlenie garantiy i zavereniy po rossiyskomu pravu: realii i ozhidaniya // Peterburgskiy yurist. — 2015. — № 4. — S. 74–81.
17. Rudokvas A. D. Nekotorye problemy primeneniya st. 431.2 GK RF v svyazi s printsipom dobrosovestnosti // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2017. — № 2. — S. 31–47.
18. Sarbash S. V. Obyazatelstva i ikh ispolnenie: kommentariy k postanovleniyu Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 22 noyabrya 2016 g. № 54 «O nekotorykh voprosakh primeneniya obshchikh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob obyazatelstvakh i ikh ispolnenii» (postateynny). — M.: M-Logos, 2022. — 464 s.
19. Solomin S. K., Solomina N. G. Sistematizatsiya grazhdansko-pravovykh dogovorov: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2021. — 152 s.
20. Soskiewa A. A. Predostavlenie zavereniy ob obstoyatelstvakh na budushchee vremya // Zakonodatelstvo. — 2024. — № 8.
21. Sukhanov E. A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatelnyy ocherk. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2024. — 626 s.
22. Tomsinov A. V. Zavereniya ob obstoyatelstvakh i vozmeshchenie poter v rossiyskom prave v sravnenii s representations, warranties i indemnity v prave Anglii i SShA // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2015. — № 11. — S. 91–111.
23. Khagba E. R. Zavereniya ob obstoyatelstvakh v sdelkakh sliyaniya i pogloshcheniya // Sovremennoe korporativnoe pravo: vremen svyazuyushchaya nit: sbornik statey / sost. i otv. red. I. S. Shitkina. — M.: Statut, 2024. — S. 481–498.
24. Tserkovnikov M. A. O garantiynom obyazatelstve iz zavereniya o budushchem obstoyatelstve: kommentariy k opredeleniyu Verkhovnogo Suda RF ot 21 marta 2023 g. № 305-ES22-17862 // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2023. — № 6. — S. 198–213.
25. Chumakov A. K voprosu o yuridicheskoy prirode zavereniya ob obstoyatelstvakh // Khozyaystvo i pravo. — 2016. — № 5. — S. 102–107.
26. Mulcahy L. Contract Law in Perspective. — London: Routledge-Cavendish, 2008. — 260 p.
27. Treitel G. H. The Law of Contract. — London: Sweet & Maxwell, 2003. — 1280 p.

Взаимообусловленность исполнений в двусторонних долевых обязательствах

Аннотация. В современной российской доктрине сложилось два подхода к определению взаимообусловленности исполнений в двусторонних долевых обязательствах: первый исходит из нахождения в синаллагматической связи индивидуальных обязательств, а второй — кумулятивных, из-за чего сложилась правовая неопределенность в отношении ее последствий. В статье обосновывается, что они не исключают друг друга и что каждый из них обладает собственной сферой применения. Вместе с тем автор демонстрирует, что приписываемые второму подходу достоинства, заимствованные из зарубежных правовых порядков, противоречат российскому законодательству и что установление единой синаллагмы не позволяет в полной мере защитить интерес кредитора в получении им полного предоставления от долевых должников без необходимости платить кому-либо из них до момента его полного удовлетворения. В этой связи рассматриваются иные договорные механизмы, с помощью которых названный интерес тем не менее может быть обеспечен: установление неделимости исполнения обязательства должников или встречного обязательства кредитора, солидарности обязательства должников или неделимости обязательства кредитора, специального срока платежа по обязательству кредитора или предоставление ему права на односторонний отказ от договора.

Ключевые слова: синаллагма; функциональная синаллагма; взаимные обязательства; синаллагматические обязательства; делимые обязательства; долевые обязательства; исполнение обязательства; приостановление исполнения обязательства; *exceptio non adimpleti contractus*; возражение о неисполненном договоре.

Для цитирования: Борха С. С. Взаимообусловленность исполнений в двусторонних долевых обязательствах // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 52–64. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.052-064.

Interdependence of Performances in Bilateral Share Obligations

Sergey S. Borja, Postgraduate Student, Postgraduate School in Law, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
sergey@borha.ru

Abstract. In modern Russian legal doctrine, two approaches have emerged to define the interdependence of performances in bilateral divisible obligations: the first approach is based on the synallagmatic connection of individual obligations, while the second focuses on cumulative obligations. This divergence has led to legal uncertainty regarding the consequences of such interdependence. The article argues that these approaches do not exclude each other and that each has its own sphere of application. The author demonstrates, however, that the advantages attributed to the second approach, borrowed from foreign legal systems, contradict Russian

© Борха С. С., 2025

* Борха Сергей Сергеевич, аспирант аспирантской школы по праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Большой Трёхсвятительский пер., д. 3, г. Москва, Российская Федерация, 109028
sergey@borha.ru

legislation. Moreover, establishing a unified *synallagma* does not fully protect the creditor's interest in receiving complete performance from joint debtors without the necessity of making payments to any of them until full satisfaction is achieved. In this context, alternative contractual mechanisms are explored that can nonetheless safeguard the creditor's interest. These mechanisms include establishing the indivisibility of the debtors' obligation or the creditor's reciprocal obligation; introducing joint and several liability for the debtors or indivisibility of the creditor's obligation; stipulating a special payment term for the creditor's obligation; or granting the creditor the right to unilaterally terminate the agreement.

Keywords: synallagma; functional synallagma; mutual obligations; synallagmatic obligations; divisible obligations; equity obligations; performance obligation; suspension of performance obligation; exceptio non adimpleti contractus; objection to outstanding contract.

Cite as: Borja SS. Interdependence of Performances in Bilateral Share Obligations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):52-64. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.052-064.

Введение

Российское законодательство не содержит специальных предписаний относительно меновых договоров с участием долевыми кредиторов или должников. Общая норма гласит, что за каждой стороной синаллагматического договора при неосуществлении встречного предоставления противоположной стороной по умолчанию признается право приостановить исполнение своего обязательства (exceptio non adimpleti contractus) или в одностороннем внесудебном порядке отказаться от договора (абз. 1 п. 2 и 4 ст. 328 ГК РФ). Кроме того, согласно п. 3 ст. 328 ГК РФ ни одна из сторон взаимного обязательства не вправе требовать по суду исполнения, не предоставив причитающегося с нее другой стороне. Данные нормы, несомненно, могут быть адаптированы к случаям долевыми обязательств, однако в доктрине не сложилось консенсуса в отношении того, как это следует делать.

С одной стороны, в качестве находящихся в синаллагматической связи можно рассматри-

вать индивидуальные обязательства каждого из должников (кредиторов) с кредитором (должником) и соответствующие им обязанности кредитора (каждого из кредиторов) перед каждым из должников (должником)¹. Тогда при нарушении обязательства лишь одним из них кредитор будет вправе отказаться от договора или приостановить встречное исполнение только применительно к этому должнику, а тот, кто исполнит свою часть разделенного долга, не будет нести риск неполучения встречного предоставления.

С другой стороны, взаимообусловленными можно считать не индивидуальные, а кумулятивные обязательства, т.е. именно те, которые получают название долевыми. В таком случае, как утверждают А. А. Павлов и А. М. Ширвиндт, должник будет вправе приостановить исполнение в адрес любого кредитора, если хотя бы один из них не выполнит предусмотренной договором обязанности перед должником². Более того, он не будет лишен и возможности отказаться от сделки в целом, вернув уже получен-

¹ См., например: Новицкий И. Б., Луц Л. А. *Общее учение об обязательстве*. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 204–205 (автор — И. Б. Новицкий); Толлаева Н. В. *Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: монография*. М.: Статут, 2020. С. 108–110.

² См.: *Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Г. Карапетова*. М.: М-Логос, 2022. С. 793–794 (автор комментария к ст. 321 — А. А. Павлов); *Гражданское право: учебник: в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова*. 3-е изд. М.: Статут, 2023. Т. 3: *Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование*. С. 44 (автор — А. М. Ширвиндт).

ное от одного из контрагентов³. В то же время исполнивший встречное обязательство перед одним из должников кредитор, как ожидается, не сможет в судебном порядке потребовать от того исполнения обязательства, если сперва не удовлетворит требование и другого должника.

Достоинства и недостатки подходов в сравнении друг с другом видны невооруженным взглядом. Однако свидетельствует ли возникшее среди юристов разногласие о том, что в действующем регулировании имеется правовая неопределенность и что российский закон с одинаковым успехом позволяет оправдать применение любого из них? В настоящей статье мы продемонстрируем, что нет и что каждый подход обладает собственной сферой применения. Кроме того, приписываемые второму подходу последствия, взятые, по всей видимости, из немецких учебников, в части реализации должником права на приостановление исполнения противоречат тому, что на самом деле предписано нормами российского права. Последние, напротив, вынуждают его платить, как только он принял хотя бы часть встречного предоставления. Как следствие, должник по долевному требованию, заинтересованный в том, чтобы не платить до тех пор, пока сполна не получит встречное предоставление, сегодня оказывается незащищенным, если на стадии формулирования условий договора он не принял никаких мер, чтобы это исправить. А что это за меры — мы рассмотрим в заключительной части работы.

1. Синаллагма и обязательства с кумулятивным предоставлением

Ранее наличие двух подходов ко взаимоотношенности в долевыми обязательствами

проиллюстрировали случаем, когда породивший их договор выступал источником ровно двух таких обязательств. Данный пример показателен тем, что он, казалось бы, открывал возможность произвольного выбора, какие именно обязательства считать встречными: индивидуальные или кумулятивные.

Между тем для участников доктринального спора этот выбор не был произвольным, а определялся в соответствии с объективным критерием. Так, И. Б. Новицкий объяснял возникновение не одной, а нескольких синаллагм относительной автономностью отдельных требований долевыми кредиторов и обязанностей долевыми должников⁴, а А. А. Павлов, напротив, считал, что «объединение двух... синаллагм под зонтиком одной сделки дает... одну большую синаллагму»⁵.

Их объяснения, впрочем, нельзя признать удовлетворительными.

Против довода И. Б. Новицкого можно возразить тем, что необходимость нахождения в синаллагматической связи не всего долевого обязательства, а образованных в результате его разделения индивидуальных требований или долгов не следует из их природы (как относительно независимых)⁶. Ведь как возможен обмен одной вещи на несколько (например, размен одной двухкомнатной квартиры на две однокомнатные), так возможна и синаллагма между одним обязательством и несколькими. Например, если муж и жена вместе заключают договор перевозки их общего автомобиля, обязанность по оплате в соответствии со ст. 321 ГК РФ разделяется между ними, но встречное обязательство перевозчика ввиду неделимости его предмета остается единым (солидарным) (п. 1 ст. 322 ГК РФ), вследствие чего синаллагма связывает одно обязательство по перевозке с двумя денежными.

³ См.: Исполнение и прекращение обязательства. С. 794 (автор комментария к ст. 321 — А. А. Павлов). Ср.: Романова О. И. Реализация права на оспаривание сделки и права на отказ от договора в солидарных обязательствах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 88. Сн. 97.

⁴ См.: Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Указ. соч. С. 204.

⁵ Исполнение и прекращение обязательства. С. 794.

⁶ Meier S. Plurality of Parties // Commentaries on European Contract Laws / ed. by N. Jansen, R. Zimmermann. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 1575.

Ошибочность тезиса А. А. Павлова заключается в отсутствии каузальной связи между единством основания двух или нескольких обязательств и их взаимообусловленностью. Во-первых, возникающие на основании одного договора обязательства сторон друг перед другом могут не быть взаимообусловленными, как, например, относящиеся к разным временным промежуткам взаимные обязательства при поэтапных предоставлениях; обязательства из таких договоров, как безвозмездное пользование (ссуда) и поручение, где обязанность одной стороны является основной и определяет договорный тип, а обязанность другой — всего лишь призвана обеспечить возврат имущества или, соответственно, компенсацию издержек первого должника⁷. Во-вторых, взаимообусловленные обязательства могут возникать и на основании связанных друг с другом самостоятельных договоров (linked contracts), как это часто происходит при приобретении товаров в кредит за счет банков, работающих в кооперации с продавцами⁸.

Тем не менее оба юриста вполне оправданно отказались от произвольного определения встречности предоставлений в долевыми обязательствах, хоть, на наш взгляд, они и не смогли приблизиться к подходящему критерию. Думается, что им следовало бы обратить внимание на выраженную или подразумеваемую волю сторон сделки, на основании которой возникли обязательства. Иными словами, на то, что сами контрактанты, вступая в договор, рассматривали в качестве предмета обмена, ведь в одних случаях их мог интересовать обмен исключительно кумулятивными предоставлениями, а в других — и обмен их отдельными частями, и никто не мог лучше, чем они сами, это определить. Так, рыночному торговцу, к которому подошли двое покупателей с просьбой отвесить 20 кг овощей, вряд ли важно, вступает ли он с ними

в единый обмен либо в два самостоятельных, т.к. продажа осуществляется по фиксированной цене за 1 кг, а преследуемая им цель — распродать как можно больше товара. С другой стороны, если речь идет о купле-продаже индивидуально-определенной вещи, ситуация для продавца совершенно иная. У него возникает риск, получив оплату только от одного из покупателей и передав ему в ответ соответствующую долю в вещном праве, на неопределенный период оказаться участником общей собственности с незнакомым лицом. Поэтому ему разумно заранее обезопасить себя, связав соглашением с покупателями оба кумулятивных обязательства общей синаллагмой⁹. За него это может сделать и законодатель, установив соответствующую презумпцию. Но до тех пор, пока он этого не сделал, всё же следует исходить из обратного.

Стоит отметить, что аналогичная проблема существует и тогда, когда кумулятивное предоставление передается по сделке между двумя контрагентами. Например, когда организация, оказывающая услуги общественного питания, предлагает для продажи комплексный обед из заранее определенного набора блюд и напитков. Подобное предложение, как правило, подразумевает неделимость обмена, за счет чего продавец экономит на издержках, а покупатель — на расходах на питание. Но в то же время оно ограничивает клиента в возможности произвольно заменить какую-то из составляющих комплексного обеда или отказаться от нее с пропорциональным уменьшением его стоимости: в этом и подобных случаях она будет рассчитываться как простая сумма цен отдельно взятых товаров, т.к. синаллагма будет связывать отдельные части кумулятивных обязательств.

Таким образом, ни правовая природа, ни единство основания возникновения двух или нескольких долевыми и иных кумулятивных обязательств не предопределяют наличие или

⁷ Подробнее см.: Исполнение и прекращение обязательства. С. 957 и сл. (автор комментария к ст. 328 — А. Г. Карапетов).

⁸ См.: Исполнение и прекращение обязательства. С. 972–974.

⁹ Впрочем, как будет показано, по действующему российскому праву этого недостаточно, чтобы в полной мере защитить интерес продавца в получении целого встречного предоставления от нескольких покупателей.

отсутствие их взаимообусловленности. Она зависит исключительно от выраженной или подразумеваемой воли сторон сделочного обмена или соответствующей воли законодателя.

2. Право приостановить исполнение в договоре с участием долевых кредиторов и (или) должников

Как мы только что установили, в договорах, опосредующих обмен кумулятивными предоставлениями между долевыми кредиторами и (или) должниками, синаллагма может связывать как индивидуальные обязательства, так и кумулятивные. И теперь стоит задача определить, как это различие влияет на признанное в п. 2 ст. 328 ГК РФ право должника приостановить исполнение обязательства в ответ на бездействие или нарушение встречной обязанности его кредитором (одним из кредиторов).

Первый случай не вызывает затруднений. Если двустороннее доленое обязательство возникает между двумя кредиторами и должниками, то договор по умолчанию предусматривает четыре¹⁰ самостоятельных синаллагмы: каждый должник обязан совершить предоставление в адрес каждого из кредиторов в ожидании получить встречное предоставление от каждого из них. Это, в свою очередь, означает, что всякий должник вправе приостановить исполнение в адрес конкретного кредитора, только если последний сам нарушает свое встречное обязательство перед этим должником. На обстоятельства, связанные с другими кредиторами, он ссылаться не вправе.

Что касается второго случая, то его целесообразно предварительно рассмотреть на основе германского и последовавшего за ним греческого законодательства, где существует специальное правило о возражении о неис-

полненном договоре (Einrede des nichterfüllten Vertrags; ένσταση μη εκπλήρωσης της σύμβασης) в обязательствах с долевым множественностью кредиторов, которое как раз исходит из нахождения в синаллагме всего кумулятивного требования. В соответствии с этим правилом, если предоставление должно быть осуществлено несколькими лицам, отдельному лицу может быть отказано в причитающейся ему части до осуществления встречного предоставления в полном объеме (предл. 2 абз. 1 § 320 Германского гражданского уложения (ГГУ) и абз. 2 ст. 374 Гражданского кодекса Греции).

Изначально, в первом проекте ГГУ, ему вводился самостоятельный параграф 363 под заглавием «Неделимость встречного предоставления», а его редакция была заметно менее красноречивой: «Если во взаимном договоре на той или иной стороне в качестве договаривающихся участвует несколько лиц или если той или иной стороне наследуют несколько [лиц], то одно из нескольких договаривающихся [лиц] или наследников при условии, что другое договаривающееся [лицо] не обязано осуществить предоставление первым, может требовать свою долю в лежащем на последнем предоставлении только при осуществлении причитающегося ему из договора полного предоставления»¹¹.

Основной замысел нормы состоял в том, чтобы оградить должника от вероятности недоисполнения договора одним из его контрагентов и тем самым от попадания в ситуацию, на которую он не рассчитывал при вступлении в сделку¹². Перед глазами ее авторов были прежде всего случаи купли-продажи, когда одному продавцу или покупателю противостояло несколько покупателей или соответственно продавцов¹³. В них возложение на продавца необходимости совершения пропорционального исполнения привело бы к тому, что он вынужден был бы

¹⁰ *Bejarano Sánchez M.* Obligaciones civiles. 6a ed. México : Oxford University Press México, 2010. P. 484.

¹¹ Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich: Erste Lesung. Berlin ; Leipzig : J. Guttentag, 1888. S. 80.

¹² Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Berlin ; Leipzig : J. Guttentag, 1888. Bd. II : Recht der Schuldverhältnisse. S. 201.

¹³ Motive zu dem Entwurfe... S. 201–202. Подробнее см.: *Meier S.* Gesamtschulden: Entstehung und Regress in historischer und vergleichender Perspektive. Tübingen : Mohr Siebeck, 2010. S. 169 ff.

мириться с навязыванием ему общей собственности либо обновления состава ее участников, если множественность присутствовала и на его стороне¹⁴.

Вместе с тем для составителей проекта было само собой разумеющимся, что параграф 363 не должен применяться, когда требование одного из кредиторов о частичном¹⁵ исполнении в обмен на пропорциональное осуществление им встречного предоставления обосновано договором¹⁶. Впрочем, это не получило прямого отражения в законопроекте.

Впоследствии подобное ограничение выражения о неисполненном договоре появилось в абз. 2 § 320 ГГУ, согласно которому принятие частичного исполнения препятствует приостановлению встречного предоставления в той мере, в какой оно противоречило бы принципу добросовестности (*Treu und Glauben*)¹⁷. Однако необходимо иметь в виду, что речь идет исключительно о случае, когда должник предлагает принять кредитору неполное предоставление, а тот, несмотря на управомоченность от него отказаться (§ 266 ГГУ), принимает его, но с условием последующего требования его остатка (*Annahme der Teilleistung unter Vorbehalt der Nachforderung des Restes*)¹⁸. Без этой оговорки он лишается возможности сослаться на возражение о неисполненном договоре и становится обязанным осуществить в пользу должника пропорциональное

исполнение, разве что его обязанность является неделимой или полученное им предоставление в значительной степени бесполезно без его оставшейся части¹⁹.

Думается, что сказанное в отношении абз. 2 § 320 ГГУ *mutatis mutandis* следует применять и к случаю, когда один из долевыми кредиторов полностью исполняет свой долг перед должником и предъявляет к нему требование об исполнении его встречного обязательства. В пользу этого можно указать на аналогичность рассматриваемых ситуаций и на соответствие получаемого результата исторической воле законодателя. Иначе тот же результат может быть достигнут с помощью телеологической редукции гипотезы применения предл. 2 абз. 1 § 320 ГГУ. В противном случае сфера его применения, определяемая в соответствии с буквальным толкованием, видится неоправданно широкой.

Обратим внимание на то, что предложение 2 абз. 1 § 320 ГГУ посвящено возражению о неисполненном договоре должника по долевному требованию и что оно ничего не говорит про долевыми обязанности²⁰. По этому поводу Л. Эннекерус отмечал, что не находит несправедливости в понуждении долевого должника, уже получившего свою часть встречного предоставления, к исполнению обязанности перед кредитором, даже если последний еще не удовлетворил требования других должников²¹. Исходя

¹⁴ Motive zu dem Entwurfe... S. 201–202.

¹⁵ Относительно кумулятивного обязательства.

¹⁶ Motive zu dem Entwurfe... S. 202 (о диспозитивности § 363 см. также: Protokolle der Kommission für die zweite Lesung des Entwurfs des Bürgerlichen Gesetzbuchs / bearb. von A. Achilles, H. Gebhard, P. Spahn. Berlin : J. Guttentag, 1897. Bd. I. S. 627).

¹⁷ Несмотря на наличие широкой правоприменительной практики абзаца 2 § 320 ГГУ, по оценке М. Оэма, невозможно четко обозначить границу его применения, а потому этот вопрос следует разрешать отдельно для каждого случая (German Civil Code = Bürgerliches Gesetzbuch (BGB): Article-by-Article Commentary / ed. by G. Dannemann, R. Schulze. München : C. H. Beck, Nomos, 2020. Vol. I: Books 1–3: § 1–1296. § 320. Rn. 9).

¹⁸ Erman Bürgerliches Gesetzbuch / hrsg. von H. P. Westermann, B. Grunewald, G. Maier-Reimer. Köln: O. Schmidt, 2017. Bd. I. § 320. Rn. 11 (автор комментария к § 320 — H. P. Westermann); Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch / hrsg. von F. J. Säcker, R. Rixecker, H. Oetker, B. Limperg. 9. Aufl. München : C. H. Beck, 2022. Bd. 3: Schuldrecht — Allgemeiner Teil II / hrsg. von W. Krüger. § 320. Rn. 62 (автор комментария к § 320 — V. Emmerich).

¹⁹ Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. § 320. Rn. 61–62.

²⁰ Ср.: Meier S. Plurality of Parties. P. 1575, 1613; Тололаева Н. В. Указ. соч. С. 108. Сн. 3.

²¹ Enneccerus L., Lehmann H. O. Das Bürgerliche Recht: eine Einführung in das Recht des Bürgerlichen Gesetzbuchs. Marburg : N. G. Elwert, 1900. Bd. I : Einleitung, Allgemeiner Theil, Schuldverhältnisse. S. 406. Fn. 2.

из этого, можно сделать вывод об отсутствии необходимости применять по аналогии предл. 2 абз. 1 § 320 ГГУ к долевым долгам, хотя подобные рекомендации в свое время высказывались в немецкой литературе²².

Итак, германское законодательство устанавливает презумпцию того, что во взаимных договорах, предусматривающих возникновение долевого требования, синаллагма связывает со встречным обязательством его целиком, и наряду с ней содержит специальную норму, позволяющую должнику полностью приостановить исполнение в ответ на нарушение, допущенное одним из долевыми кредиторов. Тем самым по германскому праву единства основания требований долевыми кредиторов действительно достаточно, чтобы не удовлетворенный хотя бы одним из них должник мог приостановить исполнение в адрес их всех (при условии, что договор не опровергает презумпцию)²³.

Впрочем, для российского права, к анализу которого мы возвращаемся, данное утверждение неверно, поскольку единство правооснования, как было выяснено ранее, само по себе не предопределяет взаимообусловленности долевыми обязательствами, а отечественный законодатель воздержался от установления соответствующей презумпции. Поэтому для определения того, как наличие общей синаллагмы в двусторонних долевыми обязательствами влияет на право

должника приостановить обещанное им исполнение в соответствии с п. 2 ст. 328 ГК РФ, сперва необходимо допустить, что стороны договора сами пожелали связать синаллагмой не индивидуальные, а кумулятивные обязательства. Парадоксально, но и в этом случае они не добьются установления последствий, аналогичных предписанным ГГУ. Дело в том, что ГК РФ (а вместе с ним и большинство других национальных кодификаций и негосударственные своды частного права²⁴) занимает концептуально иную позицию в отношении последствий совершения частичных предоставлений по одному из (делимых) взаимообусловленных обязательств. Согласно абз. 2 п. 2 ст. 328 ГК РФ, если предусмотренное договором исполнение обязательства произведено не в полном объеме, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства лишь в части, соответствующей не предоставленному другой стороной исполнению. Как следствие, с принятием предоставления от одного из кредиторов должник обязан совершить в его адрес соразмерный встречный платеж.

Разумеется, абзац 2 п. 2 ст. 328 ГК РФ имеет в виду случай, когда не до конца исполненным является индивидуальное, а не общее, обязательство нескольких должников. Тем не менее их регулирование из-за их подобия не должно принципиально различаться, *de lege lata* оно и

²² См., например: *Schollmeyer F. Recht der Schuldverhältnisse*. München : C. H. Beck, 1900. I. Hälfte : Allgemeiner Theil des Rechts der Schuldverhältnisse (§ 241–432). S. 188.

²³ Подобные аргументы можно встретить в германских учебниках, в частности у К. Ларенца: «Конечно, между требованиями долевыми кредиторов сохраняется определенное отношение, в особенности то, что выражает их общее происхождение на основании одного договора. Продавец обязан доставить уголь каждому из двух покупателей, если он получит оплату за поставку в полном объеме (предл. 2 абз. 1 § 320). В случае просрочки в поставке только оба покупателя совместно могут отказаться от договора (§ 356 [сегодня § 351. — С. Б.]... Но в остальном *каждый имеет требование, независимое* от требования другого покупателя» (*Larenz K. Derecho de Obligaciones / trad. y not. por J. Santos Briz. Madrid : Editorial Revista de Derecho Privado, 1952. T. I. § 32, I, «а». P. 492*). См. также: *Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. § 420. Rn. 16* (автор комментария к § 420 — S. Heinemeyer).

²⁴ *Principles of European Contract Law. Parts I and II / prep. by the Commission on the European Contract Law ; ed. by O. Lando and H. Beale. The Hague ; London ; Boston : Kluwer Law International, 1999. Art. 9:201(1), 2nd sentence, Comments A and B, N. 2(a)(II). P. 404–405, 407–408 ; Principles of European Contract Law. Part III / prep. by the Commission on the European Contract Law ; ed. by O. Lando, A. Prüm, E. Clive and R. Zimmerman. The Hague ; London ; New York : Kluwer Law International, 2003. Art. 10:101, Comment C. P. 61* (авторы комментария — D. Tallon и C. Witz) ; *Карпетов А. Г. Приостановление исполнения обязатель-*

не разнится: если в соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 328 ГК РФ должник, получивший неполное исполнение от одного из долевых кредиторов, вправе приостановить исполнение своего обязательства лишь в соответствующей части, то а fortiori solvens не может быть лишен возможности требовать от должника встречного предоставления, если он исполнил свой индивидуальный долг перед ним полностью. Кроме того, если исходить из доктринального соображения, что частичный платеж делит долг на два²⁵, то из абз. 2 п. 2 ст. 328 ГК РФ может быть выведено общее правило, что деление одного из двух взаимообусловленных делимых обязательств по умолчанию ipso iure приводит к разделению второго из них, а вместе с ним и некогда общей синаллагмы. В результате получивший от одного из кредиторов встречное предоставление должник больше не может в свою очередь, избежать просрочки, не платя.

Таким образом, по действующему российскому законодательству право должника приостановить исполнение долга в ответ на нарушение встречного обязательства одним из долевых кредиторов никак не зависит от того, существует ли между ними одна или несколько синаллагм. В обоих случаях он вправе приостановить исполнение лишь пропорционально степени нарушения встречного обязательства.

3. Право на отказ от договора, в котором участвуют долевые кредиторы и (или) долевые должники

Теперь определим, как наличие единой общей или нескольких синаллагм влияет на признанное в п. 2 ст. 328 ГК РФ право кредитора расторгнуть договор в ответ на нарушение, допущенное одним из долевых должников.

Начнем с того, что в обоих случаях кредитор имеет возможность совершить отказ от договора, пропорциональный размеру недополученного предоставления. Однако для этого требуется, чтобы допущенное должником нарушение являлось существенным (абз. 2 п. 2 ст. 328, пп. 1 абз. 1 п. 2 ст. 450 и п. 4 ст. 450.1 ГК РФ)²⁶, т.е. повлекло бы для кредитора такой ущерб, чтобы он в значительной степени лишился того, на что был вправе рассчитывать при заключении договора (абз. 2 п. 2 ст. 450 ГК РФ). Существенное нарушение может быть и предвидимым (п. 2 ст. 328 ГК РФ), например, когда имеющиеся обстоятельства очевидно свидетельствуют, что встречное исполнение вторым должником произведено не будет.

Возможность расторжения договора полностью²⁷, в том числе с возвратом уже полученного от одного из должников, зависит от того, подрывает ли его нарушение интерес кредитора в исполнении сделки в целом²⁸. Подобное, как представляется, может произойти, только если синал-

ства как способ защиты прав кредитора. М. : Статут, 2011. С. 18–19, 36, 50, 81 ; *Meier S. Plurality of Parties*. P. 1575, 1613 ; Исполнение и прекращение обязательства. С. 1030–1031 (автор комментария к ст. 328 — А. Г. Карапетов).

²⁵ См., например: *Obligaciones / dir. por N. O. Silvestre*. 2a ed. Buenos Aires : La Ley, 2016. P. 799.

²⁶ Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Г. Карапетова. М. : М-Логос, 2020. С. 1130–1133 (автор комментария к ст. 450 — А. Г. Карапетов) ; Исполнение и прекращение обязательства. С. 977–979, 1030–1031 (автор комментария к ст. 328 — А. Г. Карапетов).

²⁷ Право на непропорциональный отказ от договора прямо не упоминается в российском законодательстве, но признается в судебной практике (см.: абз. 1 п. 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.06.2014 № 35 «О последствиях расторжения договора» (Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 8): «если покупатель оплатил пять партий товара, а получил только две, при расторжении договора он вправе требовать либо возврата сумм, уплаченных за три партии товара, либо возврата всей оплаты при условии возвращения им полученного товара») и доктрине (см., например: Договорное право (общая часть). С. 1351–1352 (автор комментария к ст. 453 — А. Г. Карапетов)).

²⁸ См.: Исполнение и прекращение обязательства. С. 1031–1033 (автор комментария к ст. 328 — А. Г. Карапетов). Ср.: *Principles of European Contract Law. Parts I and II*. Art. 9:302. P. 411–413 ; *Principles of European*

лагма связывает кумулятивные обязательства²⁹. В противном случае разумно предположить, что стороны пожелали свести к нулю вероятность расторжения всего договора на основании его нарушения одним должником, заранее раскрыв отсутствие у кредитора интереса в получении исключительно кумулятивного предоставления.

Итак, установление единой синаллагмы между долевыми обязательствами или нескольких между отдельными их частями не оказывает никакого влияния на допустимость пропорционального расторжения договора в ответ на нарушение, допущенное одним из долевыми должников³⁰, но второй случай исключает возможность его полного расторжения.

4. Требование об исполнении долевого обязательства из договора, предъявляемого в судебном порядке

Следующий вопрос, как наличие нескольких или единой общей синаллагмы влияет на право кредитора(-ов) требовать по суду исполнения долевого обязательства в соответствии с п. 3 ст. 328 ГК РФ, согласно которому ни одна из сторон взаимного обязательства не вправе требовать по суду от другой стороны исполнения в натуре, не предоставив причитающегося с нее другой стороне.

В первом случае для удовлетворения иска кредитора к должнику необходимо, чтобы он сам предварительно исполнил встречное обязательство в пользу ответчика или хотя бы предложил тому принять исполнение, но тот бы от него уклонился и впал в просрочку кредитора (ст. 406 ГК РФ).

Аналогичным образом должен разрешаться и второй случай, т.к. из системного толкования п. 2 и 3 ст. 328 ГК РФ следует, что сторона синаллагматического договора не вправе требовать по суду от другой стороны исполнения обязательства лишь в той степени, в которой этой другой стороне принадлежит право на приостановление исполнения³¹. Как мы выяснили ранее, установление единой синаллагмы между двумя долевыми обязательствами само по себе не позволяет должнику полностью приостановить исполнение, если он уже получил хотя бы часть встречного предоставления. Как следствие, в подобной ситуации кредитор вправе рассчитывать на удовлетворение иска об исполнении соответствующей части долевого обязательства вне зависимости от того, получил ли ответчик встречное исполнение и от другого кредитора или исполнил ли истец встречное обязательство и в пользу другого должника.

Таким образом, наличие между долевыми обязательствами одной или нескольких синаллагм никак не влияет на право кредиторов требовать по суду их исполнения от должников.

5. Способы защиты интереса кредитора в получении от долевого должника целого предоставления и в отсрочке собственного исполнения

К настоящему моменту нам удалось удостоверить, что по действующему российскому праву связывание долевого обязательства единой синаллагмой не позволяет кредитору в полной мере защитить свой интерес в получении от должников кумулятивного предоставления во всей его целостности и в отсрочке собственного

Contract Law. Part III. Art. 10:101, Comment C. P. 60 (авторы комментария — D. Tallon, C. Witz) ; Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / ed. by C. von Bar, E. Clive. München : Sellier European Law Publishers, 2009. Vol. I. Art. III. — 4:102, Comment C; Art. III. — 3:506(2), Comments and Notes.

²⁹ Этого обстоятельства, безусловно, самого по себе недостаточно для отказа от всего договора, что следует из абз. 2 п. 2 ст. 328 ГК РФ.

³⁰ Ср.: Романова О. И. Указ. соч. С. 81.

³¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства. С. 1036 (автор комментария к ст. 328 — А. Г. Карапетов). См. также: абз. 2 п. 58 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых

исполнения до момента получения им полного встречного предоставления. Причиной этого является то, что в соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 328 ГК РФ должник вынуждается платить, если он получает хотя бы часть встречного предоставления, а как кредитор он не имеет права отказать одному из должников в принятии части кумулятивного предоставления³², т.к. по смыслу ст. 311 ГК РФ оно не является частичным³³.

В этой связи рассмотрим механизмы, позволяющие кредитору защитить описанный интерес еще на стадии формулирования условий договора. Из них одни направлены на то, чтобы обеспечить ему легальную возможность не принимать предоставление только от одного из должников (п. 5.1–5.2), а другие — отсрочить собственное исполнение до момента полного удовлетворения его требования (п. 5.3–5.6).

5.1. Установление неделимости исполнения обязательства должников

Неделимость исполнения долевого долга или его совместность означает, что кредитор по такому обязательству вправе требовать от должников исполнения, а должники должны совершать исполнение кредитору только совместно. Обычно она следует из природы действия, составляющего предмет обязательства. Однако ее источником может быть и договор. В таком случае стороны прямо исключают возможность исполнения делимого обязательства по частям, соответствующим индивидуальным обязанностям отдельных должников.

Между тем совместность обязательства имеет для кредитора и недостатки. Так, если один из должников становится неспособным исполнить свою часть общего обязательства, остальные должники освобождаются от ответственности на основании приводящей невозможности исполнения (п. 1 ст. 416 ГК РФ).

5.2. Установление солидарности обязательства должников

Несмотря на то что одним из мотивов разделения ответственности вступающих в договорный обмен должников выступает неспособность каждого из них в отдельности осуществить предоставление целиком, это обстоятельство не препятствует установлению между ними солидарности. Если один из собственников может заключить действительную куплю-продажу всей вещи, то и участники общей долевой собственности могут пообещать передать вещь в собственность покупателю солидарно³⁴. Разумеется, последний таким образом не сможет добиться полного удовлетворения в результате присуждения к исполнению обязанности в натуре одного из должников. Зато у него появится возможность не принимать часть обещанного предоставления только от одного из них ввиду его неполноты (ст. 311 ГК РФ).

5.3. Установление специального срока платежа по обязательству кредитора

Согласно прямому указанию в п. 4 ст. 328 ГК РФ стороны договора могут исключить применение к их отношениям правил о встречном исполнении, предусмотренных пунктами 2 и 3 той же статьи. Из этого следует, что стороны вправе изменить срок исполнения встречного обязательства кредитора, в частности, согласовав, что встречное исполнение должно быть произведено им при удовлетворении его требования последним из должников, но во всяком случае не позднее определенного ими срока³⁵.

5.4. Предоставить кредитору право на односторонний отказ от договора

Стороны договора также могут предоставить кредитору право в одностороннем порядке отказать от сделки, если к определенному сроку его требование не будет полностью погашено хотя бы одним из должников. Это, в свою оче-

вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

³² Если эта часть является надлежащим исполнением индивидуального долга должника.

³³ Ср.: Толстова Н. В. Указ. соч. С. 110.

³⁴ Meier S. Plurality of Parties. P. 1566.

³⁵ См.: Исполнение и прекращение обязательства. С. 928 (автор комментария к ст. 327.1 — А. Г. Карапетов).

редь, приведет к тому, что если один из них исполнит свое обязательство, а другой будет находиться в просрочке, кредитор сможет не только расторгнуть весь договор с возвратом уже полученного, но и приостановить исполнение собственного обязательства в адрес всех должников (*argumentum a fortiori*)³⁶.

5.5. Установление неделимости исполнения собственного обязательства

Другим способом избежать необходимости платить по встречному обязательству до момента полного удовлетворения кредитора является установление неделимости исполнения его обязанности. В таком случае лишь все должники совместно смогут требовать от него исполнения встречного обязательства, и если хотя бы один из них не погасит собственного долга перед кредитором, последний сможет приостановить встречное исполнение в полном объеме.

5.6. Установление неделимости встречного обязательства

Наконец, кредитор может быть заинтересован в установлении неделимости собственного обязательства. В таком случае каждый из его уже солидарных кредиторов будет вправе требовать от него полного исполнения обязательства. Однако до тех пор, пока он не будет полностью удовлетворен, он сохранит возражение о неисполненном договоре. При этом необходимо иметь в виду, что если стороны согласуют не неделимость, а солидарность встречного обязательства кредитора, то получение им части предоставления от одного из должников не позволяет ему целиком приостановить собственное исполнение, т.к. его долг является делимым, а солидарные кредиторы вправе требовать от должника исполнения и части делимого долга.

Заключение

Основные выводы исследования можно резюмировать следующим образом.

1. Ни правовая природа, ни единство основания возникновения двусторонних долевого обязательств не определяют наличие или отсутствие их взаимообусловленности. Она зависит исключительно от выраженной или подразумеваемой воли сторон сделочного обмена или соответствующей воли законодателя.

2. По действующему российскому праву установление сторонами договора единой sinalлагмы между двумя долевыми обязательствами или нескольких между отдельными их частями не оказывает никакого влияния на реализацию предусмотренных в ст. 328 ГК РФ права должника приостановить исполнение, права кредитора в одностороннем порядке отказаться от договора пропорционально степени его нарушения, а также права кредитора требовать по суду исполнения от должников.

3. Установления единой sinalлагмы между долевыми обязательствами по действующему российскому праву недостаточно, чтобы в полной мере защитить интерес кредитора по долевого требованию в получении им полного кумулятивного предоставления и в отсрочке собственного исполнения до момента полного удовлетворения его требования.

Впрочем, следующие договорные механизмы позволяют это исправить: установление неделимости исполнения обязательства должников или встречного обязательства кредитора, солидарности обязательства должников или неделимости обязательства кредитора, специального срока платежа по обязательству кредитора или предоставление ему права на односторонний отказ от договора.

³⁶ См.: Исполнение и прекращение обязательства. С. 1032 (автор комментария к ст. 328 — А. Г. Карапетов).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданское право : учебник : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. Т. 3 : Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование. — 3-е изд. — М. : Статут, 2023. — 524 с.
2. Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Г. Карапетова. — М. : М-Логос, 2020. — 1425 с.
3. Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Г. Карапетова. — М. : М-Логос, 2022. — 1496 с.
4. *Карапетов А. Г.* Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. — М. : Статут, 2011. — 239 с.
5. *Новицкий И. Б., Лунц Л. А.* Общее учение об обязательстве. — М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. — 416 с.
6. *Романова О. И.* Реализация права на оспаривание сделки и права на отказ от договора в солидарных обязательствах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2023. — № 1. — С. 58–99.
7. *Тололаева Н. В.* Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография. — М. : Статут, 2020. — 144 с.
8. *Bejarano Sánchez M.* Obligaciones civiles. — 6a ed. — México : Oxford University Press México, 2010. — XXX, 324 p.
9. *Enneccerus L., Lehmann H. O.* Das Bürgerliche Recht: eine Einführung in das Recht des Bürgerlichen Gesetzbuchs. — Bd. I : Einleitung, Allgemeiner Theil, Schuldverhältnisse. — Marburg : N. G. Elwert, 1900. — XIX, 799 S.
10. *Erman* Bürgerliches Gesetzbuch / hrsg. von H. P. Westermann, B. Grunewald, G. Maier-Reimer. — Bd. I. — Köln : O. Schmidt, 2017. — LI, 3484 S.
11. German Civil Code = Bürgerliches Gesetzbuch (BGB): Article-by-Article Commentary / ed. by G. Dannemann, R. Schulze. — Vol. I. Books 1–3. § 1–1296. — München : C. H. Beck ; Nomos, 2020. — XXVIII, 2322 p.
12. *Larenz K.* Derecho de Obligaciones / trad. y not. por J. Santos Briz. — T. I. — Madrid : Editorial Revista de Derecho Privado, 1952. — X, 542 p.
13. *Meier S.* Gesamtschulden: Entstehung und Regress in historischer und vergleichender Perspektive. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2010. — XX, 1311 S.
14. *Meier S.* Plurality of Parties // Commentaries on European Contract Laws / ed. by N. Jansen, R. Zimmermann. — Oxford : Oxford University Press, 2018. — P. 1557–1625.
15. *MünchKommBürgerlG* zum Bürgerlichen Gesetzbuch / hrsg. von F. J. Säcker, R. Rixecker, H. Oetker, B. Limperg. — Bd. 3: Schuldrecht — Allgemeiner Teil II / hrsg. von W. Krüger. — 9. Aufl. — München : C. H. Beck, 2022. — LI, 1836 S.
16. *Obligaciones* / dir. por N. O. Silvestre. — 2a ed. — Buenos Aires : La Ley, 2016. — LI, 897 p.
17. Principles of European Contract Law. — Part III / prep. by the Commission on the European Contract Law ; ed. by O. Lando, A. Prüm, E. Clive, R. Zimmerman. — The Hague ; London ; New York : Kluwer Law International, 2003. — XXXV, 291 p.
18. Principles of European Contract Law. — Parts I and II / prep. by the Commission on the European Contract Law ; ed. by O. Lando, H. Beale. — The Hague ; London ; Boston : Kluwer Law International, 1999. — XLVIII, 561 p.
19. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / ed. by C. von Bar, E. Clive. — Vol. I. — München : Sellier European Law Publishers, 2009. — XXII, 1010 p.
20. *Schollmeyer F.* Recht der Schuldverhältnisse. — I. Hälfte: Allgemeiner Theil des Rechts der Schuldverhältnisse (§ 241–432). — München : C. H. Beck, 1900. — [IV], 449 S.

Материал поступил в редакцию 17 января 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Grahdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. / pod red. E. A. Sukhanova. T. 3: Obshchie polozheniya ob obyazatelstvakh i dogovorakh. Dogovornye obyazatelstva po peredache veshchey v sobstvennost ili v polzovanie. — 3-e izd. — M.: Statut, 2023. — 524 s.
2. Dogovornoe pravo (obshchaya chast): postateynny kommentariy k statyam 420–453 Grahdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / pod red. A. G. Karapetova. — M.: M-Logos, 2020. — 1425 s.
3. Ispolnenie i prekrashchenie obyazatelstva: kommentariy k statyam 307–328 i 407–419 Grahdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / pod red. A. G. Karapetova. — M.: M-Logos, 2022. — 1496 s.
4. Karapetov A. G. Priostanovlenie ispolneniya obyazatelstva kak sposob zashchity prav kreditora. — M.: Statut, 2011. — 239 s.
5. Novitskiy I. B., Lunts L. A. Obshchee uchenie ob obyazatelstve. — M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury, 1950. — 416 s.
6. Romanova O. I. Realizatsiya prava na osparivanie sdelki i prava na otkaz ot dogovora v solidarnykh obyazatelstvakh // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2023. — № 1. — S. 58–99.
7. Tololaeva N. V. Passivnye solidarnye obyazatelstva: rossiyskiy podkhod i kontinentalno-evropeyskaya traditsiya: monografiya. — M.: Statut, 2020. — 144 s.
8. Bejarano Sánchez M. Obligaciones civiles. — 6a ed. — México: Oxford University Press México, 2010. — XXX, 324 p.
9. Enneccerus L., Lehmann H. O. Das Bürgerliche Recht: eine Einführung in das Recht des Bürgerlichen Gesetzbuchs. — Bd. I: Einleitung, Allgemeiner Theil, Schuldverhältnisse. — Marburg: N. G. Elwert, 1900. — XIX, 799 S.
10. Erman Bürgerliches Gesetzbuch / hrsg. von H. P. Westermann, B. Grunewald, G. Maier-Reimer. — Bd. I. — Köln: O. Schmidt, 2017. — LI, 3484 S.
11. German Civil Code = Bürgerliches Gesetzbuch (BGB): Article-by-Article Commentary / ed. by G. Dannemann, R. Schulze. — Vol. I. Books 1–3. § 1–1296. — München: C. H. Beck; Nomos, 2020. — XXVIII, 2322 p.
12. Larenz K. Derecho de Obligaciones / trad. y not. por J. Santos Briz. — T. I. — Madrid: Editorial Revista de Derecho Privado, 1952. — X, 542 p.
13. Meier S. Gesamtschulden: Entstehung und Regress in historischer und vergleichender Perspektive. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. — XX, 1311 S.
14. Meier S. Plurality of Parties // Commentaries on European Contract Laws / ed. by N. Jansen, R. Zimmermann. — Oxford: Oxford University Press, 2018. — P. 1557–1625.
15. Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch / hrsg. von F. J. Säcker, R. Rixecker, H. Oetker, B. Limperg. — Bd. 3: Schuldrecht — Allgemeiner Teil II / hrsg. von W. Krüger. — 9. Aufl. — München: C. H. Beck, 2022. — LI, 1836 S.
16. Obligaciones / dir. por N. O. Silvestre. — 2a ed. — Buenos Aires: La Ley, 2016. — LI, 897 p.
17. Principles of European Contract Law. — Part III / prep. by the Commission on the European Contract Law; ed. by O. Lando, A. Prüm, E. Clive, R. Zimmerman. — The Hague; London; New York: Kluwer Law International, 2003. — XXXV, 291 p.
18. Principles of European Contract Law. — Parts I and II / prep. by the Commission on the European Contract Law; ed. by O. Lando, H. Beale. — The Hague; London; Boston: Kluwer Law International, 1999. — XLVIII, 561 p.
19. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / ed. by C. von Bar, E. Clive. — Vol. I. — München: Sellier European Law Publishers, 2009. — XXII, 1010 p.
20. Schollmeyer F. Recht der Schuldverhältnisse. — I. Hälfte: Allgemeiner Theil des Rechts der Schuldverhältnisse (§ 241–432). — München: C. H. Beck, 1900. — [IV], 449 S.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.065-071

В. В. Цветков*

Защита прав работников от дискриминации по заработной плате: опыт Евросоюза

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы в части установления и обеспечения соблюдения принципа равного вознаграждения за равный труд как в Российской Федерации, так и в некоторых европейских государствах, в том числе на наднациональном уровне в Европейском Союзе. Директива ЕС от 10.05.2023 2023/970 направлена на укрепление прозрачности в вопросах установления систем оплаты труда и механизмах правоприменения и нацелена главным образом на обеспечение гендерного равенства в части гарантий равной оплаты труда и устранение особо частых форм дискриминации. В статье дается критическая оценка критериям, введенным Директивой ЕС, по которым можно соотносить ценность труда конкретного работника с ценностью труда другого работника. Помимо предоставления работникам эффективных средств давления на работодателя, Директива ЕС создает для работодателей дополнительную нагрузку в виде подготовки и направления отчетов, а для государства — в виде создания специальных органов (комиссий) по обработке отчетов и реагированию на них.

Ключевые слова: трудовое право ЕС; принцип равной оплаты за труд равной ценности; борьба с дискриминацией; гендерное равенство; директива ЕС; европейское трудовое право; российское трудовое право; отчетность работодателя; прозрачная система оплаты труда; презумпция наличия дискриминации.

Для цитирования: Цветков В. В. Защита прав работников от дискриминации по заработной плате: опыт Евросоюза // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 65–71. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.065-071.

Protection of Workers' Rights against Wage Discrimination: The Experience of the European Union

Valentin V. Tsvetkov, Chief Legal Counsel, Gazprom Gazifikatsiya OOO; Trainee of the Law Institute (St. Petersburg), St. Petersburg, Russian Federation
tsvetkov-val@mail.ru

Abstract. The article examines the establishment and enforcement of the principle of equal pay for equal work both in the Russian Federation and in several European countries, including at the supranational level within the European Union (EU). EU Directive 2023/970 of May 10, 2023 (hereinafter referred to as the EU Directive) is aimed

© Цветков В. В., 2025

* Цветков Валентин Викторович, главный юрисконсульт ООО «Газпром газификация», стажер Юридического института (г. Санкт-Петербург)
Большой Сампсониевский пр., д. 60 лит. А., г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199044
tsvetkov-val@mail.ru

at enhancing transparency in the development of pay systems and enforcement mechanisms, with the primary goal of ensuring gender equality in guaranteeing equal pay and eliminating frequent forms of discrimination. The paper provides a critical assessment of the criteria introduced by the EU Directive that are used to compare the value of one worker's labor with that of another. In addition to empowering workers with effective means to pressure employers, the EU Directive imposes additional responsibilities on employers, such as preparing and submitting reports, and on the state that is obliged to establish special bodies (commissions) to process these reports and respond to them.

Keywords: EU labor law; the principle of equal pay for work of equal value; combating discrimination; gender equality; EU directive; European labor law; Russian labor law; employer reporting; transparent pay system; presumption of discrimination.

Cite as: Tsvetkov VV. Protection of Workers' Rights against Wage Discrimination: The Experience of the European Union. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):65-71. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.065-071/

Принцип равного вознаграждения за труд равной ценности имеет долгую историю, зачастую проявляясь через запреты дискриминации по признаку пола. Международная организация труда провозгласила указанный принцип в 1951 г. в Конвенции № 100 о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности¹ (далее — Конвенция). Согласно ст. 2 Конвенции «каждый Член Организации при помощи средств, соответствующих действующим методам установления ставок вознаграждения, поощряет и в той мере, в какой это совместимо с указанными методами, обеспечивает применение в отношении всех трудящихся принципа равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности».

В России названный принцип нашел закрепление в ТК РФ² через установление обязанностей работодателя. Так, работодатель в силу ч. 2 ст. 22 ТК РФ обязан, помимо прочего, «обеспечивать работникам равную оплату за труд равной ценности». Запрет на «дискриминацию при установлении и изменении условий оплаты труда», предусмотренный в ч. 2 ст. 132 ТК РФ, также относится к ограничению хозяйской власти работодателя. Вопросы по реализации данного принципа возникают уже на стадии понимания «равной ценности» труда, ведь любая ценность имеет субъективную оценку, как и труд работника, которым пользуется определенный

работодатель. Соответственно, разумно предполагать, что раз весь труд заказывается и оплачивается работодателем, то именно работодатель, состоящий в трудовых отношениях с конкретным работником, вправе для себя решить, чей труд он ценит больше, исходя из условий рынка. В идеале рыночный механизм должен работать, ведь работник с большим уровнем квалификации и качественно сделанной работой будет гораздо дороже продавать свой труд, чем его расторопный, но менее опытный коллега. Рыночную идиллию портит как минимум пара нюансов: с одной стороны, работник чаще всего взаимодействует с другим работником, который в конкретных трудовых отношениях выступает в качестве представителя работодателя, а этот представитель явно полагается скорее на свои интересы, нежели на интересы абстрактного работодателя; с другой стороны, очевидно, что подобное безграничное субъективное усмотрение всегда ведет к дискриминации по какому-либо признаку, а значит, такое условие труда, как заработная плата, должно контролироваться со стороны публичной власти (государства). В этой связи выглядит несколько неожиданным появление принципа, провозглашенного МОТ в качестве базового в функционировании трудового правоотношения, в ряду обязанностей даже не государства, а работодателя. Выходит, что государство как будто делегировало свою

¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIX. М., 1960. С. 297–301.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

обязанность работодателю, а само вызвалось пресекать лишь крайние и явные формы дискриминации, причем возлагая обязанность по выявлению дискриминации и доказыванию фактов ее проявления на самую слабую сторону — работника.

Если говорить об интерпретации указанных норм (принципов) на практике, то следует прийти к следующим выводам. Так, практикующие юристы обоснованно сообщают о рисках для работодателя в случае установления разного уровня оплаты труда для лиц, занимающих одну должность и имеющих одну должностную инструкцию³. Анализ судебной практики показывает вполне здравую тенденцию к исследованию фактических обстоятельств дела. Суды оценивают наполнение (содержание) трудовой функции: содержание должностных (трудовых) обязанностей работников, объем и условия работы, квалификацию и навыки работников, т.е. характеристики труда и деловые качества работника⁴. В рамках процесса суды вызывают свидетелей, исследуют должностные инструкции и устанавливают объем работы. Однако вся сложность состоит в том, что в большинстве случаев работники совершенно не владеют информацией об оплате труда своих коллег при той сложившейся практике, что почти в любой корпорации присутствуют так называемые «вилки» оплаты труда по одной должности. Работникам фактически неоткуда получить сведения о зарплатах своих коллег: коллеги и работодатели такие сведения сообщать не обязаны, а в большинстве случаев

это прямо запрещается политикой компании или условиями заключенного соглашения о неразглашении. Бремя доказывания любого факта дискриминации лежит на заявителе, что в подавляющем большинстве случаев лишает работников реальной защиты своих трудовых прав. Как указывают аналитики из консалтинговой группы FinExpertiza, «в 2023 году гендерный разрыв в зарплатах стал максимальным за 11 лет: в 2023 году средняя зарплата женщин, работающих на крупных и средних предприятиях, с учетом всех доплат и премиальных, была на 33 % ниже мужской — мужчины зарабатывали на 27,7 тыс. руб., или в полтора раза больше»⁵.

По состоянию на 2022 г. почасовой заработок женщин в Европейском Союзе в среднем был на 12,7 % ниже, чем у мужчин; самый высокий гендерный разрыв в оплате труда в ЕС был зафиксирован в Эстонии (21,3 %), а самый низкий — в Люксембурге (0,7 %)⁶.

Равная оплата труда мужчин и женщин закреплена в Договоре о функционировании Европейского Союза 2007 г.⁷ (ДФЕС). В статье 157 ДФЕС на государства-члены возлагается обязанность обеспечивать равную оплату труда, устраняя гендерную дискриминацию. Фактическое неравенство в оплате труда женщин и мужчин вызывало озабоченность европолитиков, однако долгое время разрешение этого вопроса оставляли на усмотрение государств-членов. Для выравнивания Европейская комиссия в 2014 г. приняла рекомендации для государств — членов ЕС по принятию добровольных мер,

³ См.: Ливена С. В. «Вилки» окладов // Кадровик-практик. 2024. № 5. С. 19–25.

⁴ См.: Разный оклад по одной должности: накажут или обойдется? // Практическая бухгалтерия. 2023. № 8. С. 66–71. См. также: определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2021 по делу № 88-25020/2021 // URL: <https://2kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 22.01.2025); определения Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.06.2022 по делу № 88-10180/2022, от 02.07.2020 по делу № 88-14444/2020, 2-3791/2019 // URL: <https://6kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 22.01.2025).

⁵ В 2023 году гендерный разрыв в зарплатах стал максимальным за 11 лет // Finexpertiza. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2024/gend-razr-v-zarplat/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁶ Gender pay gap statistics // Eurostat official website. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Gender_pay_gap_statistics (дата обращения: 17.12.2024).

⁷ Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union — Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union — Protocols — Annexes — Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007 // Official Journal of the European Union. 2012. С 326.

направленных на повышение прозрачности в системах оплаты труда и установление заработной платы с учетом гендерных аспектов⁸.

Рекомендации 2014 г. можно охарактеризовать как набор инструментов, состоящий из четырех ключевых мер: индивидуальных прав на информацию о заработной плате, отчетности на уровне компании, аудита заработной платы и равной оплаты труда в коллективных договорах⁹.

В таких странах, как Германия, Франция, Испания, Ирландия, Нидерланды, было разработано законодательство, обязывающее работодателей отчитываться перед компетентными государственными органами или рабочими советами о разнице в оплате труда женщин и мужчин. В 2021 г. Федеральный суд по трудовым спорам Германии избавил работников от бремени доказывания дискриминации по заработной плате. Этим странам действительно удалось на четверть сократить гендерный разрыв в оплате труда, что стимулировало Евросоюз к продвижению опыта передовых государств в остальных странах Союза; в результате Европейским парламентом и Советом 10 мая 2023 г. была принята Директива 2023/970, направленная на «усиление применения принципа равной оплаты за равный труд или труд равной ценности между мужчинами и женщинами посредством обеспечения прозрачности оплаты труда и механизмов правоприменения»¹⁰ (далее — Директива). Она решает множество насущных вопросов, устанавливая срок для приведения национального законодательства в соответствие с ее положениями до 7 июня 2026 г.

Примечательно, что европейский законодатель решил наконец определить критерии, по которым можно соотносить ценность труда конкретного работника с ценностью труда другого работника. Разработчики, несомненно, назвали такие критерии «объективными, гендерно-нейтральными». Они включают навыки, прилагаемые усилия, уровень ответственности и условий труда, а при необходимости — любые другие факторы, имеющие отношение к конкретной работе или должности, в частности навыки межличностного общения (ст. 4(4)). Сложно представить, как перечень объективных критериев можно оставлять открытым, а также напрямую указывать на возможность оценки «софт скиллов» — надпрофессиональных навыков, которые помогают решать жизненные задачи и работать с другими людьми¹¹, что может подвергаться оценке только при непосредственном контакте (межличностном общении), результат которого зависит исключительно от субъективных факторов участвующих в коммуникации людей.

Директива призвана усилить применение принципа равной оплаты труда за счет введения двух ключевых механизмов: прозрачности оплаты труда и соблюдения требований о равной оплате труда.

Директива требует от работодателей в ЕС обеспечить прозрачность оплаты труда. Помимо прочего, это означает, что работники будут иметь право на получение информации о средней заработной плате за конкретную работу, что должно упростить выявление случаев неравенства и дискриминации в оплате труда. Такой

⁸ European Commission. Commission Recommendation on strengthening the principle of equal pay between men and women through transparency, COM(2014)1405 final.

⁹ Towards pay equity: Regulations, reporting and practical application in the Nordic region / The Nordic Council of Ministers // URL: <https://pub.norden.org/temanord2024-548/8-eu-pay-transparency-directive-2023-970-and-work-of-equal-value.html> (дата обращения: 17.12.2024).

¹⁰ Directive (EU) 2023/970 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 to strengthen the application of the principle of equal pay for equal work or work of equal value between men and women through pay transparency and enforcement mechanisms (Text with EEA relevance). PE/81/2022/REV/1 // Official Journal of the European Union. L 132. 2023. P. 21–44.

¹¹ Что такое soft skills и как их развивать. Полный гид // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e90743f9a7947ca3bbb6523?from=copyhttps://trends.rbc.ru/trends/education/5e90743f9a7947ca3bbb6523?from=copy> (дата обращения: 17.12.2024).

механизм предназначен не только для повышения прозрачности, но и для того, чтобы работники могли эффективно защищать свои права в случае выявления нарушений в этой сфере. Вместе с тем условия прозрачности отдельно установлены для соискателей и для работников.

В отношении соискателей работодатели должны будут предоставлять данные о 1) начальной зарплате и возможном пределе для соответствующей позиции; 2) условиях коллективного договора, применимых к этой позиции. Указанные сведения должны предоставляться таким образом, чтобы обеспечить информированность и прозрачность переговоров о заработной плате (например, в опубликованном объявлении о вакансии), что обеспечивает гендерное равенство в процессе найма. Работодателям запрещается запрашивать у соискателей сведения об их заработной плате на предыдущих местах работы.

Что касается работников, то государства-члены должны обязать работодателей информировать работников об объективных и гендерно-нейтральных критериях, применяемых для определения заработной платы, ее уровня и повышения (государства-члены могут освободить от этой обязанности работодателей, в штате которых менее 50 работников). Под официальным запретом теперь использование договорных условий, не позволяющих работникам раскрывать информацию о своей заработной плате. Но есть одна оговорка: работодатели могут требовать от работников, чтобы они не использовали информацию, кроме сведений о собственной заработной плате и ее уровне, ни для каких целей, кроме реализации своего права на равную оплату труда.

Директива также устанавливает право работника на:

1) получение от работодателя по запросу работника в письменном виде информации об индивидуальном уровне заработной платы работника и среднем уровне заработной платы в разбивке по половому признаку для категорий работников, выполняющих ту же работу, что и работник, или работу равной ценности, в течение не более двух месяцев с момента подачи такого запроса (в случае неполноты

предоставленной информации работодатель должен будет уточнить ее по запросу работника или организации, представляющей интересы работника);

2) ежегодное информирование о вышеуказанном праве и порядке его реализации.

Если резюмировать вышесказанное, то создается впечатление, что хотя у работника и появляется некий комплекс прав, но он по-прежнему может получать лишь обезличенную информацию о средней зарплате по должности; несмотря на то что ему не запрещается обсуждать свою зарплату с коллегами, он не имеет права на персонализированное понимание размера оплаты труда конкретного сотрудника или, что было бы более ценно на практике, своих коллег по той же должности с указанием европейских «объективных, гендерно-нейтральных критериев», которые бы пролили свет на порядок формирования и без того прозрачной системы оплаты труда каждого работника.

Исходя из содержания Директивы, очевидно, что основное внимание в ней всё же уделяется борьбе с разницей в оплате труда мужчин и женщин. С целью мониторинга и оперативного реагирования на текущую ситуацию европейские институты обязали работодателей предоставлять отчеты по заработной плате с определением гендерного разрыва в различных пропорциях и интерпретациях (медианный, общий, поквартальный, по базовой зарплате, по дополнительным компонентам и пр.). Директива делит работодателей на категории в зависимости от численности их персонала и устанавливает отдельные сроки предоставления отчетности для каждой категории:

- до 99 работников: сообщать не требуется;
- 100–149 работников: обязаны отчитываться каждый третий год, а начиная с 7 июня 2031 г. — за предыдущий год;
- 150–249 работников: необходимо отчитываться каждый третий год, а начиная с 7 июня 2027 г. — за предыдущий год;
- более 250 работников: годовая отчетность, начиная с 7 июня 2027 г. — за предыдущий год.

ЕС предлагает стремиться к разрыву в оплате труда женщин и мужчин не более 5 %. Работода-

тели, обязанные предоставлять вышеуказанную отчетность, должны будут проводить совместную оценку заработной платы с представительным органом работников в случае наступления следующих условий:

— отчет о заработной плате демонстрирует разницу в среднем уровне заработной платы между женщинами и мужчинами не менее чем в 5 % в любой категории работников;

— работодатель не обосновал такую разницу в среднем уровне заработной платы объективными, гендерно-нейтральными критериями;

— работодатель не устранил такую необоснованную разницу в уровне средней заработной платы в течение шести месяцев с момента подачи отчета о заработной плате.

Работники, пострадавшие от дискриминации в оплате труда по признаку пола, имеют право на полную компенсацию, включая задолженность по заработной плате и дополнительным, в том числе стимулирующим, выплатам. Кроме того, компенсация распространяется на упущенную выгоду в ситуациях, когда работнику систематически отказывали в карьерном росте по дискриминационным признакам. Наличие таких признаков работник доказывать не обязан — достаточно полагаться на «стойкое предположение», поскольку бремя доказывания Директивой перекладывается на работодателя, который должен обосновать отсутствие нарушения принципа равной оплаты. Бремя доказывания требует от работодателей наличия ясной и прозрачной системы оплаты труда для определения структуры заработной платы и ее повышения; только опираясь на нее, работодатель может доказать, что установление заработной платы происходит объективно.

Государства-члены обязаны налагать эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции за нарушения Директивы. Такие санкции включают штрафы, которые могут быть рассчитаны на основе валового годового оборота работодателя или общей суммы заработной платы. Фактические штрафы и санкции будут зависеть от окончательной реализации Директивы в национальном законодательстве. Учитывая достаточно дорогую цену отступления от правил

в сфере запрета дискриминации, для европейского работодателя гораздо дешевле окажется попросту соблюсти предписания и соотнести заработную плату с фактически выполняемой работой вне зависимости от пола и каких-либо иных обстоятельств, не связанных с профессиональными качествами работников.

Что касается правового регулирования труда в России, то сама по себе проблема неравенства по заработной плате стоит достаточно остро, однако ей сознательно уделяют мало внимания ввиду следующих основных причин: во-первых, на настоящий момент отсутствует культура раскрытия информации в целях обеспечения прозрачности зарплат; во-вторых, во многих организациях зачастую принято на более высокие должности номинально или фактически устраивать своих родственников и знакомых; в-третьих, на просторах российского рынка труда еще достаточно много более существенных проблем, которые нужно разрешить с учетом удручающей экономической ситуации (например, подвести минимальный размер оплаты труда к прожиточному минимуму). Как уже указывалось, основная проблема кроется даже не в способах защиты работника, а в том, что работник никогда наверняка не знает, нарушены его права или нет. Вторая, не менее существенная проблема заключается в возложении на работника неподъемного бремени доказывания факта нарушений своих прав со стороны работодателя, что в абсолютном большинстве случаев ведет к проигрышу работнику и предшествующему (последующему) увольнению. Таким образом, российскому законодателю в целях обеспечения исполнения принципа равной оплаты за равный труд необходимо предусмотреть обязательства работодателей по созданию прозрачной системы оплаты труда и карьерного роста, по информированию работников о заработной плате всех штатных единиц в компании, установить презумпцию наличия дискриминации в случае поступления соответствующего заявления от работника, жесткую систему мотивации работодателей со стороны государства исполнять трудовое законодательство в соответствующей части.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ливена С. В. «Вилки» окладов // Кадровик-практик. — 2024. — № 5. — С. 19–25.
2. В 2023 году гендерный разрыв в зарплатах стал максимальным за 11 лет / Finexpertiza. — URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2024/gend-razr-v-zarplat/>.
3. Разный оклад по одной должности: накажут или обойдется? // Практическая бухгалтерия. — 2023. — № 8. — С. 66–71.
4. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — Вып. XIX. — М., 1960.
5. Что такое soft skills и как их развивать. Полный гид // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e90743f9a7947ca3bbb6523?from=copyhttps://trends.rbc.ru/trends/education/5e90743f9a7947ca3bbb6523?from=copy>.
6. Gender pay gap statistics // Eurostat official website. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Gender_pay_gap_statistics.
7. Towards pay equity: Regulations, reporting and practical application in the Nordic region / The Nordic Council of Ministers // URL: <https://pub.norden.org/temanord2024-548/8-eu-pay-transparency-directive-2023-970-and-work-of-equal-value.html>.

Материал поступил в редакцию 31 января 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Livena S. V. «Vilki» okladov // Kadrovik-praktik. — 2024. — № 5. — S. 19–25.
2. V 2023 godu gendernyy razryv v zarplatakh stal maksimalnym za 11 let / Finexpertiza. — URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2024/gend-razr-v-zarplat/>.
3. Raznyy oklad po odnoy dolzhnosti: nakazhut ili oboydetsya? // Prakticheskaya bukhgalteriya. — 2023. — № 8. — S. 66–71.
4. Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiy, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. — Vyp. XIX. — M., 1960.
5. Chto takoe soft skills i kak ikh razvivat. Polnyy gid // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e90743f9a7947ca3bbb6523?from=copyhttps://trends.rbc.ru/trends/education/5e90743f9a7947ca3bbb6523?from=copy>.
6. Gender pay gap statistics // Eurostat official website. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Gender_pay_gap_statistics.
7. Towards pay equity: Regulations, reporting and practical application in the Nordic region / The Nordic Council of Ministers // URL: <https://pub.norden.org/temanord2024-548/8-eu-pay-transparency-directive-2023-970-and-work-of-equal-value.html>.

Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение

Аннотация. Статья посвящена нарушению принципа субъективного вменения в уголовном законе и в правоприменении. Несмотря на то что проблемы вины и субъективной стороны состава преступления исследованы в доктрине глубоко и установлен целый ряд законодательных (уголовно-правовых и уголовно-процессуальных) гарантий исключения уголовной ответственности за деяния лишь признаками объективной стороны (возможно, и субъекта) соответствующих составов конкретного преступления, область объективного вменения и даже его формы расширяются. В последние годы появилась так называемая мягкая форма объективного вменения, когда правоприменители делают вывод о вине и виновности лица, не прибегая к аргументам и доказательствам. А в УК РФ увеличивается количество норм, диктующих объективное вменение, поскольку никакое другое невозможно. Автором приводятся и анализируются примеры и из УК РФ (в частности, признаки утраты общей трудоспособности или неизгладимого обезображивания лица в составе причинения тяжкого вреда здоровью, для констатации которых требуются специальные познания), и из материалов уголовных дел (в частности, по обвинению в групповых преступлениях, особенно в деяниях, предусмотренных статьей 210 УК РФ). Сделан вывод о том, что подобная ситуация не согласуется с презумпцией невиновности и нарушает принципы уголовного законодательства, а потому недопустима.

Ключевые слова: субъективная сторона; объективное вменение; субъективное вменение; вина; презумпция невиновности; административная преюдиция в уголовном законе; качество уголовного закона; объективное вменение через специальные познания, необходимые для осознания факта преступного поведения; искусственные доказательства вины через упоминание в приговоре неустановленных лиц и событий; отказ от аргументации вины в приговоре.

Для цитирования: Лопашенко Н. А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 72–83. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.072-083.

© Лопашенко Н. А., 2025

* Лопашенко Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии
Чернышевского ул., д. 104, г. Саратов, Российская Федерация, 410028
lopashenko@yandex.ru

Guilty Despite No Fault: A Reconsideration of Fault and Subjective Imputation

Natalia A. Lopashenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of Criminal and Penal Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
lopashenko@yandex.ru

Abstract. The paper addresses the breach of the principle of subjective imputation in criminal law and its application. Although issues of fault and the subjective element of an offense have been deeply studied in the doctrine and a number of legislative (criminal-law and criminal-procedure) safeguards have been established to exclude criminal liability for acts that display only the features of the objective (and possibly the subjective) elements of a given offense, the scope of objective imputation — and even its forms — is expanding. In recent years, a so-called soft form of objective imputation has emerged, whereby law-applicators reach conclusions about a person's guilt and culpability without adducing arguments or evidence. At the same time, the Criminal Code of the Russian Federation increasingly contains provisions that prescribe objective imputation because no other basis for liability seems possible. The author cites and analyzes examples drawn both from the Criminal Code (in particular, elements such as loss of general work capacity or indelible facial disfigurement within the offense of causing grievous bodily harm, whose determination requires specialized knowledge) and from case materials (notably prosecutions for group crimes, especially offenses under Article 210 of the Criminal Code). The paper concludes that this situation is incompatible with the presumption of innocence and infringes the principles of criminal law, and is therefore unacceptable.

Keywords: subjective element; objective imputation; subjective imputation; fault; presumption of innocence; administrative preclusion in criminal law; quality of the criminal law; objective imputation through specialized knowledge necessary to recognize the fact of criminal conduct; manufactured evidence of fault by mentioning unidentified persons and events in the judgment; failure to provide reasoning for the finding of guilt in the judgment.

Cite as: Lopashenko NA. Guilty Despite No Fault: A Reconsideration of Fault and Subjective Imputation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):72-83. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.072-083.

...Не всякая вина виновата...
Д. И. Фонвизин. Недоросль

Не следует казнить седло за вину осла.
Мигель де Сервантес. Дон Кихот

Когда судишь других, ищи в их вине отсутствие вины.
Когда судишь себя, ищи вину там, где вины не видно.
Хун Цзычен

1. Причины обращения к теме — проблема объективного / субъективного вменения

Проблема объективного (запрещенного) и субъективного (возведенного в принцип уголовной

ответственности¹) вменения не является новой ни для уголовно-правовой доктрины, ни для практики применения уголовного закона. Несмотря на сформулированный в самом УК РФ запрет на объективное вменение, оно никуда не

¹ Хотя в доктрине есть и позиция, согласно которой в уголовном праве и законе действует принцип объективно-субъективного вменения. См.: Куликов А. В. Небрежность в Уголовном кодексе РФ: отсутствие вменяемости или разновидность непреодолимой силы? // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 163–172.

исчезло. Более того, в последние годы наблюдается расширение применения запрещенного объективного вменения, т.е. ответственности без вины. Появляются «скрытые» или «мягкие» формы объективного вменения, которые пока еще не нашли достаточного анализа в науке уголовного права.

Блистательные имена представителей русской (в широком смысле, не привязываясь к национальностям: они разные) школы, исследовавших вину, субъективную сторону состава преступления, их влияние на квалификацию преступлений и иное правоприменение, не нуждаются в представлении². В доктрине исследованы, казалось бы, если не все, то большинство известных ныне проблем субъективной стороны, в том числе по отношению к квалификации. Несмотря на дискуссионность многих положений и невозможность договориться по ряду моментов³, ученые предлагают правила квалификации с учетом субъективной стороны и применительно к различным конструкциям вменяемых в вину составов преступлений, и в зависимости от степени и (или) полноты осознания лицом общественной опасности, наличия квалифицирующих признаков деяния, стадии совершения преступления, наличия разных

форм и видов соучастия и т.д. Во многом эти правила совпадают, что демонстрирует, помимо того, что они основаны на принципах и нормах права, вытекают из логики квалификации и необходимости ее справедливости, пожалуй, и то, что они в достаточной мере разумны. Часто такие правила квалификации повторяются потом и на уровне высших судов России — и Верховного, и Конституционного. Иногда их можно увидеть даже в решениях судов по конкретным уголовным делам.

Впрочем, вынуждена здесь вспомнить А. Э. Жалинского, который, размышляя о материальной состоятельности в уголовном праве, оговаривая высокий уровень судебного усмотрения и широту судебской свободы в уголовном процессе (вполне законных), писал: «...суды предпочитают не мотивировать достаточно развернуто свои приговоры, т.е., по-видимому, не размышляют над их обоснованием, и принимают решения, ориентируясь на сложившуюся практику, включая неписанные, но жесткие требования к ним». Хотя далее в определенной степени он оправдывает практических работников, которые, в отличие от депутатского корпуса и доктрины, всегда «отвечают за всех и вынуждены считаться с постоянным давлением»⁴.

² Тем не менее не откажу себе в удовольствии вспомнить и назвать тут некоторых из них. Это и их труд лежит в основе тех положений законодательства, которые выступают гарантией презумпции невиновности:

- дореволюционный период: Д. А. Дриль, С. В. Познышев, Н. С. Таганцев, Г. С. Фельдштейн, М. П. Чубинский;
- советский период: Л. А. Андреева, Б. С. Волков, В. Г. Гилязов, М. С. Гринберг, П. С. Дагель, А. Ф. Зелинский, Г. А. Злобин, В. Е. Квашиш, Г. А. Кригер, В. В. Лунеев, В. Г. Макашвили, Р. И. Михеев, В. А. Нерсесян, Б. С. Никифоров, А. И. Рарог, Т. Л. Сергеева, К. Ф. Тихонов, М. Г. Угрехелидзе, Б. С. Утевский, И. Г. Филановский, М. Д. Шаргородский, В. А. Якушин;
- современный период: С. В. Векленко, Д. А. Гарбатович, Н. Г. Иванов, И. Я. Козаченко, А. П. Козлов, В. В. Лунеев, Г. В. Назаренко, В. А. Нерсесян, А. И. Рарог, С. В. Складаров, В. А. Якушин.

³ В частности, к таким «вечным» проблемам относится проблема уголовной ответственности за деяния, совершенные по преступной небрежности, которая является, как известно, разновидностью неосторожной вины. А. В. Наумов называет субъективный критерий преступной небрежности «определенной «болевым» точкой реализации субъективного вменения как принципа уголовной ответственности и Уголовного кодекса» (Наумов А. В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. 2022. № 5. С. 39–42). См. также, например: Куликов А. В. Небрежность в Уголовном кодексе РФ: отсутствие вменяемости или разновидность непреодолимой силы? // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 163–172.

⁴ См.: Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. М.: Проспект, 2008. С. 100.

Но эта практика напрямую нарушает принцип субъективного вменения.

Чаще всего *субъективное вменение* истолковывают как уголовную ответственность за вину, т.е. за виновное причинение вреда; *объективное вменение*, напротив, предполагает наличие уголовной ответственности без вины⁵. Е. Ю. Полянский описывал объективное вменение применительно к американскому праву, которому «присущи институты объективного вменения, например абсолютная уголовная ответственность и др., по идее которых лицо отвечает лишь за факт совершения действия безотносительно к субъективному отношению»⁶; думается, эти положения могут быть распространены и на наше, российское, понимание объективного вменения.

Наличие ответственности без вины — это глобальная характеристика объективного вменения. Однако оно, на мой взгляд, может выражаться и в более мягкой, хотя отнюдь не допустимой, форме — в простом провозглашении лица виновным с апелляцией к тексту гл. 5 УК РФ. Без приведения каких-либо доказательств.

Проблемы понимания, толкования в теории и на практике вины, субъективной стороны, всегда были камнем преткновения — в разное время по разным моментам (аспектам). Однако ко всем ним на сегодняшний день добавилась тенденция: практика «доказывает» субъективную сторону, делая формальный вывод о ней⁷, на основании изложения (иногда последователь-

ного, часто — нет) тех обстоятельств, которые ей удалось установить или которые она полагает установленными... И это страшная, на мой взгляд, тенденция, ведущая (и часто приводившая уже) к отказу от субъективного вменения и замене его вменением объективным.

2. Законодательные гарантии учета вины и субъективного вменения

Информация широко известная — напоминаю о ней для полноты исследования. Вине (принципу вины) в УК РФ посвящена статья 5; она, пожалуй, самая важная: лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Эти несколько строчек закладывают основы привлечения к уголовной ответственности и осуждения за совершение преступления. Вина, согласно закону, **должна быть установлена**. Поэтому нет вины (или она *не установлена*) — нет и не должно быть уголовной ответственности.

Это законодательное положение — по установлению вины — при всем его процессуальном звучании является постулатом уголовного, т.е. материального, права.

Уголовный закон подробно регламентирует понятие вины через ее формы и виды, понятие

⁵ Суть объективного вменения дана достаточно четко, например, в статье А. А. Арямова и В. В. Кулакова, правда, применительно к Кодексу Амальфи: «Установление вины (в том числе направленности умысла), мотива, цели не являлось целью судебного процесса. Господствовал тезис: причинил вред, должен нести ответственность. Экономические отношения основывались на доверии между контрагентами. Любой случай причинения материального вреда в хозяйственной деятельности рассматривался как злоупотребление доверием либо обман, что обуславливало квалификацию действий должника как мошенничество» (Арямов А. А., Кулаков В. В. Кодекс Амальфи (Tabula Amalfitana): публично-правовые положения частноправового происхождения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 1. С. 19).

⁶ См.: Полянский Е. Ю. Теория состава преступления в уголовном праве США: ключевые позиции и основные недостатки // Lex russica. 2013. № 11. С. 1193.

⁷ Это отмечает и Ю. Е. Пудовочкин, анализируя судебные решения в части установления вины: «Суд просто констатирует умышленный характер деяния» (Проблемы квалификации преступлений / под ред. К. В. Ображиева и Н. И. Пикурова. М.: Проспект, 2019. С. 85 (автор параграфа — Ю. Е. Пудовочкин)).

и виды невинного причинения вреда; впрочем, это даже не требует специального упоминания.

УПК РФ тоже говорит о важности установления вины. Статья 14 названного Кодекса посвящена презумпции невинности. Обвиняемый считается невинным, *пока его виновность в совершении преступления не будет доказана* в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. При этом подозреваемый или обвиняемый не обязаны доказывать свою невинность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Два последних в этой статье важнейших положения: все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого; обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

В числе обстоятельств, подлежащих доказыванию, вторыми названы виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы (ч. 1 ст. 73 УПК РФ). В части 2 ст. 77 УПК РФ указано, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Таким образом, констатируется необходимость доказывания вины. Замечу только, что приведенному базовому положению, по моему мнению, отчасти противоречит, не согласуется с ним одно из условий производства дознания в сокращенной форме (подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ)).

Часть 4 ст. 302 УПК РФ закрепляет положение, согласно которому обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства *виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств*.

Наконец, обязательные требования к описательно-мотивировочной части обвинительного приговора включают в себя описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления; доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства, и т.д. (ст. 307 УПК РФ).

3. Объективное вменение в уголовном законе

На мой взгляд, приведенная выше совокупность законодательных положений должна была бы служить гарантией от недобросовестных попыток уйти от специального доказывания вины в процессуальных документах. Должна была бы. Но в последние годы часто *остается только бумажной гарантией*.

Проблема только усугубляется тем, как законодатель формулирует уголовно-правовые запреты: даже при желании иногда, опираясь на букву закона, абсолютно невозможно установить вину во вменяемом лицу преступлении, поскольку законодательная регламентация состава этого преступления содержит вменение не субъективное, а объективное. Объективное вменение заложено в закон и является едва ли не нормой в целом ряде случаев.

Так, разве не объективное вменение заключено в понятии некоторых разновидностей тяжкого вреда здоровью? Речь идет, в частности, об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, выразившегося в неизгладимом обезображивании лица или вызвавшем значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть (ч. 1 ст. 111 УК РФ). Всем известна сложная структура первого понятия (неизгладимого обезображивания лица), требующего участия в оценке содеянного и медиков, и юристов. А виновный ведь должен осознавать общественную опасность своих действий (бездействия), предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желать или допускать их либо безразлично к ним относиться. В ряде

случаев, принимая во внимание примененный преступником способ причинения вреда (например, облил лицо кислотой или бензином и бросил зажженную спичку), такие последствия презюмируются по причине их неизбежного наступления. Но в случаях лишь возможного их наступления (при использовании лицом других способов) можем ли мы (и суд, конечно) вменить лицу необходимый уровень предвидения? Уверена, что нет.

А в отношении утраты общей трудоспособности, да еще и на определенный процент, еще очевиднее заложенное в закон объективное вменение. Теоретики в подобных случаях обращаются к формуле неопределенного или неконкретизированного умысла с предложением квалификации по фактически наступившим последствиям. Однако, во-первых, это означает, что неопределенность умысла в данном конкретном случае тоже должна быть установлена, доказана, а во-вторых, и здесь мы имеем в формулировке запрета достаточно точную конструкцию последствия, наличие которой должно подтверждаться квалифицированным мнением — экспертами. Может ли лицо в конкретном случае предвидеть причинение им в результате физического (еще сложнее — психического) воздействия на потерпевшего, скажем, утрату общей трудоспособности на 35 или 50 %?

Уверена, что не может. Еще и с учетом того, что даже экспертам можно оценивать вред в некоторых случаях по истечении более 120 дней расстройства здоровья...

Точно так же, как включенность в уголовный закон объективного вменения, следует расценить и, например, признак беспомощного положения жертвы в насильственных половых преступлениях, а также положения закона о публичных призывах к экстремистской деятельности, о чем убедительно писали С. В. Полубинская и С. Н. Шишков⁸: «...если характер уголовно-правового запрета невозможно установить, не прибегая к помощи специальных знаний и проведения экспертизы, *то признание виновным в нарушении указанного запрета человека, не обладающего такими знаниями, неизбежно нарушает принцип субъективного вменения (вины)* (курсив мой. — Н. Л.)»⁹.

То же самое — в отношении тех же половых преступлений, ненасильственных, с градацией возраста потерпевших (от 12 до 14 лет, от 14 до 16 лет), особенно после исключения законодателем термина «заведомо», а также преступлений с порнографическими материалами или предметами.

Объективное вменение заложено и в целый ряд составов экономических преступлений¹⁰, и в составы преступлений, предметом в которых

⁸ В отношении последнего они отмечали, в частности, следующее: «...состав преступления также предполагает два условия: наличие признаков экстремизма в действиях лица (объективно существующий факт) и понимание этим лицом, что оно публично призывает к экстремистской деятельности. *Если же признаки экстремизма выявляются только посредством специальных знаний, то лицо, ими не обладающее, лишено возможности осознать экстремистский характер своих действий, что указывает на отсутствие состава преступления, предусмотренного статьей 280 УК РФ* (курсив мой. — Н. Л.)» (Шишков С. Н., Полубинская С. В. Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний // Уголовное право. 2018. № 5. С. 114–123).

⁹ Шишков С. Н., Полубинская С. В. Указ. соч.

¹⁰ Так, очень верно пишут о составе ограничения конкуренции А. Е. Шаститко и К. В. Дозмаров: «...получая набор уже установленных до него антимонопольным органом и судом фактов, следователь идет по самому простому пути: он просто соглашается с уже сделанными до него выводами и переносит обвинение с юридического лица — компании на лицо физическое — конкретного сотрудника организации. <...> Такой механизм фактически указывает на то, как работает объективное вменение. <...> Объективное вменение в случае с картелями — это еще и экстраполяция поведения компаний на поведение их сотрудников, без оценки степени вины самих сотрудников, их осведомленности и осознанной вовлеченности в процесс картелизации. Шаблон обвинения в отношении юридического лица проецируется на физическое лицо. Нарушение принципа субъективного вменения проявляется следующим образом: человеческий

выступают особо охраняемые или культурные ценности¹¹.

Или разве не провоцируют объективное вменение составы с административной преюдицией? Вина здесь устанавливается из простой последовательности событий — повторяемости административных правонарушений, за совершение первого (первых) из которых лицо привлекалось к административной ответственности¹². Хотя в доктрине в основу такой ответственности стали класть отнюдь не принцип субъективного вменения, а особенности личности правонарушителя (преступника). «Не требуется наличие заранее возникшего умысла на совершение ряда тождественных административно наказуемых деяний для того, чтобы образовался субъект преступления с административной преюдицией. Общественная опасность такой личности не в том, что лицо заранее планирует совершить несколько противоправных деяний, а в том, что оно демонстрирует устойчивую антиобщественную ориентацию (административно-правовой превенции для его исправления оказалось недостаточно) и на момент совершения преступления является более общественно опасным по сравнению с

моментом совершения “предкриминальных” административных правонарушений»¹³. Другими словами, наказуемо опасное состояние личности. Хотела бы в этой связи напомнить, что мы подобное уже проходили в недавней истории — в период сталинских репрессий¹⁴.

4. Пренебрежение установлением вины и объективное вменение в правоприменении

Привлекательность объективного вменения для практиков объясняется целым рядом причин, в числе которых есть и политические, и организационные, и др. Хорошо об этом пишет В. И. Попов в отношении 1930-х гг., но эти положения актуальны и сегодня (хотя, может быть, в части науки ситуация чуть сдвинулась в позитивную сторону): «...абсурдность объективного вменения и диссонанс между степенью общественной опасности и наказанием, господствовавшие в советской юридической науке и практике 1930-х годов, оказались устойчивыми и живучими *благодаря формализованно-правовой простоте их применения на практике, а также устойчивому неприязненному отно-*

фактор не учитывается с той точки зрения, что состав преступления обладает обязательным признаком — виной. А виновным в российском уголовном праве может быть только физическое лицо, но никак не юридическое. И тут вопрос отношения предполагаемого преступника к заключенному соглашению как к ограничивающему конкуренцию имеет самостоятельное и важное значение в связи с необходимостью установления всех юридически значимых фактов и всех признаков состава преступления по ст. 178 УК РФ» (*Шаститко А. Е., Дозмаров К. В. Уголовное право в антитрасте — хорошее место для встречи права и экономики // Закон. 2020. № 9. С. 141–150*).

¹¹ См. об этом, например: *Клебанов Л. Соблюдение принципа вины при квалификации преступлений, посягающих на культурные ценности // Уголовное право. 2009. № 1. С. 23–29*.

¹² В доктрине есть и другое мнение. Административная преюдиция «исключит случаи объективного вменения, когда у виновного отсутствует предвидение указанных в законе последствий в виде причиненного имущественного ущерба гражданам или государству» (*Бавсун М. В., Бавсун И. Г., Тихон И. А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6*). В отмеченной части — возможно, если отказаться от указанных последствий при формулировании составов. Однако как быть с объективным вменением в отношении уже совершенных административных правонарушений? Они часть состава таких преступлений.

¹³ *Харлова М. И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 136–143*.

¹⁴ См. об этом, например, в статье В. И. Попова, который отмечает, в частности, что «объективное вменение становилось на пьедестал всей системы доказательств» (*Попов В. И. Теоретико-прикладные аспекты категорий «здравый смысл» и «абсурд» в праве // Современное право. 2024. № 1. С. 28–40*).

шению практико-юридического сознания к правовой науке (курсив мой. — Н. Л.)»¹⁵.

Между тем, как справедливо отмечается в доктрине, «требование изначально считать обвиняемого невиновным — объективно выраженный законодательный императив. Эта презумпция может быть опровергнута только в результате доказывания (курсив мой. — Н. Л.)»¹⁶.

Как обстоит дело на практике с доказательствами вины, покажу подробно на примере одного приговора¹⁷, хорошо известного всей юридической общественности, — приговора в отношении профессора В. Г. С. Приговор этот довольно широко разошелся по различным социальным сетям, в том числе распространялся близкими профессора, пытавшимися его оспорить.

Не давая оценку всем обвинениям (а приговор в отношении В. Г. С. вынесен по ч. 1 ст. 210, ч. 2 ст. 327, п. «а», «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ), хотела бы обратить внимание только на доказательства (точнее, на их полное отсутствие) субъективной стороны состава вмененного ему руководства входящим в преступное сообщество (преступную организацию) структурным подразделением (ч. 1 ст. 210 УК РФ). Согласно приговору, «преступное сообщество (преступная организация) отличалось высокой степенью организованности, сплоченностью, взаимозаменяемостью и взаимопомощью участников, согласованностью действий между руководителями преступного сообщества (преступной организации), руко-

водителями его структурных подразделений и участниками по достижению общей преступной цели». Проведя на основании приговора анализ установленных судом контактов В. Г. С. с другими лицами, которые, по мнению следствия и суда, входили в структурное подразделение и в преступную организацию в целом, можно сделать однозначный вывод о том, что подтверждены его контакты только с одним лицом из входивших (как утверждается в приговоре) в указанное структурное подразделение — с женщиной, с которой В. Г. С. находился в близких и дружественных отношениях (оба фигуранта это признавали). Нет ни единого факта, свидетельствующего о контактах В. Г. С. со всеми другими участниками преступного сообщества, в том числе с теми, которые, по фабуле обвинения, входили в структурно обособленную организованную группу.

Но, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ, структурированная организованная группа предполагает «взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений»¹⁸, а субъективная сторона деяний, предусмотренных статьей 210 УК РФ, включает для вменения в вину В. Г. С. преступления, предусмотренного статьей 210 УК РФ, обязательное установление осознания им факта существования преступного сообщества и контактов с руководителями последнего, осознания того, что сообщество состоит, по фабуле обвинения, из двух структурных подразделений, принятие того, что сам

¹⁵ Попов В. И. Указ. соч.

¹⁶ Малина М. А. Презумпция невиновности — одна из ключевых гарантий воплощения нравственных начал в российском уголовном процессе // Российский судья. 2024. № 4. С. 24–29.

¹⁷ Объемы статьи не позволяют мне привести другие примеры, но они отнюдь не единичны. Читаем, например, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Карчевского, Шевцова, Скупченко: «О совершении осужденным преступлений в рамках деятельности организованной группы свидетельствует сам по себе характер совершенных осужденным действий от момента получения информации о наркотическом средстве и его изъятия из определенного места до момента сообщения о его последующем размещении в закладке и получения вознаграждения» (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.07.2022 № 4-УД22-27-А1 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Российская газета. № 130. 17.06.2010.

В. Г. С. возглавляет одно из них и совершает конкретные действия, и желание совершения указанных действий¹⁹. В приговоре между тем нет никаких свидетельств об осознании В. Г. С. всех перечисленных обстоятельств. Более того, в отношении одного лица, которое, по мнению следствия, стояло во главе преступного сообщества, дело было выделено в отдельное производство, и его роль никакими фактами по приговору не подтверждена²⁰. А по остальным членам преступного сообщества приговор бесконечно повторяет следующее: «*Неустановленные организаторы преступного сообщества (преступной организации) отвели себе руководящую преступную роль и возложили на себя... обязанности*», перечисление которых следует на двух страницах приговора (напомню, организаторы — неустановленные). И далее: «*В точно не установленное время... с целью увеличения численности участников преступного сообщества (преступной организации), а также для расширения масштаба осуществляемой противоправной деятельности посвятили в общий*

преступный умысел и привлекли к участию в преступном сообществе (преступной организации) В. Г. С., который, осознавая общие задачи функционирования преступного сообщества (преступной организации), имея цель преступного обогащения, из корыстных побуждений согласился на выполнение отведенной ему преступной роли руководителя первого внутреннего и функционально обособленного структурного подразделения преступного сообщества (преступной организации), тем самым вступил в преступное сообщество (преступную организацию) (курсив мой. — Н. Л.)»²¹.

Таким образом, приговором не установлены ни лица, возглавлявшие преступную организацию, ни обстоятельства, позволяющие заключить о сговоре на преступление и о распределении ролей, ни время и место, когда в эти действия был вовлечен В. Г. С., ни его контакты с неустановленными руководителями и членами преступного сообщества²². А вот вывод, обозначенный выше курсивом, о корысти и элементах умысла в приговоре сделан. Между тем по

¹⁹ Примерно такой, очень широкий набор тех моментов, которые должны осознавать соучастники в преступлениях, особенно совершаемых в организованных группах и в преступном сообществе, формулируется и в доктрине. См., например: *Гарбатович Д. А.* Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне. М.: Юрлитинформ, 2014. Гл. 1, § 4.

²⁰ Есть об этом словесные, ничем не подтвержденные свидетельства оперативных сотрудников. И это тот прием, который, к сожалению, часто используется судами для подтверждения виновности лица в совершении конкретных преступлений: существовала оперативная разработка кого-либо, доказательства виновности в ее результате, которые можно было бы предъявить следствию и суду, она не принесла, и тогда и следствие, и суд идут по простейшему пути: они допрашивают в качестве свидетеля обвинения оперативного сотрудника, который не смог представить доказательств виновности. И такой сотрудник являет миру свое мнение, не основанное ни на каких документальных и иных свидетельствах. См., например: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.06.2024 № 46-УД24-9-А4 по делу Давыдова Д. Ш., Майоршина О. Ю. и Шевченко А. В. и др., осужденных в том числе по ст. 210 УК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Справедливости ради отмечу, что есть и другая практика. См., например, кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.07.2024 № 83-УД24-1-К1 в отношении И. Ю. Кулешовой, осужденной по п. «а», «б» ч. 6 ст. 171.1, ч. 2 ст. 210 УК РФ: приговор осужденной отменен в части осуждения по ч. 2 ст. 210 УК РФ в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления. Такое же решение — определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.05.2022 № 55-УД22-2-К8 по делу О. С. Гончаренко (СПС «КонсультантПлюс»).

²² Еще раз хотела бы отметить, что это не единичное дело. Вот точная цитата еще из одного приговора: «*В июне 2017 года неустановленное лицо (группа лиц), находясь на территории Российской Федерации (точные дата, время, место и иные обстоятельства в ходе предварительного следствия не установлены), создало организованную группу с целью извлечения финансовой и иной материальной*

конкретному уголовному делу в приговоре по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного статьей 210 УК РФ, Верховный Суд РФ отмечал: показания фигурантов «не содержат существенных противоречий, достаточно подробны, с изложением таких деталей, которые могут быть известны только лицам, принимавшим непосредственное участие в совершении преступлений, при этом по юридически значимым обстоятельствам они находятся в логической связи и согласуются не только между собой, но и с совокупностью иных исследованных доказательств, которые взаимно-

дополняют друг друга, складывая истинную картину произошедшего»²³.

Напомню, что В. Г. С. приговорен Симонским районным судом г. Москвы в июле 2023 г. к 15 годам лишения свободы.

Заключая, хотела бы вновь процитировать постулат из доктрины уголовно-процессуального права, о котором часто сегодня забывают, а именно вытекающее из презумпции невиновности положение: «недоказанная виновность обвиняемого приравнивается к его доказанной невиновности»²⁴. Иначе получается по Островскому: без вины виноватые...

выгоды в результате совершения тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств на территории Российской Федерации, в том числе на территории адрес. При этом данное лицо (группа лиц) разработало общую схему преступной деятельности, основой которой являлся бесконтактный способ незаконного сбыта наркотических средств через тайники (закладки), а также активное использование сети Интернет и электронных платежных систем. <...> Созданная структура организованной группы характеризуется участием следующих взаимосвязанных между собой звеньев, обладающих устойчивыми связями и сплоченностью, а также длительным периодом осуществления преступной деятельности, четким распределением ролей и строгой иерархической структурой:

“Организатор” — не установленное в ходе предварительного следствия лицо (либо группа лиц, объединившихся для совместного руководства), которое осуществляет общее руководство, а именно...

“Вербовщики” — не установленное в ходе предварительного следствия лиц[о]...

“Бухгалтер” — не установленное в ходе предварительного следствия лиц[о]...

“Куратор” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Оператор” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Техподдержка” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Курьер” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Крупнооптовый закладчик (склад)” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Спортики” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

...

“Мукомол” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Графитчики” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...» (приговор Северодвинского городского суда (Архангельская область) от 19.01.2024 № 1-103/2024 1-920/2023 по делу № 1-103/2024 в отношении Ф. И. О.2, осужденного по ч. 3 ст. 30, п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/P6UdssUoN41u/>).

²³ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.12.2024 № 46-УД24-25-А4 — приговор в отношении Гореславца Р. Н. («осужден за участие в преступном сообществе (преступной организации)... и в созданной в рамках данного преступного сообщества (в качестве структурного подразделения) устойчивой вооруженной группе (банде)», а также за совершение других преступлений) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: Малина М. А. Указ. соч.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арямов А. А., Кулаков В. В.* Кодекс Амальфи (Tabula Amalfitana): публично-правовые положения частноправового происхождения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2023. — № 1. — С. 6–23.
2. *Бавсун М. В., Бавсун И. Г., Тихон И. А.* Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. — 2008. — № 6.
3. *Гарбатович Д. А.* Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне. — М.: Юрлитинформ, 2014.
4. *Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен. — М.: Проспект, 2008.
5. *Клебанов Л.* Соблюдение принципа вины при квалификации преступлений, посягающих на культурные ценности // Уголовное право. — 2009. — № 1. — С. 23–29.
6. *Куликов А. В.* Небрежность в Уголовном кодексе РФ: отсутствие вменяемости или разновидность непреодолимой силы? // Российский юридический журнал. — 2020. — № 5. — С. 163–172.
7. *Малина М. А.* Презумпция невиновности — одна из ключевых гарантий воплощения нравственных начал в российском уголовном процессе // Российский судья. — 2024. — № 4. — С. 24–29.
8. *Наумов А. В.* Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. — 2022. — № 5. — С. 39–42.
9. *Полянский Е. Ю.* Теория состава преступления в уголовном праве США: ключевые позиции и основные недостатки // Lex russica. — 2013. — № 11. — С. 1191–1204.
10. *Попов В. И.* Теоретико-прикладные аспекты категорий «здравый смысл» и «абсурд» в праве // Современное право. — 2024. — № 1. — С. 28–40.
11. Проблемы квалификации преступлений / под ред. К. В. Ображиева и Н. И. Пикурова. — М.: Проспект, 2019.
12. *Харлова М. И.* Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 8. — С. 136–143.
13. *Шаститко А. Е., Дозмаров К. В.* Уголовное право в антитрасте — хорошее место для встречи права и экономики // Закон. — 2020. — № 9. — С. 141–150.
14. *Шишков С. Н., Полубинская С. В.* Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний // Уголовное право. — 2018. — № 5. — С. 114–123.

Материал поступил в редакцию 9 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Aryamov A. A., Kulakov V. V.* Kodeks Amalfi (Tabula Amalfitana): publichno-pravovye polozheniya chastnopravovogo proiskhozhdeniya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2023. — № 1. — S. 6–23.
2. *Bavsun M. V., Bavsun I. G., Tikhon I. A.* Administrativnaya preyuditsiya i perspektivy ee primeneniya na sovremennom etape // Administrativnoe pravo i protsess. — 2008. — № 6.
3. *Garbatovich D. A.* Kvalifikatsiya ugovovno-pravovykh deyanij po subektivnoy storone. — M.: YurLITinform, 2014.
4. *Zhalinskiy A. E.* Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen. — M.: Prospekt, 2008.
5. *Klebanov L.* Soblyudenie printsipa viny pri kvalifikatsii prestupleniy, posyagayushchikh na kulturnye tsennosti // Ugolovnoe pravo. — 2009. — № 1. — S. 23–29.
6. *Kulikov A. V.* Nebrezhnost v Ugolovnom kodekse RF: otsutstvie vmenyaemosti ili raznovidnost nepreodolimoy sily? // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 5. — S. 163–172.

7. Malina M. A. Prezumpsiya nevinovnosti — odna iz klyuchevykh garantiy voploshcheniya npravstvennykh nachal v rossiyskom ugovnom protsesse // Rossiyskiy sudya. — 2024. — № 4. — S. 24–29.
8. Naumov A. V. Vina kak priznak prestupleniya i printsip Ugolvnogo kodeksa RF // Rossiyskiy sledovatel. — 2022. — № 5. — S. 39–42.
9. Polyanskiy E. Yu. Teoriya sostava prestupleniya v ugovnom prave SShA: klyuchevye pozitsii i osnovnye nedostatki // Lex russica. — 2013. — № 11. — S. 1191–1204.
10. Popov V. I. Teoretiko-prikladnye aspekty kategoriy «zdravyy smysl» i «absurd» v prave // Sovremennoe pravo. — 2024. — № 1. — S. 28–40.
11. Problemy kvalifikatsii prestupleniy / pod red. K. V. Obrazhieva i N. I. Pikurova. — M.: Prospekt, 2019.
12. Kharlova M. I. Osobennosti sostava prestupleniya s administrativnoy preyuditsiey // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2016. — № 8. — S. 136–143.
13. Shastitko A. E., Dozmarov K. V. Ugolovnoe pravo v antitraste — khoroshee mesto dlya vstrechi prava i ekonomiki // Zakon. — 2020. — № 9. — S. 141–150.
14. Shishkov S. N., Polubinskaya S. V. Problemy ustanovleniya priznakov sostava prestupleniya s ispolzovaniem spetsialnykh znaniy // Ugolovnoe pravo. — 2018. — № 5. — S. 114–123.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.084-095

Н. А. Шатов*

Теоретические и нормативные аспекты избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних

Аннотация. В статье проводится анализ проблемных вопросов в области избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) в уголовно-процессуальном праве России с учетом последних изменений ст. 108 УПК РФ. Проведен детальный анализ нормативной и теоретической составляющей вопроса, по итогам которого сделаны выводы о наличии правовых проблем, связанных, в частности, с отсутствием в практической деятельности единого подхода к пониманию исключительных случаев, которые необходимо учитывать суду при принятии решения о заключении под стражу несовершеннолетних, обвиняемых или подозреваемых в совершении преступления средней тяжести. Делается вывод о необходимости закрепления примерного перечня вышеуказанных случаев в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ с целью установления единообразия правоприменительной практики. Обоснована несостоятельность теоретических предложений о запрете избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних лиц и замене ее альтернативными мерами пресечения. Предложены изменения постановлений Пленума Верховного Суда РФ, касающиеся необходимости отмены обязательного участия защитника совершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), совершившего преступление до достижения 18 лет.

Ключевые слова: меры принуждения; меры пресечения; заключение под стражу; судебный порядок избрания мер пресечения; несовершеннолетний обвиняемый; несовершеннолетний подозреваемый; домашний арест; защита прав несовершеннолетних; оптимизация порядка избрания мер пресечения; центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Для цитирования: Шатов Н. А. Теоретические и нормативные аспекты избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 84–95. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.084-095.

© Шатов Н. А., 2025

* Шатов Никита Александрович, адъюнкт кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России
Корепина ул., д. 66, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620017
nikshatov2013@yandex.ru

Theoretical and Normative Aspects of Custodial Remand for Juveniles

Nikita A. Shatov, Adjunct, Department of Criminal Procedure, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russian Federation
nikshatov2013@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes problematic issues concerning the imposition of pretrial detention on juvenile accused persons (suspects) in Russian criminal procedure law, taking into account recent amendments to Article 108 of the Russian Code of Criminal Procedure. The author provides a detailed examination of the normative and theoretical components of the issue is carried out, leading to findings about legal problems that arise, in particular, from the lack of a uniform practical approach to what constitute exceptional circumstances that a court must consider when deciding to remand a juvenile accused or suspect in custody for an offense of medium gravity. The author concludes that it is necessary to enshrine a model list of such circumstances in the explanatory rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to ensure uniformity of caselaw. Reasoned conclusions are also offered on the untenability of theoretical proposals that would prohibit ordering pretrial detention for juveniles and replace it categorically with alternative measures of restraint. Proposed amendments to the Plenum's resolutions of the Supreme Court of the Russian Federation are outlined, in particular calling for repeal of the rule requiring mandatory participation of a defender for an adult accused (suspect) who committed an offense before attaining the age of eighteen.

Keywords: coercive measures; preventive measures; pre-trial detention; judicial procedure for imposing preventive measures; juvenile accused; juvenile suspect; house arrest (home detention); protection of minors' rights; optimization of the procedure for imposing preventive measures (measures of restraint); temporary detention center for juvenile offenders.

Cite as: Shatov NA. Theoretical and Normative Aspects of Custodial Remand for Juveniles. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):84-95. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.084-095.

Введение

Защита прав и свобод несовершеннолетних — одна из приоритетных задач государства, которая, в частности, решается в рамках производства по уголовным делам. Однако, помимо защиты прав и свобод несовершеннолетних, выступающих потерпевшими, свидетелями и другими участниками уголовного судопроизводства, крайне важно реализовывать особую правовую охрану и обеспечивать процессуальные гарантии прав тех несовершеннолетних, которые являются обвиняемыми (подозреваемыми) по уголовным делам.

Несовершеннолетние в силу особенностей психического развития, неспособности полностью понимать характер производимых с ними действий, невозможности самостоятельно в полной мере защищать свои права и законные интересы подлежат особой правовой охране.

Рассмотрение российского уголовно-процессуального права в историческом развитии

позволяет отчетливо наблюдать тенденцию к гуманизации и либерализации в отношении несовершеннолетних лиц, являющихся участниками производства по уголовным делам. Важность данного вектора правового развития неоспорима. Отсутствие в законе механизмов реализации особой правовой охраны несовершеннолетних крайне отрицательно скажется, в частности, на их психологическом состоянии и развитии.

Уголовно-процессуальное законодательство имеет ряд особенностей при регламентации правоотношений, участниками которых являются несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые. К их числу относится специфика установления порядка избрания и применения к ним мер пресечения.

Одной из мер пресечения, которая может быть избрана и применена в отношении несовершеннолетних, является заключение под стражу. Именно на заключение под стражу необходимо обратить особое внимание в контексте применения его к несовершеннолетним обвиняемым

(подозреваемым), поскольку оно, будучи самой строгой мерой пресечения, представляет собой фактическое ограничение свободы лица и других важнейших конституционных прав путем помещения лица в специализированное учреждение.

Сложности, связанные с применением данной меры пресечения к несовершеннолетним, обусловлены неоднозначностью ситуаций, в которых они оказываются. Так, с одной стороны, требуется оградить несовершеннолетнего от неблагоприятного воздействия процесса расследования по уголовному делу, не допустить попадания его в психотравмирующую обстановку, защитить его права и свободы. С другой стороны, в целях охраны публичных интересов, решения задач уголовного судопроизводства и обеспечения беспрепятственного расследования по уголовному делу в отдельных случаях возникает необходимость применять к несовершеннолетнему меру пресечения, в частности заключение под стражу. Т. Ю. Вилкова и Л. Н. Масленникова отмечают следующее: «Развитие общественных отношений заставляет пересматривать модель уголовного судопроизводства не только в плане регламентации общественных отношений в этой сфере, но и в плане наиболее эффективной организации деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство»¹. Институт мер пресечения не является исключением. Несмотря на многочисленные законодательные изменения порядка избрания заключения под стражу, остаются неразрешенными ряд проблем, связанных, в частности, с особенностями применения данной меры пресечения к несовершеннолетним.

Основная часть

Правовые нормы, регулирующие порядок заключения под стражу несовершеннолетних, не без оснований выступают предметом дискус-

сий в науке уголовного процесса. В связи с этим необходимо проанализировать отдельные положения уголовно-процессуального закона и разработать подходы по их совершенствованию с целью оптимизации существующего механизма избрания и применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних.

Законодателем были коренным образом пересмотрены правовые нормы, регулирующие особенности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, посредством внесения изменений в ст. 108 УПК РФ². Необходимо провести сравнительно-правовой анализ положений, регламентирующих порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, не достигших 18 лет.

Прежде всего начать следует с особенностей избрания заключения под стражу несовершеннолетним, обвиняемым (подозреваемым) в совершении преступлений средней тяжести. Положения закона в этом отношении подверглись значительным изменениям. Если ранее законодатель указывал лишь на то, что в таких ситуациях заключение под стражу избирается в исключительных случаях, которые не были конкретизированы ни в законе, ни в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, то в настоящее время подход к регулированию данного вопроса изменился. Теперь следователю (дознавателю), а также суду необходимо не только определить категорию преступления, к совершению которого причастен несовершеннолетний (преступления средней тяжести), но также установить факт применения им насилия либо угрозы его применения. Кроме того, обязательным стало наличие одного из следующих обстоятельств:

- а) подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации;
- б) его личность не установлена;
- в) им нарушена ранее избранная мера пресечения;

¹ Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 730.

² Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2025. № 47.

г) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Таким образом, в настоящее время порядок избрания данной меры пресечения более тщательно регламентирован в части необходимости установления органами предварительного расследования и судом дополнительных обстоятельств. Безусловно, указанные изменения направлены на снижение количества случаев заключения под стражу несовершеннолетних и вполне соответствуют вектору гуманизации института мер пресечения и уголовного судопроизводства в целом. Однако следует отметить, что законодатель по-прежнему не отказался от формулировки «в исключительных случаях», добавив к ним лишь ряд новых оснований и условий.

Ранее ученые-процессуалисты касательно проблемы отсутствия перечня исключительных случаев, необходимых для избрания несовершеннолетнему меры пресечения в виде заключения под стражу, придерживались различных позиций. Так, Д. С. Зайцев³, Т. Г. Залунина⁴, И. А. Макаренко⁵ под исключительными случаями, учитываемыми судом при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу при совершении ими преступления средней тяжести, понимали обстоятельства, указанные ранее в ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Иную позицию высказывали С. В. Медведева, М. А. Ментюкова, А. М. Попов, утверждавшие, что обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, учитывать в качестве исключительных случаев для решения вопроса об избрании заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступления средней тяжести, недопустимо⁶.

Следует отметить, что законодатель пошел по пути закрепления необходимости установления следователем (дознавателем) и судом хотя бы одного из обстоятельств, которые ранее были указаны в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, в качестве обязательного для принятия соответствующего решения, хотя ранее они распространялись исключительно на случаи, в которых решался вопрос о заключении под стражу лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести. Однако в ходе изменений закона формулировка ч. 2 ст. 108 УПК РФ «в исключительных случаях» изъята из текста не была. В связи с этим неясно толкование данной правовой нормы: либо она имеет всё то же значение, что и ранее, во время действия предыдущей редакции статьи, либо те обстоятельства, наличие которых в настоящее время обязательно, и являются этими самыми «исключительными случаями».

Видится, что необходимо придерживаться первого варианта толкования вышеупомянутой нормы. Это связано с тем, что нововведенные основания избрания заключения под стражу несовершеннолетних не отражают особенностей совершения данной категорией лиц преступлений и производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В качестве исключительных случаев должны быть признаны несколько иные обстоятельства, речь о которых пойдет ниже, а не те, которые были дополнительно закреплены законодателем в новой редакции УПК РФ. Таким образом, вышеуказанная проблема остается неразрешенной. Кроме того, некоторые ученые-процессуалисты рассматриваемые нововведения как

³ Зайцев Д. С. Особенности применения мер принуждения в отношении несовершеннолетних // Вестник научного общества студентов, аспирантов, молодых ученых. 2024. № 2. С. 82.

⁴ Залунина Т. Г. Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // Правовая система России : сборник материалов IV заочной научно-практической конференции. Благовещенск, 2017. С. 66.

⁵ Макаренко И. А. К вопросу о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2007. № 2. С. 86.

⁶ Медведева С. В., Ментюкова М. А., Попов А. М. Эффективность применения к несовершеннолетним мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста // Актуальные проблемы государства и права. 2023. № 26. С. 323.

негативные и носящие оценочный характер⁷. С этим сложно не согласиться. Представляется, что избранное законодателем направление реформирования правовых основ заключения под стражу носит скорее казуальный характер, что, как правило, не свидетельствует о высокой эффективности закона в этом отношении.

Потребность в разрешении проблемы отсутствия исключительных случаев в законе и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ обусловливается необходимостью устранения разнородности правоприменительной практики. В настоящее время создаются предпосылки для различного понимания судьями исключительных случаев при принятии решения об удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя). В аспекте особой охраны несовершеннолетних это недопустимо: свободное толкование судом оснований и условий, необходимых для заключения под стражу лиц, относящихся к данной категории, существенно нарушает процессуальные права несовершеннолетних, ставит их в неравное положение, поскольку, например, в отношении одного и того же обвиняемого (подозреваемого) разные судьи могут принять диаметрально противоположные решения по вопросу избрания самой строгой меры пресечения, установив для этого наличие или отсутствие исключительных случаев.

Наиболее целесообразной видится разработка ориентирующего перечня исключительных случаев, которые отражают особенности преступности несовершеннолетних, а также учитывают отличительные черты производства по уголовным делам в отношении последних. Например, А. М. Гасанов на основе анализа правоприменительной деятельности органов предварительного расследования приходит к определенным выводам. По мнению автора, судом при принятии решения о применении данной меры уголовно-процессуального принуждения должен быть учтен ряд обстоятельств⁸. Среди них он выделяет отрицательную характеристику

личности несовершеннолетнего, совершение им умышленного преступления или нескольких преступлений за небольшой промежуток времени, наличие непогашенных судимостей, отсутствие у несовершеннолетнего места учебы и работы, склонность к бродяжничеству, отсутствие контроля со стороны родителей, злоупотребление спиртными напитками, наркотическими средствами и т.д. Автор указывает, что вышеперечисленные исключительные случаи необходимо закрепить законодательно. Однако с этим нельзя в полной мере согласиться, поскольку каждый случай возникновения необходимости избрания заключения под стражу несовершеннолетнего по подозрению в совершении им преступления средней тяжести индивидуален. Все обстоятельства, исследуемые в ходе судебного заседания по данному вопросу, разнородны, поэтому следует сделать вывод о несостоятельности идеи закрепления исчерпывающего перечня таких исключительных случаев в УПК РФ ввиду отсутствия возможности предусмотреть их все в рамках одной статьи закона.

Предполагается, что наиболее эффективным решением данной правовой проблемы с учетом необходимости неукоснительного соблюдения принципа законности является регламентация ориентирующего перечня обстоятельств, которые должны принимать во внимание судьи при заключении под стражу лиц, не достигших 18 лет, являющихся обвиняемыми (подозреваемыми) по уголовным делам. Видится, что эти исключительные случаи нецелесообразно закреплять в уголовно-процессуальном законе ввиду их многообразия и значительного количества ситуаций, которые могут складываться в ходе производства по делу. Более действенно будет отразить эти обстоятельства в постановлении Пленума Верховного Суда РФ путем внесения в него обобщенного перечня случаев для того, чтобы задать вектор отбора судом отдельных обстоятельств, являющихся основаниями

⁷ Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Заключение под стражу как мера пресечения, применяемая к лицу, представляющему угрозу для общества // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 141.

⁸ Гасанов А. М. Особенности применения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого мер пресечения // Colloquium-Journal. 2019. № 16-7 (40). С. 46.

избрания меры пресечения. Думается, что к ним необходимо отнести:

1) совершение преступления несовершеннолетним повторно;

2) преступление носит групповой характер, и в его совершении несовершеннолетний играл ведущую роль;

3) отсутствие контроля за поведением несовершеннолетнего со стороны законных представителей, занятие бродяжничеством, попрошайничеством;

4) несовершеннолетний состоит на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также в других органах;

5) несовершеннолетний не имеет места учебы или работы, не занимается общественно полезной деятельностью и т.д.

Закрепление подобного исчерпывающего перечня исключительных случаев в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ создаст возможность рамочно сориентировать суды для того, чтобы они могли законно и обоснованно избрать меру пресечения в отношении несовершеннолетних, и будет способствовать тем временем образованию единой правоприменительной практики по данному вопросу.

Кроме того, среди существующих в науке уголовного процесса механизмов совершенствования порядка применения заключения под стражу к лицам, не достигшим 18 лет, особый интерес вызывают теоретические разработки, суть которых в необходимости применения к данной категории лиц альтернативных мер пресечения, а также разработки принципиально новых мер, предназначенных исключительно для несовершеннолетних. Предполагается, что эти предложения и разработки продиктованы несовершенством действующего порядка избрания рассматриваемой меры пресечения в отношении подростков согласно УПК РФ. Указанные исследования представляют большой

интерес в связи с чрезвычайной важностью особой правовой охраны несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых). Так, С. И. Глизуца высказывается о необходимости введения новой меры пресечения — помещения несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в специализированное учреждение для несовершеннолетних, определяя ее как альтернативу заключению под стражу⁹. Данное предложение заслуживает внимания в контексте обеспечения особой охраны прав и свобод несовершеннолетних, однако возникает вопрос о целесообразности подобных нововведений. Так, в соответствии со ст. 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» несовершеннолетние обвиняемые (подозреваемые) содержатся отдельно от взрослых¹⁰. Это положение разработано с целью ограничить возможное негативное влияние на не в полной сформировавшуюся личность, не позволить оказывать деструктивное воздействие на их правовое сознание и склонить к совершению новых общественно опасных деяний. Предполагается, что данная правовая норма отвечает требованиям охраны прав и свобод несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых).

Говоря об альтернативных заключению под стражу механизмах, направленных на недопущение оказания несовершеннолетними противодействия производству по уголовному делу, следует обратить внимание на мнение Р. М. Муртазина о необходимости помещения вышеуказанных лиц в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП)¹¹. По смыслу закона это учреждение предназначено для профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями, их ресоциализации и воспитания. Помещение в ЦВСНП преимущественно является мерой административного характера,

⁹ Глизуца С. И. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 46.

¹⁰ Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

¹¹ Муртазин Р. М. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3. С. 50.

поэтому содержание в данном учреждении лиц, совершивших преступные деяния, видится неэффективным по ряду причин. Во-первых, условия содержания в ЦВСНП не позволяют должным образом воздействовать на сознание несовершеннолетнего с целью недопущения совершения им новых преступлений и оказания противодействия производству по уголовному делу, поскольку в подобных учреждениях установлен гораздо более мягкий режим пребывания. Во-вторых, не достигший 18 лет обвиняемый (подозреваемый) сам может оказать негативное влияние на других несовершеннолетних, находящихся в ЦВСНП за менее строгие нарушения закона, например за административные правонарушения. Таким образом, помещение несовершеннолетних в данные учреждения в качестве аналога меры пресечения в виде заключения под стражу нецелесообразно.

Особый интерес представляет точка зрения А. В. Антоновой, которая предлагает избирать в отношении несовершеннолетних меру пресечения в виде домашнего ареста в качестве альтернативы заключению под стражу¹². Данная позиция, безусловно, заслуживает особого внимания, если рассматривать ее как попытку расширения прав несовершеннолетних и гуманизации их процессуального положения в целом. Безусловно, это необходимо, однако на практике может создать определенные проблемы. Для начала следует понимать, что домашний арест, в соответствии со ст. 107 УПК РФ, заключается в нахождении обвиняемого (подозреваемого) в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что невозможно избрать данную меру пресечения несовершеннолетнему, если жилое помещение, отвечающее вышеуказанным требованиям, отсутствует.

Кроме того, следует отметить, что при наличии жилого помещения бывают случаи отсутствия возможности содержания несовершеннолетнего во время действия данной меры пресечения. Домашний арест предполагает

нахождение обвиняемого (подозреваемого) в условиях изоляции от общества. В связи с этим возникает необходимость его материального обеспечения, предоставить которое в ряде случаев несовершеннолетнему некому, что выступает еще одной причиной невозможности полного отказа от заключения под стражу и замены его домашним арестом.

Кроме того, нередки случаи, при которых избрание домашнего ареста не позволит достичь необходимых целей, преследуемых органами предварительного расследования и судом. На практике возможны ситуации, при которых избрание домашнего ареста несовершеннолетнему обвиняемому (подозреваемому) с учетом его личностных характеристик, неэффективно, и, не будучи заключенным под стражу, он всё равно сможет оказывать противодействие процессу расследования и рассмотрению уголовного дела в суде.

Подводя краткий итог, хочется отметить, что научные исследования, в которых предлагается использовать меру пресечения в виде домашнего ареста в качестве альтернативы заключению под стражу, безусловно, заслуживают внимания, однако они требуют определенной доработки и в современных условиях обладают рядом недостатков, главным образом отсутствием условий для ее избрания в некоторых случаях, а также несоответствием ограничительных мер, предусмотренных домашним арестом, возможности обвиняемого (подозреваемого) негативно влиять на процесс производства по уголовному делу.

Отдельно следует остановиться на том, что законодательный запрет на избрание заключения под стражу в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, и применение альтернатив в виде любых иных мер пресечения, существующих в уголовно-процессуальном законодательстве, а не только домашнего ареста, видятся неэффективными и не позволят в каждом случае достигать целей, которые ставит перед собой институт мер пресечения в целом. В правоприменительной деятельности органов

¹² Антонова А. В. Домашний арест — альтернатива заключению под стражу для несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 1. С. 101.

расследования и суда могут складываться такие ситуации, когда на основе выясненных обстоятельств уголовного дела и характеристики личности несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) заключение под стражу является единственной мерой пресечения, способной предотвратить возможное противодействие расследованию. В связи с этим отмена возможности избирать эту меру пресечения к данной категории лиц в случаях, например, совершения особо тяжких преступлений, повторного совершения преступлений, отсутствия должного воспитания, места жительства, наличия желания противодействовать расследованию и избежать наказания за преступления, а также нарушения ранее избранной меры пресечения может повлечь серьезные негативные последствия для расследования уголовного дела и последующего его рассмотрения судом.

С учетом вышеуказанного необходимо также отметить, что определяющее значение при принятии судом решения об удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя) имеет поддержание так называемого равновесия между характером тех ограничений, которые будет претерпевать несовершеннолетний, и степенью вреда, который причиняется или может быть потенциально причинен процессу производства по уголовному делу. Таким образом, чем бóльшую опасность представляет лицо для расследования, и в частности для потерпевших, свидетелей и других участников, тем более значительный объем ограничений его прав допустим и необходим.

Предполагается, что в уголовно-процессуальных исследованиях, в которых поднимаются вопросы модернизации механизмов применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних, следует делать основной акцент прежде всего на совершенствовании процедуры именно заключения под стражу, а не на ее запретах и разработке специализированных мер принуждения. Упомянутые теоретические предложения, конечно, представляют большой интерес

и могут быть внедрены в УПК РФ и подлежать применению в отношении данной категории лиц, однако без установления вместе с этим запретов на заключение несовершеннолетних под стражу.

В теории уголовно-процессуального права также представлено мнение о необходимости установления запрета заключения под стражу несовершеннолетних подозреваемых по уголовным делам. А. А. Роднёнок и А. Д. Филомонов отмечают, что самая строгая мера пресечения не должна применяться к лицам, не достигшим 18 лет, находящимся в статусе подозреваемых по уголовным делам¹³. Указанная точка зрения бесспорно заслуживает внимания в аспекте гуманизации уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних. Действительно, зачастую избирать заключение под стражу этой категории подозреваемых по уголовным делам недопустимо: данный процессуальный статус не предусматривает наличия у органов предварительного расследования необходимого объема обвинительных доказательств и, как следствие, уверенности в совершении именно этим лицом преступления. Это может привести к тому, что несовершеннолетний подозреваемый, оказавшись в изоляции в специализированном учреждении, в будущем утратит свой процессуальный статус ввиду, например, следственной ошибки, однако нахождение в местах заключения под стражу может крайне негативно сказаться на психоэмоциональном состоянии несовершеннолетнего, его здоровье.

Представляется, что внесения вышеуказанных изменений в уголовно-процессуальное право не требуется. Наложение данного запрета, конечно, в подавляющем большинстве случаев отрицательным образом не скажется на расследовании уголовного дела. Однако не стоит упускать из внимания тот факт, что в некоторых случаях с точки зрения возможности причинения вреда процессу производства по делу особо опасным подозреваемым может оказаться несовершеннолетний. Заключение под стражу в та-

¹³ Роднёнок А. А., Филомонов А. Д. Реализация в российском уголовном судопроизводстве права на свободу и личную неприкосновенность при заключении под стражу несовершеннолетнего // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1 (22). С. 58.

ких условиях остается единственным эффективным вариантом пресечения возможных негативных последствий. Основанием для признания вышеуказанной точки зрения несостоятельной видятся практические ситуации, в которых несовершеннолетним было совершено, например, несколько особо тяжких преступлений, характеризующихся исключительной жесткостью. При этом он предпринимает попытки оказать противодействие ходу расследования уголовного дела, например, воздействуя на потерпевших от преступления лиц, однако предъявить обвинение и провести ряд сопутствующих процессуальных действий за время задержания органу предварительного расследования не представляется возможным. Думается, что именно для ситуаций подобного рода и требуется уголовно-процессуальная норма, позволяющая избирать несовершеннолетнему подозреваемому меру пресечения в виде заключения под стражу.

Одним из важнейших участников производства по уголовному делу, в котором обвиняемый или подозреваемый — несовершеннолетнее лицо, является защитник. Некоторые особенности, связанные с защитой им прав и законных интересов данной категории лиц, в частности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, являются предметом научных дискуссий и требуют определенной нормативной корректировки. Так, статья 51 УПК РФ декларирует обязательное участие защитника, если производство по уголовному делу осуществляется в отношении несовершеннолетнего. В связи с этим неясно, необходимо ли применять указанную норму к лицу, совершившему преступление до достижения 18 лет, однако на момент заключения под стражу являющемуся совершеннолетним.

Очевидно, что случаи, при которых необходимо обязательное участие защитника, нужны, чтобы гарантировать право на защиту особо охраняемых категорий обвиняемых (подозреваемых), к числу которых относятся несовершеннолетние. Это требуется прежде всего имен-

но в условиях избрания меры пресечения ввиду необходимости обеспечения их процессуальных прав и защиты их от незаконного и необоснованного осуждения, а не в силу того, что само общественно опасное деяние было совершено ими в возрасте от 14 до 18 лет. В свою очередь, Верховный Суд РФ придерживается противоположной позиции. Так, в соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» участие защитника в вышеуказанных случаях признается обязательным, независимо от того, достиг обвиняемый (подозреваемый) совершеннолетия или нет.

Кроме того, сто́ит отдельно остановиться на следующих ситуациях: несовершеннолетний обвиняется (подозревается) в совершении сразу нескольких преступлений, однако одно (или некоторые из них) были совершены им в период, когда он не достиг 18 лет. В таких ситуациях постановление Пленума Верховного Суда РФ также регламентирует, что участие защитника обязательно.

Примечательно, что Верховный Суд РФ дает противоположное разъяснение уголовно-процессуальной нормы, предусматривающей участие в производстве по данной категории уголовных дел законных представителей. Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2001 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» полномочия законного представителя в отношении лица, достигшего 18 лет, по общему правилу прекращаются. Таким образом, как справедливо отмечает Ю. В. Пантюшева, просматривается неоднозначность позиций Пленума Верховного Суда РФ по вопросам, касающимся особенностей избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних¹⁴.

¹⁴ Пантюшева Ю. В. Проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: материалы международной научной конференции. Красноярск, 2019. С. 254.

Позиция Верховного Суда РФ касательно обязательного участия защитника обусловлена необходимостью особой охраны прав и свобод лица, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте. Однако вместе с этим согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ полномочия законного представителя в случае, если производство по уголовному делу осуществляется уже в отношении совершеннолетнего лица, не реализуются. Таким образом, в одних процессуальных аспектах к такому обвиняемому (подозреваемому) относятся еще как к несовершеннолетнему, а в других — как ко взрослому.

В связи с вышеизложенным необходимо скорректировать положения постановления Пленума Верховного Суда РФ в аспекте, касающемся требования обязательного участия защитника в производстве по уголовному делу, в частности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, закрепив возможность отказа обвиняемого (подозреваемого) от помощи данного процессуального участника. Это объясняется тем, что, несмотря на совершение преступления в юном возрасте, обвиняемый (подозреваемый) к моменту произведения с ним как со взрослым человеком процессуальных действий способен самостоятельно принимать решение о необходимости помощи защитника. Возможность отказа от участия защитника не нарушает процессуальных прав обвиняемого (подозреваемого), поскольку отказ — это его волеизъявление, принять которое или отказать в котором правомочен следователь (дознатель).

Выводы

Заключение под стражу — это мера уголовно-процессуального принуждения, характеризующаяся обширным спектром ограничений важнейших конституционных прав личности. Избирать ее в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) следует лишь в крайних случаях, при которых иные меры пресечения должного эффекта не возымеют. Помещение лица, не достигшего 18 лет, в специали-

зированное помещение с особыми условиями содержания и изоляцией от общества может критическим образом повлиять на несформировавшуюся личность. В связи с тем, что имеющийся в настоящее время порядок избрания и применения данной меры пресечения несовершеннолетним, предлагается следующее:

— закрепить в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ ориентирующий перечень исключительных случаев, которые должны учитываться судом в рамках принятия решения об удовлетворении ходатайства следователя (дознателя) об избрании меры пресечения или об отказе в таковом;

— внести изменения в разъяснения постановления Пленума Верховного Суда РФ, устанавливающие возможность отказа обвиняемого (подозреваемого) от помощи защитника, представляющего интересы лица, которое совершило преступление, будучи несовершеннолетним, однако достигло 18 лет к моменту начала в отношении него уголовного преследования, в частности процесса избрания заключения под стражу.

Установление законодательных запретов на избрание данной меры пресечения в отношении несовершеннолетних в целом и их отдельных категорий, а также введение альтернативных мер пресечения и способов изоляции их от общества с целью недопущения противодействия производству по уголовному делу представляются несостоятельными в силу того, что на практике ситуации, в рамках которых суд принимает решение о необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лица, не достигшего 18 лет, могут складываться индивидуально. Перечень имеющихся в УПК РФ мер пресечения оптимален. Он позволяет подобрать объем ограничений, которые соответствуют уровню общественной опасности действий обвиняемого (подозреваемого) и возможному созданию им препятствий для расследования уголовного дела и рассмотрения его по существу.

В определенных случаях применение меры пресечения в виде заключения под стражу объективно необходимо в силу ряда обстоятельств и видится единственно возможным для достижения целей уголовного судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонова А. В. Домашний арест — альтернатива заключению под стражу для несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2009. — № 1. — С. 101–103.
2. Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2019. — № 46. — С. 728–751.
3. Гасанов А. М. Особенности применения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого мер пресечения // Colloquium-Journal. — 2019. — № 16-7 (40). — С. 46–47.
4. Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Заключение под стражу как мера пресечения, применяемая к лицу, представляющему угрозу для общества // Правовое государство: теория и практика. — 2024. — № 3 (77). — С. 140–147.
5. Зайцев Д. С. Особенности применения мер принуждения в отношении несовершеннолетних // Вестник научного общества студентов, аспирантов, молодых ученых. — 2024. — № 2. — С. 80–85.
6. Залунина Т. Г. Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // Правовая система России : сборник материалов IV заочной научно-практической конференции. — Благовещенск, 2017. — С. 62–67.
7. Макаренко И. А. К вопросу о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. — 2007. — № 2. — С. 85–88.
8. Медведева С. В., Ментюкова М. А., Попов А. М. Эффективность применения к несовершеннолетним мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста // Актуальные проблемы государства и права. — 2023. — № 26. — С. 319–330.
9. Муртазин Р. М. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2008. — № 3. — С. 49–51.
10. Пантюшева Ю. В. Проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: материалы международной научной конференции. — Красноярск, 2019. — С. 252–255.
11. Роднёнок А. А., Филимонов А. Д. Реализация в российском уголовном судопроизводстве права на свободу и личную неприкосновенность при заключении под стражу несовершеннолетнего // Уральский журнал правовых исследований. — 2023. — № 1 (22). — С. 54–59.
12. Тетюев С. В. Актуальные вопросы избрания меры пресечения «заключение под стражу» в отношении несовершеннолетнего // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2008. — № 1. — С. 197–201.

Материал поступил в редакцию 3 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonova A. V. Domashniy arest — alternativa zaklyucheniyu pod strazhu dlya nesovershennoletnikh podozrevaemykh i obvinyaemykh // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. — 2009. — № 1. — S. 101–103.
2. Vilkova T. Yu., Maslennikova L. N. Zakonnost i unifikatsiya v ugolovnom sudoproizvodstve: ot blankov protsessualnykh dokumentov — k elektronnomu ugolovnomu delu // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2019. — № 46. — S. 728–751.
3. Gasanov A. M. Osobennosti primeneniya v otnoshenii nesovershennoletnego podozrevaemogo ili obvinyaemogo mer presecheniya // Colloquium-Journal. — 2019. — № 16-7 (40). — S. 46–47.

4. Davletov A. A., Azarenok N. V. Zaklyuchenie pod strazhu kak mera presecheniya, primenyaemaya k litsu, predstavlyayushchemu ugrozu dlya obshchestva // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. — 2024. — № 3 (77). — S. 140–147.
5. Zaytsev D. S. Osobennosti primeneniya mer prinuzhdeniya v otnoshenii nesovershennoletnikh // *Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov, molodykh uchenykh*. — 2024. — № 2. — S. 80–85.
6. Zalunina T. G. Osobennosti primeneniya меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // *Pravovaya sistema Rossii: sbornik materialov IV zaachnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. — Blagoveshchensk, 2017. — S. 62–67.
7. Makarenko I. A. K voprosu o primeneniі меры пресечения в отношении несовершеннолетних // *Ugolovnoe pravo*. — 2007. — № 2. — S. 85–88.
8. Medvedeva S. V., Mentyukova M. A., Popov A. M. Effektivnost primeneniya k nesovershennoletnim мер пресечения в виде заключения под стражу і domashnego aresta // *Aktualnye problemy gosudarstva i prava*. — 2023. — № 26. — S. 319–330.
9. Murtazin R. M. Primenenie меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2008. — № 3. — S. 49–51.
10. Pantyusheva Yu. V. Problemy proizvodstva po ugolovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh // *Sovremennye zakonomernosti i tendentsii razvitiya nauk kriminalnogo tsikla: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. — Krasnoyarsk, 2019. — S. 252–255.
11. Rodnenok A. A., Filimonov A. D. Realizatsiya v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve prava na svobodu i lichnyuyu neprikosновенnost pri zaklyuchenii pod strazhu nesovershennoletnego // *Uralskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*. — 2023. — № 1 (22). — S. 54–59.
12. Tetyuev S. V. Aktualnye voprosy izbraniya меры пресечения «zaklyuchenie pod strazhu» в отношении несовершеннолетнего // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*. — 2008. — № 1. — S. 197–201.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.096-108

М. А. Арасланова*

Особенности личности участника досудебного соглашения о сотрудничестве по делам о незаконном обороте наркотических средств

Аннотация. В статье на основе научных разработок о типичном портрете участника незаконного оборота наркотических средств, анализа материалов судебно-следственной практики, интервьюирования сотрудников следственных органов впервые представлен типичный криминалистический портрет личности подозреваемого (обвиняемого) по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, привлеченного к сотрудничеству в порядке гл. 40.1 УПК РФ. Сделан вывод о перспективности сотрудничества со следующими участниками незаконного оборота наркотических средств: сбытчиком оптовых партий наркотических средств; организатором (руководителем) преступной группы; лицом, выполняющим указания организатора. Определены особенности лиц, с которыми наиболее целесообразно заключать досудебное соглашение о сотрудничестве. Указанные члены преступных групп в 48,3 % случаев обладают навыками использования криптобирж, в 42,4 % случаев — программных средств по анонимизации деятельности в сети Интернет. Изучение личности членов преступных объединений, с которыми возможно заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, способствует наиболее верному прогнозу применения норм о досудебном соглашении, эффективному выбору тактических приемов для установления и раскрытия всех деяний и участников преступных сообществ.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств; незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств; криминалистическая характеристика; личность преступника; типичный криминалистический портрет наркопреступника; организованная преступная группа; упрощенные формы уголовного судопроизводства; особый порядок; досудебное соглашение о сотрудничестве; компромисс; сотрудничество.

Для цитирования: Арасланова М. А. Особенности личности участника досудебного соглашения о сотрудничестве по делам о незаконном обороте наркотических средств // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 96–108. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.096-108.

© Арасланова М. А., 2025

* Арасланова Маргарита Анатольевна, адъюнкт кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России
Рокоссовского ул., д. 20, г. Красноярск, Российская Федерация, 660131
Mar1480@yandex.ru

Personal Characteristics of a Participant in a Plea Agreement in Illegal Drug Trafficking Cases

Margarita A. Araslanova, Adjunct, Department of Criminalistics, Siberian Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation
Mar1480@yandex.ru

Abstract. Based on scientific research on the typical profile of a participant in illegal drug trafficking (hereinafter referred to as DT), an analysis of judicial and investigative practice materials, and interviews with investigative agency personnel, the paper for the first time presents a typical forensic profile of a suspect (accused) in criminal cases on the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, engaged in cooperation in accordance with Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is concluded that cooperation is most promising with the following participants in illicit drug trafficking: the distributor of wholesale batches of narcotic drugs; the organizer (leader) of a criminal group; and a person carrying out the organizer's instructions. The characteristics of individuals with whom it is most advisable to conclude a plea agreement (hereinafter PA) are identified. These specified members of criminal groups possess skills in using crypto exchanges in 48.3% of cases, and in 42,4% of cases, they are skilled in using software tools for anonymizing online activity. Studying the personality of members of criminal associations with whom a plea agreement can be concluded contributes to a more accurate prediction of the application of PA provisions and the effective selection of tactical methods for identifying and uncovering all the activities and participants of criminal communities.

Keywords: illegal drug trafficking of narcotic drugs; illegal production, sale or shipment of narcotic drugs; forensic characteristics; personality of the offender; typical forensic profile of a drug offender; organized criminal group; simplified forms of criminal proceedings; special procedure; plea agreement; compromise; cooperation.

Cite as: Araslanova MA. Personal Characteristics of a Participant in a Plea Agreement in Illegal Drug Trafficking Cases. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):96-108. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.096-108.

Введение

«Деятельность организованных групп и преступных организаций, связанная с незаконным оборотом наркотиков, появление новых форм противоправной деятельности» в этой сфере представляют угрозу национальной безопасности России¹. Вероятно, поэтому «первоочередной целью государственной политики в этой сфере является сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков»². В числе основных задач по достижению указанной цели Президентом РФ объявлено совершенствование противодействия организованной преступности³.

Одним из способов противодействия государства криминальным вызовам наряду с гуманизацией уголовно-правовой политики является реформирование уголовно-процессуального законодательства. О результатах проводимой работы в целом свидетельствуют данные официальной статистики. В 2023 г. выявлено на 7,5 % больше преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, чем в 2022 г. Число фактов сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов увеличилось на 13,8 %. Возрос их удельный вес в числе преступлений,

¹ Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

² Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733.

³ Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733.

связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 62,4 % в 2022 г. до 66,1 %⁴. В сравнении с данными пятилетней давности удельный вес увеличился на 11,6 % (с 59,2⁵ до 66,1 %). Повысились и показатели организованной преступности в рассматриваемой сфере. Так, в 2023 г. группой лиц по предварительному сговору совершено на 62,9 % больше преступлений, организованной группой либо преступным сообществом (преступной организацией) — на 38,5 %⁶.

Процессы глобальной цифровизации обуславливают значительное количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В 2023 г. из 676,9 тыс. таких преступлений почти каждое восьмое преступление (81,5 тыс., 12 %) — незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств (прирост составил 31 %⁷).

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами в 2023 г. составили значительную долю преступлений, расследованных в особом порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ⁸.

Приведенные сведения о состоянии и динамике рассматриваемого вида преступности в России свидетельствуют об актуальности изучения личности преступника в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Эмпирической базой сформулированных выводов послужили материалы уголовных дел и судебные решения о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств

(НОН), по которым лицо заключало соглашение о сотрудничестве или ходатайствовало о соответствующем особом порядке принятия судебного решения. В выборку включены уголовные дела, расследованные в регионах с наиболее распространенной практикой применения гл. 40.1 УПК РФ в 2023 г. (в скобках указаны показатели 2022 г.): Челябинская область — заключены досудебные соглашения с 49 (36) лицами; Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — с 32 (37); Республика Хакасия — с 31 (32); Кемеровская область — Кузбасс — с 31 (29); Кабардино-Балкарская Республика — с 27 (35); Хабаровский край — с 27 (27); Липецкая область — с 24 (18); Приморский край — с 23 (41); Курганская область — с 20 (23); Республика Крым — с 18 (19); Ульяновская область — с 16 (34); Свердловская область — с 15 (26); Нижегородская область — с 13 (20); Иркутская область — с 8 (18) лицами.

Основная часть

Взвешенная тактика работы следователя с подозреваемым предполагает получение сведений о его личности для установления психологического контакта и целенаправленного взаимодействия с ним для привлечения к сотрудничеству. С этой целью важно учитывать разноплановые характеристики личности: антропологические, социальные и психологические. Ученые-криминологи включают в структуру личности преступника следующие элементы-характеристики: 1) социально-демографические⁹, в том числе отдельные свойства: социальный статус и соци-

⁴ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 г. // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2019 года // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 10.03.2024).

⁶ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года.

⁷ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года.

⁸ Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2023 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 01.05.2024).

⁹ См.: Кондрашков Н. Н., Кудрявцев В. Н., Лейкина Н. С. [и др.]. Личность преступника / отв. ред. В. Н. Кудрявцев; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М.: Юрид.

альные функции¹⁰, социальные связи¹¹, социальное поведение¹²; 2) уголовно-правовые¹³; 3) индивидуально-психологические (нравственно-психологические)¹⁴.

В криминалистической литературе наряду с перечисленными группами признаков выделяются и иные:

— «биофизиологические признаки (состояние здоровья, нервной системы, физиологические качества и характеристики), которые способствуют формированию поведенческих установок и социальной направленности личности;

— интеллектуально-волевые и эмоциональные качества личности преступника»¹⁵, конкретизирующие уголовно-правовые признаки

субъекта преступления в криминалистическом аспекте.

Прежде чем определить, какие из вышеуказанных признаков будут иметь практическое значение для целей настоящего исследования, обратимся к сведениям статистической отчетности. Согласно данным сводного отчета по России, за январь — декабрь 2023 г.¹⁶ 21 969 человек осуждены за совершение преступлений, предусмотренных статьями 228.1–233 УК РФ. Из них доля лиц от 18 до 39 лет составляет 78,2 % (17 187 чел.). Доля женщин в общем количестве указанных лиц — 16,6 % (3 658). 15 815 человек (71,9 %), включая нетрудоспособных, не имеют стабильного дохода. 999 человек (4,5 %) обучаются в образовательных организациях и учреж-

лит., 1971. С. 34–36; Лунеев В. В. Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР. М., 1986. С. 87.

¹⁰ См.: Криминология / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 119–122; Криминология : учеб. пособие. Стандарт третьего поколения / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. СПб. : Питер, 2013. С. 59.

¹¹ Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве : учеб. пособие. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1970. С. 61.

¹² Кудрявцев В. Н., Кондрашков Н. Н., Лейкина Н. С. [и др.]. Личность преступника / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М. : Юрид. лит., 1975. С. 31.

¹³ См.: Игнатов А. Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 319–326; Кудрявцев В. Н., Кондрашков Н. Н., Лейкина Н. С. [и др.]. Указ. соч. С. 31–32; Шиханцов Г. Г. Криминология : учеб. пособие. Минск : Тесей, 2006. URL: <https://ebooks.grsu.by/criminal/3-kharakteristika-lichnosti-prestupnika.htm>; Алексеев А. И. Криминология : курс лекций [для студентов вузов юрид. профиля]. Изд. 5-е, испр. и доп. М. : Щит-М, 2005. С. 82–83.

¹⁴ См.: Алексеев А. И. Указ. соч. С. 82–83; Карпенко О. А., Шмырин Д. Ф. Криминалистические аспекты изучения личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотиков посредством сети «Интернет» // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4 (28). С. 93–96; Криминология / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. С. 119; Криминология : учеб. пособие. Стандарт третьего поколения. С. 59; Кудрявцев В. Н., Кондрашков Н. Н., Лейкина Н. С. [и др.]. Указ. соч. С. 31–32; Шиханцов Г. Г. Указ. соч.

¹⁵ См.: Ахмедшин Р. А. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск, 2005. С. 117; Криминалистика : учебник / под ред. А. Н. Васильева. М., 1971. С. 423–430; Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2008. С. 116–119; Откидач А. О. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 2013. С. 6–19.

¹⁶ Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ, за январь — декабрь 2023 года // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 22.04.2024).

дениях. Доля лиц, имевших неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления, — 24 % (5 276).

Для оживления «сухого», усредненного портрета наркопреступника приведем результаты исследований ученых. Согласимся с ними в том, что структура должна включать сведения о привлечении лица к уголовной и административной ответственности (степень криминализации личности, наличие антиобщественных установок и т.д.)¹⁷, а также уголовно-правовые характеристики: роль участника организованной преступной группы (организатор, руководитель, исполнители наркобизнеса (сбытчики, изготовители, перевозчики), подстрекатели наркобизнеса, пособники наркобизнеса), наличие рецидива преступления¹⁸.

Обобщив статистические сведения и результаты ранее проведенных исследований¹⁹, типичный портрет личности наркопреступника можно представить следующим образом: мужчина (90 % случаев), в возрасте от 18 до 40 лет (78,2 % случаев), со средним общим (37 %) или средним профессиональным (37,8 %) образо-

ванием, не имеющий постоянного или официального источника дохода (71,9 %), в связи с чем руководствующийся корыстными мотивами из желания принять наркотическое средство, обладающий навыками использования социальных сетей и мессенджеров, средств анонимизации при работе в виртуальных средах; если выполняет административные функции в преступной группе, то наделен организаторскими способностями и умеет осуществлять маркетинговое сопровождение наркомагазина в сети Интернет.

Следует учесть, что все вышеназванные авторы дают обобщенные портреты наркозависимых и не страдающих наркоманией лиц. В связи с этим М. В. Лапатников, Т. А. Николаева, И. А. Казнина справедливо отмечают, что следует различать преступника, совершающего преступления в данной сфере, и наркозависимое лицо²⁰. В частности, они разнятся по средним показателям возраста, социальному статусу, биофизиологическим и другим параметрам.

Близко раскрывают характерные признаки лиц, употребляющих наркотические вещества, М. О. Авдеев²¹, Т. Н. Бородкина²². Исследователи

¹⁷ Бородкина Т. Н. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вестник науки и образования. 2016. № 9 (21). С. 61–64.

¹⁸ Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учеб. пособие / Э. Д. Нугаева, Ю. Б. Имаева, А. Т. Мурсагимов, Г. М. Мустафина. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2022. С. 35–36.

¹⁹ См.: Бурлаков В. Н., Плоткина Л. Н., Щурова А. С. Интернет-наркотизация и безопасность жизнедеятельности. Вопросы состояния преступности, уголовной ответственности и предупреждения. СПб. : Юридический центр, 2018 ; Карпенко О. А., Шмырин Д. Ф. Указ. соч. ; Космодемьянская Е. Е., Мельников Е. Б. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков : учеб. пособие. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2019. С. 13, 15 ; Куашев А. А. Характеристика личности преступника, совершающего преступления с использованием информационно-коммуникативных технологий в сфере незаконного оборота наркотических средств // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 295–297 ; Куликов А. В., Шелег О. А. Особенности криминалистической характеристики незаконного оборота наркотических средств // Материалы криминалистических чтений / под ред. О. В. Кругликовой. Барнаул, 2022. С. 54–56 ; Кустов А. М., Иванов П. И., Дульцев М. В., Панасенко В. Н. Раскрытие и расследование незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : монография. М., 2022. С. 29–30.

²⁰ Лапатников М. В., Николаева Т. А., Казнина И. А. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2023. С. 26.

²¹ Авдеев М. О. Особенности личности лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». 2019. Т. 4. Вып. 2. С. 83–85.

²² Бородкина Т. Н. Указ. соч.

справедливо указывают на особенные характеристики личности наркозависимого участника преступной деятельности. Эти лица зачастую обладают слабым характером либо отличаются возбужденным и импульсивным поведением в зависимости от типа принимаемых веществ. Кроме того, в силу имеющейся зависимости, отсутствия гражданской позиции такие лица склонны категорически отрицать советы и рекомендации адвоката-защитника из-за недоверия. Названный тезис подтверждается результатами интервьюирования следователей и руководителей следственных подразделений, специализирующихся на расследовании преступлений, связанных с незаконными действиями с наркотическими средствами²³. Все опрошенные указывают на нежелательность заключения досудебного соглашения с лицом, имеющим наркозависимость или относящимся к категории наркопотребителей. Респонденты объясняют это сложностью взаимоотношений со страдающими наркозависимостью лицами, высокой вероятностью неисполнения ими условий досудебного соглашения.

Типичный портрет наркопреступника исследован учеными достаточно полно и принят за основу для установления особых признаков личности участника НОН, с которым следователь достигает договоренности о сотрудничестве и оказании помощи следствию.

Социально-психологический портрет личности преступника, не употребляющего наркотические вещества, более сложный. Например, «организатор преступного сообщества в указанной сфере преступлений может принадле-

жать к элитным слоям общества, пользоваться общественным уважением, может как быть бизнесменом, так и пользоваться авторитетом в криминальном мире»²⁴. Установление причастности указанных лиц к преступной деятельности осложняется их влиятельным положением в обществе, большим количеством посредников в коммуникациях и крупными суммами денежных средств в распоряжении²⁵.

Роль (функционал) соучастника в структуре организованного наркоформирования, на наш взгляд, является важным элементом характеристики личности при прогнозировании сотрудничества с тем или иным фигурантом уголовного дела. Сведения о выполняемой роли дают следователю представление об организаторских навыках лица, способности к критическому осмыслению своего процессуального, тактического положения и принятию решения о сотрудничестве со стороной обвинения.

В ходе исследования механизма организованной наркопреступности учеными определяются круг участников и их роли во всех звеньях иерархической структуры наркогрупп²⁶.

Анализ содержания документов судебно-следственной практики по рассматриваемым преступлениям позволяет классифицировать лиц, участвующих в незаконных действиях с наркотическими средствами, с которыми заключались соглашения о сотрудничестве по следующим основаниям:

1. В зависимости от их функциональной роли в преступной группе (преступном сообществе):
 - 1) организатор (руководитель) преступной группы;

²³ В ходе исследования проведено интервьюирование 25 сотрудников следственных подразделений из Красноярского края, Ростовской, Самарской областей, г. Санкт-Петербурга, республик Хакасия и Тыва.

²⁴ *Нещадимов А. В.* Характеристика личности субъекта, а также причины и условия, способствующие совершению незаконного оборота наркотических, психотропных веществ или их аналогов // *Современные проблемы науки, общества и образования : сборник статей V Международной научно-практической конференции.* Пенза : Наука и просвещение, 2022. С. 103–107.

²⁵ *Нещадимов А. В.* Указ. соч. С. 106.

²⁶ См., например: *Кушпель Е. В., Кулешов П. Е.* Механизм реализации криминальной схемы незаконного сбыта наркотиков организованными группами // *Вестник Волгоградской академии МВД России.* 2018. № 4 (47) ; *Земцова С. И.* Предмет допроса «химика», «варщика», «поставщика», «куратора» и организатора при расследовании незаконного наркопроизводства // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра.* 2022. № 3 (23). С. 74–83 ; *Расследование преступлений...* С. 34–46.

2) исполнители, в том числе:

- лицо, хранящее наркотические средства и осуществляющее приискание лиц для сбыта (в научной литературе именуется «складом»);
- лицо, осуществляющее сбыт оптовых партий наркотических средств;
- лицо, передающее денежные средства между участниками наркоформирования;
- лицо, выполняющее указания организатора (многофункциональная роль).

2. В зависимости от *статуса лица в составе организованной преступной группы (преступного сообщества)*:

- 1) высшее звено (организатор / руководитель) единолично;
- 2) лицо, приближенное к организатору (супруги, сожители, братья и сестры и иные, связанные личными, семейными, дружественными отношениями);
- 3) низовое звено («закладчики», курьеры и т.п.).

Содержанием классификации лиц в зависимости от статуса является их обобщение в группы по степени «приближенности к руководству». Значение предложенной классификации носит практический характер: каждый фигурант уголовного дела в зависимости от того, к какой из вышеуказанных групп относится, в той или иной степени владеет интересующей следствие информацией. Исходя из этого, следователь имеет возможность определения конкретных соучастников, с которыми целесообразно выстраивать сотрудничество.

Изучение материалов практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о

преступлениях, предусмотренных частями 2–5 ст. 228.1 УК РФ²⁷, показало, что со стороны обвинения в основном сотрудничают участники низовых звеньев²⁸, а в случае малочисленной группы лиц, действующих по предварительномуговору, — ее руководители²⁹.

Так, в июне — августе 2020 г. Л. на теневой торговой интернет-площадке «Гидра» создала интернет-магазин, посредством которого в составе сформированной ею организованной группы намеревалась незаконно сбыть наркотическое средство общей массой 371,79 г.

В ходе предварительного следствия с Л. заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Во исполнение принятых на себя обязательств Л. подробно сообщила об обстоятельствах совершения инкриминируемых ей преступлений, о вступлении в преступный сговор с Г. и распределении между ними ролей в совершенных преступлениях. Кроме того, Л. рассказала об обстоятельствах приобретения изъятого наркотического средства, способе его доставки на территорию Камчатского края, принципах движения и распределения денежных средств, полученных от незаконного сбыта наркотиков. Выполняя условия соглашения, Л. раскрыла следствию всю известную ей информацию о структуре и иерархии организованной группы «К», о своей роли в указанной группе и совершенных ею, а также иными лицами преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств. Также Л. предоставила информацию о лице, сбывающем синтетические наркотические средства, в отношении которого

²⁷ При проведении исследования изучены 132 вступивших в законную силу приговора судов общей юрисдикции субъектов Российской Федерации: г. Санкт-Петербурга — 5, Московской области — 14, Новосибирской — 4, Омской — 6, Амурской — 2, Волгоградской — 13, Воронежской — 13, Иркутской — 15, Пермской — 1, Самарской — 1, Тверской — 1, Камчатского края — 1, Красноярского — 32, Приморского — 12, Республики Хакасия — 11, Республики Тыва — 1; 20 обвинительных заключений с приговорами, поступившими из территориальных органов МВД России: ГУ МВД России по г. Москве — 7, УМВД России по Костромской области — 3, УМВД России по Курганской области — 4, УМВД России по Липецкой области — 3, УМВД России по Владимирской области — 1, УМВД России по Забайкальскому краю — 2; 34 уголовных дела (32 дела, расследованных в г. Красноярске, 2 — в г. Ростове-на-Дону).

²⁸ См., например: приговор Пермского районного суда Пермского края от 27.11.2020 по делу № 1-435/2020 // URL: <https://clck.ru/3AGEMJ> (дата обращения: 24.02.2024).

²⁹ См., например: приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 05.11.2019 по делу № 1-1176/2019 // URL: <https://clck.ru/3AGC9G> (дата обращения: 24.04.2024).

в результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ³⁰.

По результатам анализа сведений, характеризующих лиц, осужденных в порядке гл. 40.1 УПК РФ за преступления, связанные с незакон-

ным оборотом наркотических средств, автор сформировал перечень элементов типичного криминалистического портрета личности участника досудебного соглашения о сотрудничестве и их количественные показатели, которые представлены в таблице.

Элементы типичного криминалистического портрета личности участника досудебного соглашения о сотрудничестве по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ

Наименование признака	Частота встречаемости признака (%)
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ	
<i>Возраст</i>	
До 35 лет включительно	93,7
БИОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ	
<i>Состояние здоровья, нервной системы, физиологические качества и характеристики</i>	
Наличие заболеваний	31,2
Сведения о наркозависимости	28,1
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ	
СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ	
<i>Семейное положение</i>	
Состоит в браке	56,2
Холост или брак не зарегистрирован	43,8
Наличие иждивенцев (детей, пожилых родителей и др.)	78
АНТИОБЩЕСТВЕННЫЕ	
<i>Судимость, в том числе</i>	
простой рецидив	12,5
опасный рецидив	6,3
особо опасный рецидив	3,1
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ	
Жизненная ориентация, жизненные ценности, убеждения (проявляются в решительности и наступательности в достижении поставленных целей); взаимоотношения с коллегами, поведение в местах содержания под стражей, уважение к старшим, стремление к достижению результата и др.	96 ³¹
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ	
<i>Функциональная роль в преступной деятельности</i>	
Организатор (руководитель) преступной группы	15,6
Исполнители, в том числе	
лицо, хранящее наркотические средства и осуществляющее приискание лиц для сбыта («склад», «минисклад»)	15,6
Лицо, осуществляющее сбыт оптовых партий наркотических средств («оптовый курьер»)	6,3

³⁰ Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 22.10.2021 по делу № 1-787/2021. Вступил в законную силу 2 ноября 2021 г. // URL: <https://707.su/Vjvb> (дата обращения: 24.04.2024).

³¹ Имеют положительную характеристику из мест лишения свободы, мест содержания под стражей, с места службы в Вооруженных силах РФ, работы, учебы, от соседей, участкового уполномоченного полиции.

Лицо, выполняющее указания организатора (многофункциональная роль)	15,6
«Закладчик»	31,3
<i>Статус, положение в составе организованной преступной группы</i>	
(преступного сообщества)	
Высшее звено (организатор / руководитель) единолично	68,6
Лицо, приближенное к организатору	9,1
Низовое звено («закладчики», курьеры и т.п.)	22,3
<i>Способности и навыки, используемые для совершения преступлений</i>	
Навыки по настройке, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), технического оборудования, с помощью которого фигуранты осуществляют сбыт наркотического средства посредством сети Интернет	9,3
Навыки использования программ и браузеров, позволяющих использовать теньевую часть сети Интернет, скрывающую IP-адреса	42,4
Использование криптобирж	48,3

Пояснение к таблице: чем ниже частота встречаемости, тем выше ценность характеристики при определении лица, с которым целесообразно прогнозировать сотрудничество.

Для определения возможности сотрудничества с конкретным лицом выявленные признаки личности подозреваемого (обвиняемого) распределены по частоте встречаемости (шкала распространенности). Шкала отражает количественные показатели признаков лиц, с которыми чаще всего заключаются досудебные соглашения о сотрудничестве.

Впрочем, фактическое состояние дел не всегда означает необходимую результативность, и представленные показатели в числовом выражении лишь отражают действительность. В связи с этим необходимо оценить каждый из выявленных признаков с точки зрения их значения именно для принятия решения о сотрудничестве с конкретным подозреваемым (обвиняемым). Указанные количественные показатели распределены по шкале ценности, которая дает представление о том, с какой группой подозреваемых (обвиняемых) сотрудничество будет самым эффективным. Чем ниже частота признака, тем реже с данными лицами заключаются соглашения о сотрудничестве и тем более пристальное внимание на них рекомендуется обращать следователю.

Соответственно, наиболее эффективно для расследования привлечение к сотрудничеству лиц, выполняющих функции по сбыту оптовых партий наркотических средств (6,3 %), руководителя (организатора) преступной группы (15,6 %), лиц, выполняющих указания организатора (15,6 %), а также хранящих оптовые партии наркотических средств и осуществляющих приискание лиц для сбыта (15,6 %). Отдельно следует упомянуть участников преступной деятельности, которые имели визуальный контакт с иными участниками, например, при передаче денежных средств между членами преступной группы³². В приведенной классификации они включены в группу «лица, выполняющие указания организатора».

Личность потенциального участника сотрудничества с целью заключения соглашения следует рассматривать не обособленно, а в системе криминалистически значимой информации. Так, сведения о личности могут быть использованы для выдвижения версий о соучастниках преступления и их количестве, прогнозирования сотрудничества с конкретным лицом и возможной линии его поведения, планирования тактики общения с защитником и т.д.

³² См., например: приговор Советского районного суда г. Красноярск от 03.02.2020 по делу № 1-202/2020. Вступил в законную силу 14 мая 2020 г. // URL: <https://707.su/WrTR> (дата обращения: 24.11.2024).

Заключение

Таким образом, впервые предпринята попытка (из числа опубликованных научных работ) на основе актуализированного типичного портрета личности наркопреступника выявить особенности участников организованных преступных групп (преступных сообществ), действующих в сфере НОН, которых целесообразно привлекать к сотрудничеству в порядке гл. 40.1 УПК РФ.

В ходе исследования установлено, что из 100 % изученных уголовных дел, по которым заключались досудебные соглашения о сотрудничестве, в 68 % случаев подозреваемые (обвиняемые) согласились на сотрудничество или заявили соответствующее ходатайство. Более 40 % лиц имеют необходимые навыки для осуществления преступной деятельности в сети Интернет, что может свидетельствовать о выполняемой ими роли в преступной деятель-

ности, а также о владении интересующей следствии информацией.

При прогнозировании сотрудничества следует также ориентироваться на редко встречающиеся характеристики. Лица, которые по функционально-ролевой принадлежности относятся к среднему сегменту преступной цепи, с очень высокой вероятностью имеют наибольшее количество взаимодействий как с низовым звеном («закладчиками», курьерами и т.п.), так и с более высокими по иерархии (оптовыми хранителями, региональными менеджерами и выше).

Полученные результаты в теоретической плоскости могут служить дополнительным содержанием криминалистической характеристики личности лица, действующего в сфере незаконного наркооборота, а в практической деятельности — ориентировать следователя, начальника следственного органа, прокурора на сотрудничество с конкретным подозреваемым (обвиняемым).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеев М. О. Особенности личности лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». — 2019. — Т. 4. — Вып. 2. — С. 83–85.
2. Алексеев А. И. Криминология : курс лекций [для студентов вузов юрид. профиля]. — Изд. 5-е, испр. и доп. — М. : Щит-М, 2005. — 340 с.
3. Ахмедшин Р. А. Криминалистическая характеристика личности преступника. — Томск, 2005. — 208 с.
4. Бородкина Т. Н. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вестник науки и образования. — 2016. — № 9 (21). — С. 61–64.
5. Бурлаков В. Н., Плоткина Л. Н., Щурова А. С. Интернет-наркотизация и безопасность жизнедеятельности. Вопросы состояния преступности, уголовной ответственности и предупреждения. — СПб. : Юридический центр, 2018. — 207 с.
6. Земцова С. И. Предмет допроса «химика», «варщика», «поставщика», «куратора» и организатора при расследовании незаконного наркопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2022. — № 3 (23). — С. 74–83.
7. Игнатов А. Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5 (71). — № 1. — С. 319–326.
8. Карпенко О. А., Шмырин Д. Ф. Криминалистические аспекты изучения личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотиков посредством сети «Интернет» // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2020. — № 4 (28). — С. 93–96.
9. Кондрашков Н. Н., Кудрявцев В. Н., Лейкина Н. С. Личность преступника / отв. ред. В. Н. Кудрявцев ; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. — М. : Юрид. лит., 1971. — 356 с.

10. *Космодемьянская Е. Е., Мельников Е. Б.* Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков : учеб. пособие. — Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2019. — 48 с.
11. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2008. — 943 с.
12. Криминалистика : учебник / ред. А. Н. Васильева. — М., 1971. — 564 с.
13. Криминология / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2005. — 629 с.
14. Криминология : учеб. пособие. Стандарт третьего поколения / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. — СПб. : Питер, 2013. — 304 с.
15. *Куашев А. А.* Характеристика личности преступника, совершающего преступления с использованием информационно-коммуникативных технологий в сфере незаконного оборота наркотических средств // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 4. — С. 295–297.
16. *Кудрявцев В. Н., Кондрашков Н. Н., Лейкина Н. С.* [и др.]. Личность преступника / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. — М. : Юрид. лит., 1975. — 270 с.
17. *Куликов А. В., Шелег О. А.* Особенности криминалистической характеристики незаконного оборота наркотических средств // Материалы криминалистических чтений / под ред. О. В. Кругликовой. — Барнаул, 2022. — С. 54–56.
18. *Кустов А. М., Иванов П. И., Дульцев М. В., Панасенко В. Н.* Раскрытие и расследование незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : монография. — М., 2022. — 156 с.
19. *Кушпель Е. В., Кулешов П. Е.* Механизм реализации криминальной схемы незаконного сбыта наркотиков организованными группами // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2018. — № 4 (47). — С. 110–114.
20. *Лапатников М. В., Николаева Т. А., Казнина И. А.* Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков : учеб. пособие для вузов. — М. : Юрайт, 2023. — 174 с.
21. *Лунеев В. В.* Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР. — М., 1986.
22. *Нещадимов А. В.* Характеристика личности субъекта, а также причины и условия, способствующие совершению незаконного оборота наркотических, психотропных веществ или их аналогов // Современные проблемы науки, общества и образования : сборник статей V Международной научно-практической конференции. — Пенза : Наука и просвещение, 2022. — С. 103–107.
23. *Откидач А. О.* Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. — М., 2013. — 184 с.
24. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учеб. пособие / Э. Д. Нугаева, Ю. Б. Имаева, А. Т. Мурсалимов, Г. М. Мустафина. — Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2022. — 255 с.
25. *Дагель П. С.* Учение о личности преступника в советском уголовном праве : учеб. пособие. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1970. — 132 с.
26. *Шиханцов Г. Г.* Криминология : учеб. пособие. — Минск : Тесей, 2006. — 296 с.

Материал поступил в редакцию 7 декабря 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avdeev M. O. Osobennosti lichnosti litsa, sovershayushchego prestupleniya v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2019. — T. 4. — Vyp. 2. — S. 83–85.
2. Alekseev A. I. Kriminologiya: kurs lektsiy [dlya studentov vuzov yurid. profilya]. — Izd. 5-e, ispr. i dop. — M.: Shchit-M, 2005. — 340 s.
3. Akhmedshin R. A. Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika. — Tomsk, 2005. — 208 s.
4. Borodkina T. N. K voprosu o kriminalisticheskoy kharakteristike prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv // Vestnik nauki i obrazovaniya. — 2016. — № 9 (21). — S. 61–64.
5. Burlakov V. N., Plotkina L. N., Shchurova A. S. Internet-narkotizatsiya i bezopasnost zhiznedeyatelnosti. Voprosy sostoyaniya prestupnosti, ugovolnoy otvetstvennosti i preduprezhdeniya. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr, 2018. — 207 s.
6. Zemtsova S. I. Predmet doprosa «khimika», «varshchika», «postavshchika», «kuratora» i organizatora pri rassledovanii nezakonnogo narkoproizvodstva // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. — 2022. — № 3 (23). — S. 74–83.
7. Ignatov A. N. Ponyatie i obshchaya kharakteristika lichnosti prestupnika // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. — 2019. — T. 5 (71). — № 1. — S. 319–326.
8. Karpenko O. A., Shmyrin D. F. Kriminalisticheskie aspekty izucheniya lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupleniya v sfere nezakonnogo oborota narkotikov posredstvom seti «Internet» // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2020. — № 4 (28). — S. 93–96.
9. Kondrashkov N. N., Kudryavtsev V. N., Leykina N. S. Lichnost prestupnika / otv. red. V. N. Kudryavtsev; Vsesoyuz. in-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti. — M.: Yurid. lit., 1971. — 356 s.
10. Kosmodemyanskaya E. E., Melnikov E. B. Metodika rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkotikov: ucheb. posobie. — Krasnoyarsk: Sibirskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2019. — 48 s.
11. Kriminalistika: uchebnik dlya studentov vuzov / pod red. A. F. Volynskogo, V. P. Lavrova. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Yuniti-Dana, Zakon i pravo, 2008. — 943 s.
12. Kriminalistika: uchebnik / red. A. N. Vasileva. — M., 1971. — 564 s.
13. Kriminologiya / pod red. N. F. Kuznetsovoy, V. V. Luneeva. — 2-e izd., pererab. i dop. — M., 2005. — 629 s.
14. Kriminologiya: ucheb. posobie. Standart tretogo pokoleniya / pod red. V. N. Burlakova, N. M. Kropacheva. — SPb.: Piter, 2013. — 304 s.
15. Kuashev A. A. Kharakteristika lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupleniya s ispolzovaniem informatsionno-kommunikativnykh tekhnologiy v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2018. — № 4. — S. 295–297.
16. Kudryavtsev V. N., Kondrashkov N. N., Leykina N. S. [i dr.]. Lichnost prestupnika / Vsesoyuz. in-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti. — M.: Yurid. lit., 1975. — 270 s.
17. Kulikov A. V., Sheleg O. A. Osobennosti kriminalisticheskoy kharakteristiki nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv // Materialy kriminalisticheskikh chteniy / pod red. O. V. Kruglikovoy. — Barnaul, 2022. — S. 54–56.
18. Kustov A. M., Ivanov P. I., Dultsev M. V., Panasenko V. N. Raskrytie i rassledovanie nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh prekursorov: monografiya. — M., 2022. — 156 s.
19. Kushpel E. V., Kuleshov P. E. Mekhanizm realizatsii kriminalnoy skhemy nezakonnogo sbyta narkotikov organizovannymi gruppami // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. — 2018. — № 4 (47). — S. 110–114.

20. Lapatnikov M. V., Nikolaeva T. A., Kaznina I. A. *Rassledovanie prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkotikov: ucheb. posobie dlya vuzov.* — M.: Yurayt, 2023. — 174 s.
21. Luneev V. V. *Kriminologiya. Prichiny, preduprezhdenie i metody izucheniya prestupleniy v Vooruzhennykh Silakh SSSR.* — M., 1986.
22. Neshchadimov A. V. *Kharakteristika lichnosti subekta, a takzhe prichiny i usloviya, sposobstvuyushchie soversheniyu nezakonnogo oborota narkoticheskikh, psikhotropnykh veshchestv ili ikh analogov // Sovremennye problemy nauki, obshchestva i obrazovaniya: sbornik statey V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* — Penza: Nauka i prosveshchenie, 2022. — S. 103–107.
23. Otkidach A. O. *Izuchenie lichnosti obvinyaemogo na predvaritelnom sledstvii.* — M., 2013. — 184 s.
24. *Rassledovanie prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv: ucheb. posobie / E. D. Nugaeva, Yu. B. Imaeva, A. T. Mursalimov, G. M. Mustafina.* — Ufa: Ufimskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2022. — 255 s.
25. Dagal P. S. *Uchenie o lichnosti prestupnika v sovetskom ugolovnom prave: ucheb. posobie.* — Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta, 1970. — 132 s.
26. Shikhantsov G. G. *Kriminologiya: ucheb. posobie.* — Minsk: Tesey, 2006. — 296 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.109-119

А. А. Соловьев*

Тактико-криминалистические проблемы в связи с эмоцией страха при расследовании преступлений террористического акта

Аннотация. В статье рассмотрены проявления эмоции страха участников события террористического акта в модели преступления и ситуациях расследования. При исследовании обстановки места происшествия и расследовании преступления террористического акта необходимо анализировать сценарии поведения и реакции на опасность не только потерпевших и свидетелей, но и преступников, поскольку их поведение также обусловлено реакцией на страх смерти и стремление к ней. Способы совершения террористического акта делают страх своим инструментом и целью во время совершения преступления и после него. Последствия переживания эмоций осложняют работу с очевидцами преступления из-за явлений амнезии и нежелания потерпевших вспоминать пережитое, что усугубляется посттравматическим стрессовым расстройством. Это должно ориентировать следователя на более тщательную работу по изучению личности допрашиваемого лица, диагностике его состояния, а также на привлечение к участию в следственных действиях специалистов. Криминалистические технические и тактические приемы при расследовании преступлений террористического акта обусловлены обеспечением безопасности следователя в большей степени, чем при других видах преступлений, ввиду наличия прямой угрозы жизни на первоначальных стадиях расследования.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая тактика; тактика осмотра; тактический прием; криминалистическая психология; террористический акт; эмоция страха; страх преступления; страх преступника; страх следователя.

Для цитирования: Соловьев А. А. Тактико-криминалистические проблемы в связи с эмоцией страха при расследовании преступлений террористического акта // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 109–119. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.109-119.

© Соловьев А. А., 2025

* Соловьев Александр Александрович, старший следователь Бутырского межрайонного следственного отдела СУ по СВАО ГСУ СК России по г. Москве, лейтенант юстиции, аспирант Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), г. Москва, Российская Федерация, 119991
asolovev.law@mail.ru

Tactical and Forensic Problems Associated with the Emotion of Fear in the Investigation of Terrorist Act Crimes

Alexander A. Solovev, Senior Investigator, Butyrsky Interdistrict Investigative Department, Investigative Directorate for the North-Eastern Administrative District, Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of Russia for the city of Moscow, Lieutenant of Justice, Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
asolovev.law@mail.ru

Abstract. The paper examines the manifestations of the emotion of fear of participants in a terrorist act in a crime model and investigation situations. When examining a crime scene and investigating a terrorist act, it is necessary to analyze the behavioral scenarios and reactions to danger not only of victims and witnesses, but also of criminals, since their behavior is also conditioned by a reaction to fear, namely the fear of death and the desire for it. The methods of committing a terrorist act make fear its instrument and goal during and after the commission of the crime. The consequences of experiencing emotions complicate work with eyewitnesses of a crime due to the phenomena of amnesia and the unwillingness of victims to remember what they experienced, which is aggravated by post-traumatic stress disorder, determining the investigator to more thorough work on studying the personality of the person being interrogated, diagnosing his condition, and also involving specialists in investigative actions. Forensic technical and tactical methods in the investigation of terrorist act crimes are prioritized by ensuring the safety of the investigator to a greater extent than in other types of crimes, due to the presence of a direct threat to life in the initial stages of the investigation.

Keywords: forensic science; forensic tactics; examination tactics; tactical technique; forensic psychology; terrorist act; emotion of fear; fear of crime; criminal's fear; investigator's fear.

Cite as: Solovev AA. Tactical and Forensic Problems Associated with the Emotion of Fear in the Investigation of Terrorist Act Crimes. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):109-119. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.109-119.

Глобальный рейтинг терроризма основывается на 4 показателях — количестве инцидентов, погибших, травмированных и заложников. Для оценки воздействия терроризма используется средневзвешенное значение за пять лет, поэтому на данный момент учитываются данные лишь за 2019–2023 гг. Российская Федерация занимает 35-е место в общемировом рейтинге терроризма; среди стран с более высоким рейтингом такие государства, как Буркино-Фасо — государство, известное частотой военно-политических переворотов (1-е место), Индия — многонациональное государство с самой большой численностью населения в мире, известное также большим количеством террористических групп

пировок (14-е место), США (30-е место). Согласно рейтингу, в указанный период учтено три случая террористических атак, в которых погибло трое граждан и признаны пострадавшими 32 человека¹. Согласно аналитическим материалам ГИАЦ МВД, в 2023 г. зарегистрировано 2 382 преступления террористического характера (это на 6,7 % больше, чем в 2022 г.) и 1 340 преступлений экстремистской направленности (–14,4 %). Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера 1 098 (+29,0 %) преступлений совершены в 2023 г., в том числе: пресечено на стадии приготовления и покушения — 213 (+76,0 %); за пределами Российской Федерации — 223 (–31,6 %)². Ввиду анализируемого

¹ Global Terrorism Index // URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (дата обращения: 20.04.2024).

² ФКУ ГИАЦ МВД России. Состояние преступности за январь — декабрь 2023 года // URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 05.05.2024).

периода рейтингом не учитываются события 2024 г.

Вечером 22 марта 2024 г. произошел террористический акт в крупнейшем в Европе концертном зале «Крокус Сити Холл», в ходе которого террористами было убито не менее 134 человек, а число пострадавших превышает 500 человек. Данный террористический акт является свидетельством страшнейшего преступления против закона, морали и человечности, бросающим вызов правоохранительным органам, власти и всему обществу. Противостояние данной угрозе необходимо комплексное, и криминалистика призвана оказать методическое сопровождение раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений указанной группы.

Нормативная база противостояния террористической деятельности представлена, помимо УК РФ, Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009), Указом Президента РФ от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму» (вместе с Положением о Национальном антитеррористическом комитете), Указом Президента РФ от 14.06.2012 № 851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства», Указом Президента РФ от 13.09.2004 № 1167 «О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом», иными актами. Современное законодательство относит к террористическим преступлениям террористический акт (ст. 205 УК РФ); содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправ-

дание терроризма или пропаганду терроризма (ст. 205.2 УК РФ); прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ); организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ); организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ); несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ); организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (ст. 208 УК РФ); деяния, предусмотренные частями 1–3 ст. 211 УК РФ (угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона), сопряженные с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, либо угрозу его совершения (ст. 360 УК РФ); акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ)³. Наиболее опасным, в том числе в связи с статистической частотой, выступает преступление террористического акта, отражающее существенные черты терроризма и преступлений террористического характера.

Понятие терроризма неоднородно и связывается как с воздействием на принятие властью решений, так с действиями самой власти. Изначально терроризм рассматривался как способ политической деятельности (например, монархический террор Ивана IV, бунты крестьян). Согласно французско-русскому словарю под редакцией И. И. Татищева терроризм представлялся как «грозная система правления», а согласно толковому словарю под редакцией В. И. Даля как «устрашивание, устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства». Затем понятие конкретизируется с ак-

³ Указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».

центом на убийство высших должностных лиц; к началу XX в. понятие терроризма отделилось от террора, который определяется как политическая система устрашения в целях сохранения власти или достижения политических целей⁴.

Среди основных сущностных признаков терроризма современные авторы выделяют следующее:

1. Уголовно наказуемое деяние.
2. Разовый акт или серия актов.
3. Отсутствие властных полномочий субъектов преступления.

4. Публичный, демонстративный характер деяния и его направленность на воздействие на сознание людей и повышение их страха перед преступностью, главным образом угрозой терроризма.

5. Создание и поддержание обстановки страха, которая парализует людей и воздействует на власть при принятии решений.

6. Создание угрозы неопределенному кругу лиц и реальной опасности гибели людей, иных тяжких последствий.

7. Способ совершения преступления — взрыв, поджог, а также иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, к которым согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», могут относиться: устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности; вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы

жилых домов, школ, больниц, административных зданий, мест дислокации (расположения) военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных или религиозных сооружений.

Ю. М. Антонян определяет терроризм как «насилие, содержащее угрозу другому, не менее жестокого насилия, для того, чтобы вызвать панику, нарушить и даже разрушить государственный порядок и общество, внушить страх, заставить противника принять желаемое решение, вызвать политические и иные изменения. По-видимому, это устрашение смертью»⁵. Данное определение подтверждает, что терроризм и страх связаны как акт и цель, как деяние и способ. В формулировке ряда составов преступлений (как основных, так и квалифицированных и особо квалифицированных) встречаются легальные конструкции: «с применением насилия», «угрозой применения насилия», «угрозой уничтожения имущества», «угрозой разглашения сведений, порочащих честь и достоинство личности», иные «угрозы». В ходе совершения таких деяний преступником создается обстановка страха, необходимая для достижения преступной цели и удовлетворения соответствующего мотива: ч. 1 ст. 110, ст. 119, 120, п. «в» ч. 2 ст. 126, п. «е» ч. 2 ст. 127.1, п. «г» ч. 2 ст. 127.2, ст. 131–133, ч. 2 ст. 139, п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ч. 3 ст. 144, п. «б» ч. 4 ст. 148, ст. 149, ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151, ч. 1 ст. 151.2, п. «г» ч. 2 ст. 161, ст. 162, 163, ч. 3 ст. 170.1, п. «б» ч. 2 ст. 172.4, п. «б» ч. 2 ст. 178, ст. 179, ч. 1 ст. 183, ч. 2 ст. 185.5, ч. 2 ст. 203, п. «в» ч. 2 ст. 211, п. «а» ч. 1 ст. 213, п. «б» ч. 2 ст. 215.4, п. «г» ч. 2 ст. 221, п. «г» ч. 3 ст. 226, ст. 227, п. «г» ч. 2 ст. 229, п. «г» ч. 2 ст. 230, п. «в» ч. 2 ст. 230.1, п. «а» ч. 2 ст. 240, п. «б» ч. 2 ст. 241, п. «в» ч. 2 ст. 243.4, п. «в» ч. 2 ст. 244 и иные.

В отличие от ряда перечисленных составов преступлений, субъект террористического акта и терроризма прививает эмоцию страха прак-

⁴ Капитонова Е. А., Романовский Г. Б. Современный терроризм : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 20.

⁵ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М. : Щит-М, 2001. С. 10.

тически неограниченному количеству членов общества, терроризм зиждется на страхе и психологическом воздействии на людей наиболее радикальными и ужасающими методами. С учетом современных научных знаний под эмоцией страха в настоящем исследовании понимается психическое явление, эмоциональное состояние, возникающее при наличии угрозы жизни или безопасности (физической или социальной) субъекта и сопровождающееся биохимической и психической активацией организма, выступающей мотивацией изменения его деятельности вплоть до степени подчинения посредством оборонительных или атакующих действий.

А. Маркс и Р. Несси выделяют четыре формы измененного страхом и тревогой поведения, призванного справиться с опасной ситуацией и объектом угрозы, сравнивая их с реакциями организма на попавшую в организм инфекцию и с действиями жертвы при нападении хищника:

1. Бегство или избегание, которые отдаляют человека от определенных угроз таким же образом, как рвота, отвращение, диарея, кашель и чихание создают физическое пространство между организмом и патогеном.

2. Агрессивная защита (царапание, кусание или опрыскивание ядовитыми веществами), которая наносит вред источнику опасности точно так же, как иммунная система атакует бактерии.

3. Застывание/неподвижность, которые дают субъекту время на оценку и осознание опасности, пространственную ориентацию, сокрытие и подавление рефлекса нападения хищника.

4. Подчинение/смирение, которое действует, когда угроза исходит от собственной группы, в том числе такая форма страха позволяет подавить другие побуждения субъекта, его мотивации⁶.

Интересную точку зрения авторы выдвигают относительно четвертой формы поведения в контексте отличия страха от тревоги. Так, авторами не разграничивают страх, вызванный определенными опасностями, и тревогу, вызванную

неопределенной опасностью, потому что их механизм, по всей видимости, не различается⁷.

Проявление эмоции страха всегда индивидуально, и было бы невозможным применение универсальной квалификации измененного страхом поведения, если бы не специфика терроризма, состоящая во всеобъемлющем воздействии. Современные каналы связи и распространения информации позволяют терроризму проникать в индивидуальное сознание не только непосредственных потерпевших и очевидцев произошедшего, но и всех, кто воспринимает угрозу терроризма. В то же время страх наводится не ради страха, а ради принуждения представителей власти к определенному поведению, причем это воздействие базируется не на страхе за свою жизнь, то есть у должностных лиц не требуется вызывать эту эмоцию, а на чувстве ответственности за жизни граждан⁸.

Субъект террористического акта делает страх центром своей деятельности — это цель, способ и сущность данного преступления, поэтому эмоция страха как объект криминалистического исследования проявляется в контексте данного вида преступлений наиболее характерно.

Человеческая жизнь выступает наиболее важным объектом уголовно-правовой защиты, что исходит из положений действующего уголовного закона, в то время как страх смерти — наиболее сильный страх, который присущ как потерпевшим и свидетелям преступления террористического акта, так и преступникам, которые не только сеют смерть, но и сами к ней приближаются. Энергия страха проходит сквозь каждый этап преступной деятельности, влияя не только на преступников, жертв и свидетелей, но и на каждого человека, информационно прикоснувшегося к устрашающему событию. Более того, последствия и действие эмоции, тревога граждан сохраняется и в последующем, долгое время влияя не только на жизнь в стране, но и на процесс расследования преступлений террористического акта.

⁶ Marks I., Nesse R. Fear and fitness: An evolutionary analysis of anxiety disorders // *Ethology and Sociobiology*. 1994. № 15(5–6). P. 250.

⁷ Marks I., Nesse R. *Op. cit.* P. 252.

⁸ Капитонова Е. А. Указ. соч. С. 30.

Подготовка к совершению террористического акта предполагает выбор наиболее устрашающего способа преступного посягательства, подбор соответствующих орудий, средств и их компонентов, использование которых позволит оказать смертоносное воздействие на наибольшее количество людей, причинить наибольший имущественный вред и оказать воздействие на психику людей как напрямую — на жертв и юридических свидетелей преступления, так и опосредованно — на граждан, получающих сведения о деянии из открытых источников. Подготовительный этап включает в себя среди прочего прогнозирование возможных угроз достижению преступного результата (таких как преждевременное обнаружение орудий преступления), а также разработку стратегий противодействия следствию и оперативно-розыскной деятельности: подбор транспортных средств, позволяющих быстро покинуть место происшествия; формулирование «легенд», используемых при объяснениях и допросах для сокрытия преступной роли и формирования образа потерпевшего или свидетеля преступления.

М. М. Намазбекова выделяет следующие типичные способы совершения террористического акта: «а) установление взрывных устройств в места постоянного нахождения жертвы или по маршруту ее передвижения; маскировка взрывных устройств под бытовые предметы; самоподрыв с использованием “поясов шахида”; б) открытое нападение или нападение из засады с огнестрельным оружием; в) распространение смертоносных веществ и газов путем распыления, взрыва, рассылки в письмах, заражения водных источников, почвы и т.д.; г) угроза (шантаж) убийства заложников холодным оружием или удушением и выдвижение незаконных требований»⁹. Исследователем, оперирующим данными о том, что типичным орудием преступления выступает взрывное устройство, проводится корреляция между количеством погибших от взрыва и интенсивностью страха, порождаемого в обществе, с чем довольно сложно не согласиться.

На то же указывают и данные о предмете преступления, и сведения о личности потерпевших от террористического акта. Хотя он и имеет своей главной целью воздействие на властных субъектов и принятие ими решений, никакого морального, физического или имущественного вреда должностным лицам не наносится, если только непосредственной жертвой преступного посягательства не выбраны конкретно эти лица.

Потерпевшие и свидетели террористического акта (последние в меньшей степени) в своем поведении в момент совершения преступления в зависимости от конституционных характеристик личности избирают одну из упомянутых психолого-физиологических реакций: бегство или избегание, когда они стремятся покинуть место происшествия, убежать от преступников, звуков выстрелов, места взрыва, в том числе при таком сценарии разрушаются преграды на пути к бегству, что подлежит учету в следовой картине; агрессивная защита, которая выражается в прямом противодействии преступникам: применении ответного насилия, обезвреживании, лишении оружия; застывание, когда потерпевший стремится спрятаться от нападающего или создать видимость своей смерти; подчинение/смирение.

Проблема эмоции страха в контексте террористического акта заключается в ее травмирующем воздействии на последующих этапах расследования, что осложняет или вообще исключает проведение следственных действий с участием очевидцев и участников исследуемого события. С одной стороны, первоначальный этап расследования террористического акта и незамедлительный допрос потерпевших позволяет в кратчайшие сроки установить картину события, выявить скрывающихся под «легендой» потерпевших преступников, обнаружить следы преступления, в том числе скрытые, и установить данные иных участников. С другой стороны, потерпевшие и свидетели, согласно данным исследователей, проходят через определенные психологические переживания, которые могут

⁹ Намазбекова М. М. Теоретические основы криминалистического обеспечения расследования террористического акта: по материалам Кыргызской Республики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М., 2015. С. 60.

даже обесценить их показания. После фазы психологического шока наступает фаза воздействия, когда человек зачастую испытывает воздействие эмоций страха и ужаса, после которой, в случае фиксации на травме, происходит развитие постстрессового расстройства. Каждая из фаз отличается своими психиатрическими критериями, последовательностью и длительностью протекания. Так, посттравматическое стрессовое расстройство является следствием переживания интенсивного страха и (или) ужаса, его симптомами выступают повторное переживание события, избегание, оцепенение, повышенная возбудимость; сохранение симптомов может иметь острый (от 1 до 3 месяцев) и хронический (свыше 3 месяцев) характер. Острое стрессовое расстройство отличается меньшей длительностью, но также относится к аффективным реакциям, в том числе страха. Депрессия, состоящая в отсутствии воли к жизни, вялости, социальной и физической пассивности, сохраняет свои симптомы от двух недель. Такая форма, как генерализованное тревожное расстройство, сохраняет симптомы суетливости, утомляемости, ослабления концентрации внимания, раздражительности, мускульной зажатости и нарушения сна в течение 6 месяцев¹⁰.

Каждое из названных заболеваний и каждый из симптомов требует внимания следователя и подлежит учету еще до производства следственного действия, хотя, стоит признать, их своевременное диагностирование усилиями следователя вряд ли возможно. Их неучет невозможен, так как ряд симптомов напрямую влияют на полноту и достоверность показаний: гиперестезия (нарушение восприятия ощущений), гипермнезия (непроизвольное воспоминание событий, в том числе незначительных), скотомизация (выпадение из памяти отдельных фактов и событий), которая порождает дисторсии, навязчивые сомнения, тревогу, эмоциональную лабильность, слабодушие, рассеянность, истощаемость, отвлекаемость,

иные расстройства волевой сферы. Ситуационная и конституциональная тревога при их соматизации в условиях неопределенной угрозы и диффузных опасений в дальнейшем сменяются «животным» страхом¹¹.

Ошибки следователя на каждом из тактических этапов следственного действия, даже на этапе подготовки, могут обусловить не просто провал мероприятия, но усугубление морально-психологического состояния потерпевшего. Известен следующий случай. В ходе проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий следователь получил информацию о потерпевшем А., который был очевидцем действий преступников в ходе террористического акта, произошедшего за несколько дней до этого. В ходе допроса потерпевшего Б., супруга (супруги) А., получены сведения о наличии паталогических не психиатрических заболеваний у А., острого переживания относительно исследуемого события. Потерпевший А. был непосредственным очевидцем событий, располагает сведениями о внешности преступников, использованных ими орудиях преступления, их жертвах, погибших на глазах у А., времени и месте совершения преступления. Следователем через Б. была передана повестка на допрос, а в последующем осуществлен телефонный звонок, в ходе которого было согласовано наиболее комфортное для А. время и место проведения допроса. Через некоторое время от Б. следователю поступили сведения о том, что А., узнав о том, что его будут допрашивать о пережитых событиях, стал непроизвольно вспоминать их и «переживать заново», после чего ввиду начавшейся панической атаки была вызвана специализированная медицинская бригада скорой помощи. Итогом подготовительно этапа следственного действия стал отказ следователя от его проведения. С одной стороны, была утрачена возможность получения криминалистически важных сведений, с другой — хоть в какой-то мере соблюдены требования ч. 4 ст. 164 УПК РФ.

¹⁰ Константинов В. В., Осин Р. В. Психология экстремизма и терроризма : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2024. С. 153–155.

¹¹ Боев И. В. Жертвы терроризма (психология, психопатология и терапия) : пособие для врачей и клинических психологов. Ставрополь : СГМА, 2003. С. 66.

При рассмотрении данного примера хорошо видны последствия пережитого страха и влияние аффективных переживаний на возможность проведения следственных действий. Из тактических рекомендаций необходимо выделить:

— во-первых, сбор сведений о возможных очевидных и заметных симптомах посттравматических психических заболеваний;

— во-вторых, учет двух временных факторов: количества дней, недель, месяцев, прошедших с момента исследуемого события, а также дней, недель, месяцев сохранения симптомов;

— в-третьих, выраженность проявления эмоции страха конкретным лицом, исходя из анализа показаний иных потерпевших, обвиняемых, следовой картины, иных доступных доказательств и криминалистически важной информации в ее совокупности;

— в-четвертых, моделирование травмирующей ситуации и выделение объекта посягательства и агента травмы в контексте конкретного потерпевшего с учетом известной картины произошедшего (в градации от угрозы материального вреда к причинению телесных повреждений, к угрозе жизни иных лиц и, наконец, угрозе собственной жизни);

— в-пятых, учет известных конституционных признаков личности: диагностированных заболеваний, склонности к зависимостям, пола, возраста;

— в-шестых, предварительный сбор и анализ полученных данных с участием специалиста психолого-психиатрического профиля в целях прогнозирования наличия признаков постстрессового расстройства и решения вопроса о тактике, возможности, целесообразности и безопасности допроса;

— в-седьмых, обеспечение участия специалиста психолого-психиатрического профиля на каждой из стадий допроса;

— в-восьмых, учет информационного воздействия.

Последний пункт заслуживает внимания в контексте опосредованного воздействия террористического акта даже на лиц, которые не были участниками преступного события, но получают о нем информацию и переживают информационный стресс — они ощущают свою незащищенность, боятся выходить из дома и посещать места скопления людей. Из психиатрической практики известен случай, когда в семье, никто из членов которой не был участником террористического акта, у матери, которая с большим вниманием относилась к новостям о данном событии, наблюдались ярко выраженные признаки виктимности и влияния аффекта страха с симптоматикой посттравматического стрессового расстройства. Изменения наблюдались и у отца, который чувствовал, что не может защитить семью, в силу чего его поведение стало более агрессивным, а также у их пятилетнего сына, преобладающей игрой которого стало марширование и стучание в барабаны в любой доступной ситуации и который идентифицировал себя с защитником¹².

Одной из процессуальных мер защиты свидетелей и потерпевших выступает также возможность в соответствии с ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166 УПК РФ не указывать данные об их личности в протоколе следственного действия. Неустановленные участники преступной группы, активно противодействуя следствию, могут, угрожая расправой, склонить потерпевших и свидетелей к изменению своих показаний¹³. Вдобавок применение меры безопасности благоприятно сказывается на чувстве защищенности лица, поэтому при наличии процессуальных оснований ее применение целесообразно.

В обстановке преступления и при типичных следах террористического акта влияние эмоции страха можно выделить в двух аспектах.

Во-первых, при восстановлении следовой картины преступления и поиске вещественных доказательств методом моделирования с уче-

¹² Бердникова Ю. Л. Круги на воде или «неизвестные пострадавшие» // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора : сборник статей / под ред. проф. М. М. Решетникова. СПб : Восточноевропейский институт психоанализа, 2004. С. 169–175.

¹³ Дворкин А. И., Бертовский Л. В. Методики расследования убийств, совершенных с применением взрывных устройств. М. : Инфра-М, 2001. С. 57.

том известных психических сценариев поведения потерпевших и свидетелей в условиях действия эмоции страха возможно выделить ряд типичных следов и мест их обнаружения, исключив иные версии о поведении того или иного участника события. Это максимально осложнено массовостью участников и большим количеством следов преступления. Выделив тех из участников, кто прибегнул к бегству и избеганию, можно установить пути эвакуации людей с места происшествия, пути следования преступников, дифференцировать места проникновения последних от мест бегства потерпевших, например при разрушении преград (заборов, окон, дверей, турникетов). Выделив тех, кто прибегнул к агрессивному нападению (ответу), можно установить, чьи биологические следы (кровь, пот, эпителиальные клетки, иные) могут быть на одежде и теле преступника и жертвы, исключая их нахождение на иных.

Во-вторых, при осмотре места происшествия по делам о террористическом акте следователю надлежит императивно привлекать к участию сотрудников кинологических служб со служебной собакой, а также взрывотехников, которые не только помогут обнаружить скрытые следы преступления, но и обезопасить следователя от них. Так, нередко в целях противодействия и уничтожения следов террористы оставляют взрывные устройства (растяжки, мины), призванные уничтожить участников следственно-оперативной группы, даже на самых подступах к месту происшествия. Осторожность и экзистенциальный страх за свою жизнь обеспечат следователю не только возможность выжить, но и успешно провести следственное действие, обнаружив при взаимодействии с кинологом и взрывотехником следы преступления.

Эмоция страха в контексте личности субъекта террористического акта может быть рассмотрена в рамках противодействия страху, восприимчивости к нему и преступной мотивации.

Из судебно-следственной практики известно, что террористы нередко перед совершением террористического акта применяют психотропные и

наркотические вещества, которые притупляют эмоции и сужают сознание, что в совокупности с конституционными данными личности выключает на некоторое время остатки эмпатии, сопереживания потерпевшим и — страха смерти. Не секрет, что в ходе контртеррористической операции нередким случаем выступает ликвидация исполнителей террористического акта, а одним из способов данного преступления является террористический суицид. Для достижения преступной цели субъекту преступления необходимо противостоять страху смерти. На конституционном уровне личности это реализуется за счет радикализации, «воспитания» личностных качеств, направленных на презрение к смерти других и невосприимчивости к собственной — до определенного уровня, ограниченного неотчуждаемостью страха смерти как признака человека¹⁴ и биологическим стремлением к выживанию тела.

В стремлении сеять смерть обнаруживается уникальная для данного вида преступлений черта личностной мотивации преступника — влечение к смерти. Ю. М. Антонян отмечает, что террористы-самоубийцы очарованы смертью, пытаются обессмертить себя и этим способом преодолеть собственный страх смерти. Сеяние смерти — это один из способов снятия страха перед ней, поскольку она тогда психологически максимально приближается к человеку, становится более понятной. Фанатическое поглощение в страхе смерти, обуславливающее преступную мотивацию исполнителей, не прекращается после задержания, потому что отказаться от выбранного способа снятия страха смерти террорист уже не может — он либо продолжает кровавое изучение данного феномена, либо стремится умереть. С этих позиций предлагаемое рядом исследователей возвращение смертной казни в виде наказания за совершение террористического акта не может достигать цели наказания и уголовного закона, так как не внушает страх перед ним — лицо, избравшее путь смерти, согласно с ней и стремится к ней и без этого. Карательная система их не пугает, что осложняет даже процесс дачи ими показаний.

¹⁴ См.: Фаизова Г. И. Страх смерти как мотивация к жизни // Вестник Башкирского университета. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-smerti-kak-motivatsiya-k-zhizni> (дата обращения: 27.05.2024).

В то же время, если лицо для подавления страха смерти прибегало к использованию блокирующих психотропных веществ, его влечение к страху смерти не столь велико, и в ходе использования различных тактик допроса этим необходимо пользоваться, усиливая его. При этом не будет усматриваться нарушений принципов ст. 9 УПК РФ и обращения, унижающего честь и достоинство личности, ввиду того, что следователем тактически обыгрывается уже гипертрофически присущая данной группе преступников личностная и мотивационная черта.

Анализ данных о роли эмоции страха в совершении террористического акта с использованием структуры криминалистической характеристики преступлений позволяет сделать следующие выводы:

1. Террористический акт как преступление, направленное на устрашение населения, сво-

им способом избирает такие методы и орудия деятельности, которые призваны обеспечить наибольшее количество смертей, для чего и используются общепасные способы.

2. Поведение потерпевших в обстановке террористического акта обусловлено психическими реакциями на страх.

3. Поведение преступников в ходе террористического акта также обусловлено реакцией на страх, а именно на страх смерти, и стремление к ней.

4. Криминалистические технические и тактические приемы при расследовании преступлений террористического акта обоснованы обеспечением безопасности следователя в большей степени, чем при других видах преступлений, ввиду присутствия прямой угрозы жизни следователя на первоначальных стадиях расследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Антонян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. — М. : Щит-М, 2001.
2. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. — М., 1988.
3. *Бердникова Ю. Л.* Круги на воде или «неизвестные пострадавшие» // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора : сборник статей / под ред. проф. М. М. Решетникова. — СПб : Восточноевропейский институт психоанализа, 2004. — С. 169–175.
4. *Бессонов А. А.* Основы криминалистического учения об исследовании и использовании криминалистической характеристики преступлений : монография. — М. : Юрлитинформ, 2016.
5. *Боев И. В.* Жертвы терроризма (психология, психопатология и терапия) : пособие для врачей и клинических психологов. — Ставрополь : СГМА, 2003.
6. *Веренич И. В., Дубровин С. В., Звягин А. И.* [и др.]. Криминалистическое обеспечение предварительного и судебного следствия умышленного убийства : курс лекций : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. А. М. Кустова. — М., 2017.
7. *Дворкин А. И., Бертовский Л. В.* Методики расследования убийств, совершенных с применением взрывных устройств. — М. : Инфра-М, 2001.
8. *Зуйков Г. Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1970.
9. *Капитонова Е. А., Романовский Г. Б.* Современный терроризм : монография. — М. : Юрлитинформ, 2015.
10. *Константинов В. В., Осин Р. В.* Психология экстремизма и терроризма : учеб. пособие для вузов. — М. : Юрайт, 2024.
11. Криминалистика : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. И. Бастрыкина, А. Ф. Волынского, С. В. Дубровина. — М., 2019.
12. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. — М. : Юристъ, 2007.

13. *Намазбекова М. М.* Теоретические основы криминалистического обеспечения расследования террористического акта: по материалам Кыргызской Республики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. — М., 2015.
14. *Фаизова Г. И.* Страх смерти как мотивация к жизни // Вестник Башкирского университета. — 2008. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-smerti-kak-motivatsiya-k-zhizni> (дата обращения: 27.05.2024).
15. *Marks I., Nesse R.* Fear and fitness: An evolutionary analysis of anxiety disorders // *Ethology and Sociobiology*. — 1994. — № 15(5–6).

Материал поступил в редакцию 1 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonyan Yu. M. *Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugovovno-pravovoe issledovanie*. — М.: Shchit-M, 2001.
2. Belkin R. S. *Kriminalistika: problemy, tendentsii, perspektivy. Ot teorii — k praktike*. — М., 1988.
3. Berdnikova Yu. L. *Krugi na vode ili «neizvestnye postradavshie» // Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora: sbornik statey / pod red. prof. M. M. Reshetnikova*. — SPb: Vostochnoevropeyskiy institut psikhoanaliza, 2004. — S. 169–175.
4. Bessonov A. A. *Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya ob issledovanii i ispolzovanii kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy: monografiya*. — М.: Yurlitinform, 2016.
5. Boev I. V. *Zhertvy terrorizma (psikhologiya, psikhopatologiya i terapiya): posobie dlya vrachey i klinicheskikh psikhologov*. — Stavropol: SGMA, 2003.
6. Verenich I. V., Dubrovin S. V., Zvyagin A. I. [i dr.]. *Kriminalisticheskoe obespechenie predvaritelnogo i sudebnogo sledstviya umyshlennogo ubiystva: kurs lektsiy: v 2 ch. Ch. 1 / pod red. A. M. Kustova*. — М., 2017.
7. Dvorkin A. I., Bertovskiy L. V. *Metodiki rassledovaniya ubiystv, sovershennykh s primeneniem vzryvnykh ustroystv*. — М.: Infra-M, 2001.
8. Zuykov G. G. *Kriminalisticheskoe uchenie o sposobe soversheniya prestupleniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk*. — М., 1970.
9. Kapitonova E. A., Romanovskiy G. B. *Sovremennyy terrorizm: monografiya*. — М.: Yurlitinform, 2015.
10. Konstantinov V. V., Osin R. V. *Psikhologiya ekstremizma i terrorizma: ucheb. posobie dlya vuzov*. — М.: Yurayt, 2024.
11. *Kriminalistika: uchebnyy dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu podgotovki «Yurisprudentsiya» / pod red. A. I. Bastrykina, A. F. Volynskogo, S. V. Dubrovina*. — М., 2019.
12. *Kriminalistika: uchebnyy / otv. red. N. P. Yablokov*. — М.: Yurist, 2007.
13. *Namazbekova M. M.* Teoreticheskie osnovy kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya terroristicheskogo akta: po materialam Kyrgyzskoy Respubliki: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.12. — М., 2015.
14. *Faizova G. I.* Strakh smerti kak motivatsiya k zhizni // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. — 2008. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-smerti-kak-motivatsiya-k-zhizni> (data obrashcheniya: 27.05.2024).
15. *Marks I., Nesse R.* Fear and fitness: An evolutionary analysis of anxiety disorders // *Ethology and Sociobiology*. — 1994. — № 15(5–6).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.120-133

К. В. Моисеев*

Ответственность транснациональных корпораций за нарушения экологических прав детей

Аннотация. Статья посвящена ответственности транснациональных корпораций за нарушения экологических прав детей в контексте международного права. Рассматриваются ключевые элементы механизма защиты экологических прав детей от негативного влияния со стороны корпораций, включая Конвенцию о правах ребенка, Замечания общего порядка о правах ребенка Комитета по правам ребенка и Руководящие принципы ООН по предпринимательской деятельности и правам человека. Анализируются угрозы, создаваемые корпоративной деятельностью, включая загрязнение окружающей среды и изменение климата, которые оказывают долговременное воздействие на здоровье и благополучие детей. Особое внимание уделено концепции межпоколенческой справедливости и судебной практике, связанной с корпоративной ответственностью в сфере изменения климата и экологии. Предлагаются меры по усилению ответственности бизнеса, включая внедрение процедур должной осмотрительности, мониторинг корпоративного воздействия на окружающую среду и разработку эффективных механизмов правовой защиты детей. Автор обосновывает необходимость международного юридического закрепления ответственности корпораций за нарушение экологических прав детей.

Ключевые слова: экологические права детей; транснациональные корпорации; изменение климата; корпоративная ответственность; межпоколенческая справедливость; международное право; корпоративная устойчивость; должная осмотрительность; права человека; окружающая среда.

Для цитирования: Моисеев К. В. Ответственность транснациональных корпораций за нарушения экологических прав детей // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. № 9. — С. 120–133. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.120-133.

Liability of Transnational Corporations for Violations of Children's Environmental Rights

Konstantin V. Moiseev, Postgraduate Student, Department of International Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation
k.moiseev98@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the liability of transnational corporations for violations of children's environmental rights in the context of international law. It examines the key elements of the mechanism for protecting children's environmental rights from the negative impact of corporations, including the Convention on the Rights of the Child, the General Comments on the rights of the child by the Committee on the Rights of the Child, and the UN Guiding

© Моисеев К. В., 2025

* *Моисеев Константин Викторович*, аспирант кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620137
k.moiseev98@gmail.com

Principles on Business and Human Rights. The author analyzes the threats posed by corporate activities, including pollution and climate change, which have long-term impacts on the health and well-being of children. Special attention is given to the concept of intergenerational justice and judicial practice related to corporate liability in the field of climate change and environmental protection. The author proposes measures to strengthen corporate responsibility, including the introduction of due diligence procedures, monitoring of corporate environmental impacts and the development of effective legal protection mechanisms for children. The author substantiates the need for international legal recognition of corporate responsibility for violating children's environmental rights.

Keywords: children's environmental rights; transnational corporations; climate change; corporate responsibility; intergenerational justice; international law; corporate sustainability; due diligence; human rights; environment.

Cite as: Moiseev KV. Liability of Transnational Corporations for Violations of Children's Environmental Rights. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):120-133. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.120-133.

Введение

Среди всех уязвимых групп, сталкивающихся с экологическими последствиями промышленной деятельности транснациональных корпораций (ТНК)¹, отдельного внимания заслуживают дети — не только как жертвы текущих нарушений, но и как носители прав, от реализации которых зависит будущее человечества. Учитывая их физиологическую чувствительность к токсичным воздействиям и ограниченные возможности самостоятельной защиты своих прав, дети представляют особую группу риска, требующую специализированных мер по защите экологических прав. Вызовы, связанные с изменением климата, деградацией экосистем и нарушением прав уязвимых групп, требуют не только осознания проблемы, но и разработки действенных механизмов ее решения.

Транснациональные корпорации, играя ключевую роль в глобальной экономике, одновременно становятся источником угроз для экологических прав человека, как в связи с изменением климата, так и в отрыве от него². Ответственность

ТНК РФ за нарушения в сфере экологических прав человека представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных проблем современного международного права. Невозможно отрицать то, что дети являются одной из самых уязвимых групп, которые страдают от последствий изменения климата, загрязнения окружающей среды и других экологических проблем и экологические права которых нарушаются бизнесом на регулярной основе³. Уязвимость детей имеет двойную природу: с одной стороны, физиологические особенности развития делают их крайне чувствительными к токсичным воздействиям: загрязненный воздух, вода и почва провоцируют необратимые нарушения здоровья — от когнитивных расстройств до хронических заболеваний; с другой — дети лишены самостоятельного доступа к правовым инструментам защиты, оставаясь зависимыми от решений взрослых, которые не всегда учитывают их интересы. Эта беспомощность усугубляется в регионах со слабым государственным управлением, где ТНК РФ часто действуют безнаказанно, эксплуатируя природные ресурсы в ущерб местным сообществам.

¹ ТНК — это субъекты экономической деятельности, действующие в двух и более странах, независимо от того, в какой юридической форме они выступают, в какой стране находятся, а также в каком качестве осуществляют свою деятельность. См.: Нормы, касающиеся ответственности транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901925098> (дата обращения: 01.02.2025).

² Riddell A. Human rights responsibility of private corporations for climate change? The State as a catalyst for compliance // *Climate Change and Human Rights* / O. Quirico, M. Boumghar (eds). Routledge, 2015. P. 53.

³ The Climate Crisis is a Child Rights Crisis: Introducing the Children's Climate Risk Index. New York : United Nations Children's Fund (UNICEF), 2021.

Основы защиты прав детей

Особая необходимость защиты детей была признана на универсальном уровне системы защиты прав человека в 1948 г. во Всеобщей декларации прав человека, единогласно принятой Генеральной Ассамблеей ООН⁴. В 1959 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию прав ребенка⁵. Десять принципов, содержащихся в ней, были расширены и развиты в Конвенции о правах ребенка (КПР), которая была заключена в 1989 г.⁶ Четыре основополагающих принципа были определены Комитетом по правам ребенка на его первой сессии (состоявшейся в 1991 г.) как основные существенные элементы КПР, которыми следует руководствоваться при толковании Конвенции в области прав ребенка: право на недискриминацию (ст. 2), наилучшее обеспечение интересов ребенка (ст. 3), право на жизнь, выживание и развитие (ст. 6) и право ребенка быть услышанным и участвовать в принятии решений, которые его затрагивают (ст. 12)⁷.

Комитет по правам ребенка (далее — Комитет), состоящий из 18 экспертов, проводит пятилетние периодические обзоры соблюдения КПР каждым государством-участником, издает замечания общего порядка по КПР и в целом служит координатором продвижения повестки дня по правам ребенка. Комитет имеет особую важность из-за чрезвычайной уязвимости детей и ограниченных возможностей в отстаивании своих прав⁸.

Ответственность бизнеса по Конвенции

За все время существования Комитет принял множество замечаний общего порядка, которыми истолковал Конвенцию в том или ином свете, но для темы ответственности бизнеса за нарушения экологических прав детей установочными являются 2 замечания, первое из которых — *Замечание общего порядка № 16 (2013)* об обязательствах государств, касающихся воздействия предпринимательской деятельности на права детей⁹. В центре внимания документа — взаимодействие государств и бизнеса для обеспечения, защиты и уважения прав детей.

Усиление роли бизнеса в экономике увеличило его потенциал для положительного воздействия, например через инвестиции и технологические инновации, однако привело также к значительным угрозам для прав детей, среди таких угроз загрязнение окружающей среды является одной из основных. Бизнес не должен оставаться в стороне: в п. 8 Комитет прямо заявляет, что все предприятия должны выполнять свои обязанности в отношении прав детей. Закрепление данного положения, даже в рамках толкования Конвенции, на мой взгляд, является важным элементом установления содержания ответственности бизнеса в сфере прав детей и ее практической реализации.

Обращается внимание на особенную уязвимость детей, связанную с их зависимостью от взрослых, недостатком информации и ограниченным доступом к правосудию, а также их уязвимость перед вредным воздействием окру-

⁴ Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948, ст. 25 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.02.2025).

⁵ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 01.02.2025).

⁶ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.02.2025).

⁷ Lundy L., Byrne B. The four general principles of the United Nations Convention on the Rights of the Child: the potential value of the approach in other areas of human rights law // *Children's Rights Law in the Global Human Rights Landscape. Isolation, inspiration, integration?* / ed. by E. Brems, El. Desmet, W. Vandenhoele. London : Routledge, 2017. С. 52.

⁸ Колосова С. Ю. Реализация принципа справедливости при защите социально уязвимых категорий населения в международном праве (на примере Конвенции о правах ребенка) // *Московский журнал международного права*. 2000. № 1. С. 126.

⁹ Комитет по правам ребенка. Замечание общего порядка № 16 (2013) об обязательствах государств, касающихся воздействия предпринимательской деятельности на права детей. 17 апреля 2013 г.

жающей среды (п. 4(а)), что корреспондирует основным экологическим правам человека. Эти особенности требуют отдельного подхода к разработке руководств, мониторингу и правоприменению.

Выделяются контексты, в которых воздействие бизнеса на права детей наиболее ощутимо. Это касается предоставления основных услуг, таких как здравоохранение, образование и водоснабжение, а также глобальной предпринимательской деятельности, где речь идет именно про деятельность ТНК.

Особая уязвимость детей требует деликатного подхода к вопросам возмещения ущерба их правам. Комитет указывает, что при установлении размера или способа компенсации необходимо учитывать, что дети по сравнению со взрослыми могут быть более чувствительны к нарушениям их прав. Такие нарушения могут иметь необратимые последствия и привести к ущербу на всю жизнь. При этом следует помнить о важности своевременного возмещения вреда для уменьшения текущих и будущих последствий для детей. Например, если дети стали жертвами экологического загрязнения, все ответственные стороны обязаны оперативно принять меры для предотвращения дальнейшего вреда их здоровью и развитию, а также компенсировать уже нанесенный ущерб.

Реализация прав детей в условиях глобального бизнеса требует тесного международного сотрудничества, при этом принимающие государства обязаны регулировать деятельность всех предприятий на своей территории, а государства происхождения должны контролировать внешние операции компаний, если существует разумная связь с их юрисдикцией¹⁰.

Замечание общего порядка № 16 (2013), хотя и не является источником права, имеет большое значение и функционирует как авторитетный

источник толкования международного права. Оно основано на опыте договорных органов и консультациях с заинтересованными сторонами. Замечания общего порядка считаются важными юридическими инструментами, которые помогают укреплять стандарты и расширять границы права, предоставляя государствам ценные указания относительно их обязательств и способов их выполнения¹¹.

Вопросы, касающиеся ответственности бизнеса, находят свое отражение и в заключительных замечаниях, принимаемых Комитетом по итогам рассмотрения периодических докладов государств. В частности, в Заключительных замечаниях по объединенным шестому и седьмому периодическим докладам Российской Федерации Комитет рекомендовал создать четкую нормативную базу и установить юридическую ответственность для предприятий, прежде всего предприятий нефтегазового и угледобывающего секторов, для того чтобы их деятельность не оказывала негативного воздействия на права человека и не противоречила нормам в области охраны окружающей среды, а также обязать компании проводить оценку воздействия их деятельности на окружающую среду и права детей¹².

Важным шагом для защиты экологических прав детей стало принятие Комитетом *Замечания общего порядка № 26 (2023)* о правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата¹³. В нем Комитет отметил, что предпринимательская деятельность является одним из источников значительного ущерба окружающей среде, способствующего нарушению прав детей (п. 79), а предприятия обязаны соблюдать права детей, имеющие отношение к экологическим вопросам (п. 78).

Загрязнение воздуха, почвы и воды, повышение кислотности океанов и разрушение эко-

¹⁰ Замечание общего порядка № 16 (2013), гл. V, § C.

¹¹ Gerber P., Kyriakakis J., O'Byrne K. General comment 16 on state obligations regarding the impact of the business sector on children's rights: what is its standing, meaning and effect // Melb. J. Int'l L. 2013. Т. 14. Р. 35–36.

¹² Комитет по правам ребенка. Заключительные замечания по объединенным шестому и седьмому периодическим докладам Российской Федерации, 1 марта 2024 г., п. 16.

¹³ Комитет по правам ребенка. Замечание общего порядка № 26 (2023) о правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата, 26 августа 2023 г.

систем оказывают негативное воздействие на физическое и психическое здоровье, развитие и благосостояние детей. Документ обосновывает применение к вопросам охраны окружающей среды подхода, основанного на правах детей. Такой подход подразумевает интеграцию всех прав ребенка, гарантированных Конвенцией о правах ребенка, с учетом влияния экологических факторов. Признается, что право на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду является как самостоятельным правом, так и ключевым условием для реализации других прав (п. 63).

Одним из центральных положений документа является требование к государствам разработать законодательные и административные механизмы, обеспечивающие защиту прав детей в экологическом контексте, в том числе от воздействия предпринимательской деятельности. Государства должны оценивать экологические риски и проводить исследования, чтобы понимать, как их решения влияют на детей, а бизнес должен проводить процедуру должной осмотрительности в отношении прав детей в целях выявления, предотвращения, смягчения и учета их воздействия на окружающую среду и права детей, как указано в п. 80. Ответственность бизнеса включает не только смягчение текущих рисков, но и инвестиции в инновации, гарантирующие право детей на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду в условиях климатической нестабильности¹⁴. Данные требования подтверждают необходимость проведения проактивной политики со стороны бизнеса в целях учета в своей деятельности двойной природы уязвимости детей: решения, принимаемые здесь и сейчас, будут напрямую влиять как на экологические права детей настоящего во взрослом возрасте, так и

на права детей из будущих поколений, а также на окружающую их среду.

В развитие данного Замечания комитетом было принято Решение № 19, которым был создан новый блок вопросов, озаглавленный «Права детей и окружающая среда» для использования в диалоге с государствами-участниками и в заключительных замечаниях Комитета. Он был применен уже в заключительных замечаниях, принятых в ходе 95-й сессии работы Комитета. Российской Федерации Комитет рекомендовал разработать национальный план с целью мониторинга воздействия окружающей среды на здоровье детей, обеспечить учет особых уязвимостей, потребностей и мнений детей при разработке мер политики и программ по решению проблем, связанных с изменением климата¹⁵.

Помимо усилий ООН, направленных на признание и защиту прав детей с помощью специальных документов, следует отметить, что дети имеют тот же спектр прав человека, что и взрослые — как «каждый человек», например, на те, которые содержатся во всех международных договорах по правам человека¹⁶. Данная позиция подтверждается уже во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая не устанавливает различия в правах по возрасту человека¹⁷. В данном случае необходимо исходить из принципа обеспечения наилучших интересов ребенка и при применении данных договоров и КПР толковать их комплексно, преследуя цель использования более высоких стандартов.

Комитетом по правам ребенка отмечено, что весь спектр прав детей, перечисленных в КПР и связанных с ней документах, потенциально может быть затронут (как положительно, так и отрицательно) деятельностью бизнеса. От исследований и разработок до маркетинга и

¹⁴ Замечание общего порядка № 26, гл. IV, параграф С.

¹⁵ Заключительные замечания по объединенным шестому и седьмому периодическим докладом Российской Федерации, п. 38.

¹⁶ *Sanz-Caballero S.* Children's rights in a changing climate: a perspective from the United Nations Convention on the Rights of the Child // *Ethics in science and environmental politics*. 2013. Т. 13. № 1. С. 2.

¹⁷ *Никонов К.* Современные теоретические аспекты института международно-правовой защиты и поощрения прав ребенка // *Московский журнал международного права*. 2009. № 1. С. 85.

рекламы, от практики подбора персонала до внутренних процессов принятия корпоративных решений, выбор и процессы поиска поставщиков и производства продукции предприятия, не говоря уже о «внешних эффектах» бизнеса, — всё это может повлиять на права детей¹⁸.

Изменение климата, загрязнение окружающей среды и права детей

Изменение климата оказывает глубокое воздействие на экологические права детей, в первую очередь — на право на благоприятную окружающую среду, на право детей на здоровье, жизнь, питание, воду, жильё и на целый ряд других прав¹⁹. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) опубликовало доклад, в котором подробно рассматривается «взаимосвязь между изменением климата и полным и эффективным осуществлением прав ребенка» и говорится, что дети «несоразмерно страдают от изменений в окружающей среде»²⁰. В документе подчеркивается, что предприятия, наряду с государствами, несут ответственность за предотвращение ущерба, связанного с их деятельностью, особенно если ущерб нанесен детям. В частности, упоминаются Руководящие принципы ООН по предпринимательской деятельности и правам человека²¹, которые обязывают компании уважать права человека и

принимать меры предосторожности, чтобы не нарушать их.

Различные виды предпринимательской деятельности, такие как сжигание ископаемого топлива в промышленном производстве, способствовали антропогенному изменению климата. В то же время именно предпринимательская деятельность, например переход на возобновляемые источники энергии, лежит в основе коллективных мер человечества по смягчению наихудших последствий изменения климата. Комитет по правам ребенка и СПЧ отметили эту взаимосвязь в контексте того, что частный сектор несет «ответственность за соблюдение прав человека и непричинение вреда»²².

Изменение климата оказывает влияние как на физическое, так и на психическое здоровье детей: оно (изменение климата) может создавать дополнительный существенный источник стресса, усугубляя симптомы у тех, кто уже страдает психическими заболеваниями, или добавлять новые аспекты к их психопатологии (например, добавлять «экологическую тревогу» к уже существующему тревожному расстройству) или и то и другое²³.

ТНК, в особенности энергетические компании, имеют прямое влияние на изменение климата путем выбросов парниковых газов, в частности от использования ископаемого топлива. Сжигание угля, природного газа и нефти является одним из основных источников загряз-

¹⁸ Kolieb J. Protecting the most vulnerable: embedding children's rights in the business and human rights project // Research handbook on human rights and business / Deva S., Birchall D. (eds). Edward Elgar Publishing, 2020. P. 358.

¹⁹ Arts K. Children's Rights and Climate Change // Children's Rights and Sustainable Development: Interpreting the UNCRC for Future Generations / C. Fenton-Lynn (ed.). Cambridge University Press, 2019. P. 218–219.

²⁰ Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека «Аналитическое исследование о связи между изменением климата и полным и эффективным осуществлением прав ребенка», 4 мая 2017, A/HRC/35/13.

²¹ Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций в отношении защиты, соблюдения и средств правовой защиты. Нью-Йорк; Женева, 2011.

²² Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека «Аналитическое исследование о связи между изменением климата и полным и эффективным осуществлением прав ребенка», 4 мая 2017, A/HRC/35/13.

²³ Vergunst F., Berry H. L. Climate change and children's mental health: a developmental perspective // Clinical Psychological Science. 2022. Т. 10. № 4. P. 771.

нения окружающей среды (воздуха) и одной из основных угроз для осуществления права на благоприятную окружающую среду для детей. Это приводит к множеству проблем с детским здоровьем: от развития аллергий и астмы до заболеваний, связанных с жарой²⁴. Всемирная организация здравоохранения отмечает, что «каждый год около трех миллионов детей в возрасте до пяти лет умирают из-за болезней, связанных с окружающей средой»²⁵. ЮНИСЕФ заявляет, что «нет более серьезной угрозы для детей и будущих поколений, чем изменение климата»²⁶. Уязвимость детей перед изменением климата не имеет аналогов в истории по своему масштабу — каждый ребенок негативно затрагивается данными процессами, что влечет за собой долгосрочные последствия для его будущего.

Частный аспект проблемы, связанной с влиянием ТНК на окружающую среду и экологические права детей, можно рассмотреть на примере деятельности химических корпораций, в том числе занимающихся переработкой нефти в пластмассы. За последние 70 лет производство синтетических химикатов и пластмасс увеличилось в 50 раз и продолжает расти, что совпадает с увеличением числа заболеваний у детей, таких как рак, врожденные дефекты и нарушения развития нервной системы, а также с загрязнением окружающей среды пластиковыми отходами и опасными химическими веществами. Исследователи критикуют существующие законы: Закон о контроле за токсичными веществами в США и законодательство о регулировании токсичных веществ в ЕС — за их неэффективность в регули-

ровании использования химикатов и призывают к глобальному пересмотру подходов к тестированию и регулированию химических веществ²⁷. Они предлагают ввести обязательное тестирование химикатов перед их выпуском на рынок, требуя от производителей доказательств безопасности, а также последующий мониторинг для выявления долгосрочных последствий для здоровья.

Кроме того, ведущие специалисты в области общественного здравоохранения рекомендуют разработать глобальный договор под эгидой ООН, который обеспечит более строгий контроль за производством и использованием синтетических химикатов с целью защиты здоровья детей и будущих поколений²⁸.

Межпоколенческая справедливость

Справедливость в отношениях между поколениями является основополагающим принципом международного экологического права и, в частности, режима ООН по борьбе с изменением климата²⁹. Тем не менее Комитет по правам ребенка подчеркивает невнимание к правам детей в национальной и международной климатической политике, а также то, что изменение климата часто не учитывается в политике, связанной с правами ребенка³⁰.

Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) определяет, что справедливость заключается в установлении моральных или правовых принципов честности и равенства в обращении с людьми, часто основан-

²⁴ Perera F., Nadeau K. Climate change, fossil-fuel pollution, and children's health // *New England Journal of Medicine*. 2022. Т. 386. № 24. Р. 2303–2306.

²⁵ WHO, *Global Plan of Action for Children's Health and the Environment (2010–2015)*.

²⁶ UNICEF et al. *Unless we act now: The impact of climate change on children*. 2015.

²⁷ Consortium for Children's Environmental Health. *Manufactured Chemicals and Children's Health-The Need for New Law* // *New England Journal of Medicine*. 2025. См. также: Child Rights International Network, *Protecting children from harmful chemicals in the EU* // URL: <https://home.crin.org/eu-toxics> (дата обращения: 01.02.2025).

²⁸ Health experts rally for «call to arms» to protect children from toxic chemicals // URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/jan/08/health-experts-childrens-health-chemicals-paper> (дата обращения: 01.02.2025).

²⁹ Доклад Генерального секретаря «Солидарность между поколениями и потребности будущих поколений», 15 августа 2013, А/68/322.

³⁰ Замечание общего порядка № 26 (2023).

ных на этике и ценностях общества. По мнению МГЭИК, на момент Шестого оценочного доклада справедливость делится на климатическую, которая связывает развитие и права человека для достижения ориентированного на человека подхода к решению проблемы изменения климата, и социальную справедливость, заключающуюся в установлении честных отношений в обществе, направленных на распределение богатства, доступа к ресурсам, возможностей и поддержки³¹.

Межпоколенческая справедливость поднимает вопросы о справедливом распределении экологических и социальных благ, обязанностей и рисков между нынешним и будущими поколениями. Она основывается на идее, что современное общество несет этическую и правовую ответственность за принятие решений, которые учитывают интересы будущих поколений и обеспечивают им возможность удовлетворять свои основные потребности и права³².

Данная концепция предполагает, что у текущих поколений есть моральное обязательство защищать интересы тех, кто не может участвовать в сегодняшних решениях, но будет зависеть от их последствий. Суть межпоколенческой справедливости заключается в необходимости сохранения окружающей среды, чтобы будущие поколения имели доступ к тем же природным ресурсам, что и нынешние. Это также подразумевает, что сегодняшние поколения должны нести ответственность за устранение последствий загрязнения окружающей среды и предотвращение катастрофических последствий изменения климата.

Бизнес играет ключевую роль в реализации принципов межпоколенческой справедливо-

сти в контексте изменения климата, так как его деятельность значительно влияет на окружающую среду, общество и экономику. Своими решениями компании могут либо усиливать климатические риски для будущих поколений, либо способствовать их минимизации. Их связь с этой концепцией проявляется через несколько основных направлений.

Во-первых, бизнес влияет на устойчивое использование природных ресурсов, которые важны для будущих поколений. Компании, практикующие экологически устойчивое управление ресурсами, снижают вероятность истощения этих ресурсов, что особенно важно для обеспечения права на доступ к питьевой воде, защите плодородной почвы и биоразнообразия, которые составляют важную часть права на благоприятную окружающую среду и которым наносится ущерб в результате изменения климата³³.

Во-вторых, бизнес способен вносить вклад в межпоколенческую справедливость через инновации. Многие компании уже инвестируют в исследования и разработки, создавая технологии и продукты, которые помогают бороться с изменением климата или адаптироваться к его последствиям³⁴.

Наилучшей практикой для корпораций является использование процедуры должной осмотрительности в отношении прав человека для выявления, устранения и предотвращения нарушения прав человека будущих поколений, а также раскрытие информации, предотвращение ущерба, снижение рисков и устранение негативных последствий своих действий в данной сфере³⁵.

³¹ IPCC, 2023: Annex I: Glossary [A. Reisinger, D. Cammarano, A. Fischlin, et al. (eds)] // *Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* [Core Writing Team, H. Lee and J. Romero (eds.)]. IPCC, Geneva, Switzerland. P. 119–130.

³² Meyer L. Intergenerational Justice // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / E. N. Zalta (ed.). Summer 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/justice-intergenerational/> (дата обращения: 01.02.2025).

³³ Gibbons E. D. Climate change, children's rights, and the pursuit of intergenerational climate justice // *Health & Hum. Rts. J.* 2014. Т. 16. С. 20.

³⁴ Richardson B. J., Sjøfjell B. Business and Industry // *The Oxford handbook of international environmental law* / L. Rajamani, J. Peel (eds). Oxford University Press, 2021. P. 718.

³⁵ The Maastricht Principles on the Human Rights of Future Generations // URL: <https://www.rightsoffuturegenerations.org/the-principles/english> (дата обращения: 01.02.2025).

Бизнес также играет роль в формировании социальной и экономической устойчивости, которая важна для будущих поколений. Компании, действующие ответственно, могут создавать рабочие места, обеспечивать справедливую оплату труда и вносить вклад в развитие местных сообществ. В то же время они могут усилить неравенство или ухудшить условия жизни, если действуют исключительно в интересах краткосрочной прибыли. Как отметил Генеральный секретарь ООН, стремление нынешнего поколения к благосостоянию не должно приводить к сокращению возможностей будущих поколений обеспечить себе достойную жизнь³⁶.

Процессуальные аспекты ответственности бизнеса

Концепция корпоративной ответственности заключается в предположении, что частные компании должны не только действовать в интересах своих акционеров, но и учитывать потребности общества, в котором они функционируют. Эта идея нашла свое отражение в международном «мягком» праве, документах, которые не имеют юридической силы, но составляют основу тех стандартов, соблюдение которых ожидается от ТНК.

Специальный представитель Генерального секретаря ООН по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях определил корпоративную ответственность как «юридические, социальные или моральные обязательства, налагаемые на компании»³⁷.

В 1976 г. произошло принятие первого из двух самых важных документов в сфере прав

человека и бизнеса — *Руководящих принципов ОЭСР для многонациональных предприятий*³⁸. Этот не имеющий юридической силы акт продемонстрировал возможность регулирования деятельности транснациональных корпораций через добровольные нормы, что позволяло государствам избегать жестких национальных мер, способных отпугнуть инвестиции.

Во введении к главе IV Принципов ОЭСР, посвященной правам человека, отмечается, что государства обязаны защищать права человека, но компании должны уважать международно признанные права человека с учетом международных обязательств и законодательства стран, в которых они работают. Проведению процедуры должной осмотрительности в области прав человека посвящено отдельное положение, а уважение прав человека ожидается от любых компаний и в любых ситуациях. В случае если нарушение прав все-таки произошло и об этом компании стало известно в ходе проведения процедуры должной осмотрительности, она должна предпринять надлежащие меры по восстановлению положения.

В 2011 г. в рамках ООН были приняты *Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН*³⁹ (далее — Принципы). В документе выделено две части, касающиеся корпоративной ответственности за соблюдение прав человека: «Базовые принципы» (принципы 11–15) и «Принципы деятельности» (принципы 16–26). «Соблюдение» определено в Принципе 11 как «избегание нарушения прав человека других и устранение неблагоприятных последствий для прав человека оказанного ими воздействия». Из этого положения очевидно, что бизнес дол-

³⁶ Солидарность между поколениями и потребности будущих поколений. Доклад Генерального секретаря, 15 августа 2013, A/68/322.

³⁷ Доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях Джона Рагги «Бизнес и права человека: абрис международных стандартов ответственности и отчетности в отношении корпоративных актов», 19 февраля 2007, A/HRC/4/35.

³⁸ OECD Guidelines for Multinational Enterprises on Responsible Business Conduct. Paris, 2023.

³⁹ Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций в отношении защиты, соблюдения и средств правовой защиты. HR/PUB/11/04. 2011.

жен избегать нарушения экологических прав детей.

Как следует из Принципа 13, предприятия обязаны не только избегать оказания или содействия оказанию неблагоприятного воздействия на права человека (пункт «а»), но и предпринимать активные меры для предотвращения или смягчения таких воздействий, возникающих в связи с их деятельностью, продуктами или услугами (пункт «б»). В контексте экологических прав детей это означает, что ТНК должны проводить комплексную оценку рисков, связанных с загрязнением окружающей среды, и разрабатывать превентивные стратегии для защиты благополучия детей. Предприятия несут ответственность за предотвращение неблагоприятного воздействия на экологические права детей даже в случаях, когда они непосредственно не способствовали этому воздействию. Для эффективной защиты экологических прав детей ТНК должны не только воздерживаться от действий, наносящих вред, но и внедрять превентивные меры, направленные на смягчение потенциальных негативных последствий их деятельности. Такие меры, как проведение процедуры должной осмотрительности, регулярный мониторинг экологических условий, информирование местного населения и оперативное реагирование на выявленные нарушения, являются необходимым минимумом для соблюдения международных стандартов экологических прав детей.

Принципы включают в себя множество механизмов ответственности, от законодательного регулирования до саморегулирования корпораций. Эти механизмы продолжают развиваться, отражая эволюционный характер ответственности бизнеса в сфере прав человека, что позво-

ляет оперативно реагировать на возникающие угрозы.

Комитет ООН по правам ребенка четко заявил: «Для того, чтобы права имели смысл, должны быть доступны эффективные средства правовой защиты для устранения нарушений»⁴⁰, — и подчеркнул важность национальных правозащитных учреждений в оказании помощи детям в предоставлении адекватных и разнообразных механизмов подачи жалоб и доступа к средствам правовой защиты⁴¹. Франсес Шеан отмечает, что у детей «очень ограниченные возможности получить средства правовой защиты в случае корпоративных нарушений их прав, а те возможности, которые имеются, часто оказываются иллюзорными в реальности»⁴². Одним из самых больших препятствий является малое количество государств, ратифицировавших третий факультативный протокол к КПР, предусматривающий создание механизма подачи индивидуальных жалоб. Когда речь идет об обеспечении адекватного доступа к средствам правовой защиты для детей, их статус и зрелость порождают особые проблемы и трудности, о которых должны знать предприятия, а также заинтересованные государства и организации гражданского общества, среди таких трудностей — страх или непонимание своих возможностей по доступу к средствам правовой защиты. Доступные средства правовой защиты должны учитывать особую уязвимость детей⁴³. Дети более восприимчивы к загрязнению окружающей среды, чем взрослые, а отказ в адекватном медицинском обслуживании и питании в детстве может иметь долгосрочные последствия для развития⁴⁴. Хотя обеспечение того, чтобы средства правовой защиты от корпоративных нарушений прав человека отвечали потребностям детей и были

⁴⁰ Комитет по правам ребенка. Замечание общего порядка № 5 «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка», 27 ноября 2003 г.

⁴¹ Комитет по правам ребенка. Замечание общего порядка № 2 «Роль независимых национальных правозащитных учреждений в деле поощрения и защиты прав ребенка», 15 ноября 2002 г.

⁴² Sheahan F. Effective Remedy and Corporate Violations of Children's Rights. Report / UNICEF. October 2011.

⁴³ Комитет по правам ребенка. Замечание общего порядка № 15 о праве ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения (ст. 24), 17 апреля 2013 г.

⁴⁴ World Health Organisation. Children's Environmental Health // URL: <https://www.who.int/health-topics/children-environmental-health> (дата обращения: 01.02.2025).

доступны, является обязанностью государств, признается, что доступ к внесудебным формам возмещения ущерба является жизненно важным аспектом защиты прав человека. В этой связи компании должны обеспечить, чтобы создаваемые ими механизмы рассмотрения жалоб и претензий учитывали интересы детей, чтобы об их доступности эффективно сообщалось детям, и чтобы любые действия по исправлению ситуации, в которых они участвуют (будь то судебные или внесудебные), учитывали особые потребности пострадавших детей⁴⁵.

Таким образом, говоря об ответственности ТНК в сфере экологических прав детей, можно выделить несколько основных положений, определяющих эту ответственность. Бизнес должен соблюдать данные права, что складывается из двух компонентов:

- а) избегание нарушения;
- б) устранение неблагоприятного воздействия, которое сопряжено с принятием надлежащих мер для его предотвращения, смягчения и возмещения ущерба.

В своей деятельности компании должны исходить из общепризнанных норм и принципов, таких как положения Всеобщей декларации прав человека, Международных пактов о правах человека, Конвенции о правах ребенка, а также таких документов «мягкого» права, как руководящие принципы ОЭСР и руководящие принципы ООН, которые задают базовые рамки того, как экологические права детей должны уважаться в процессе ведения бизнеса. Проведение процедур должной осмотрительности и предоставление корпоративных средств и механизмов для восстановления нарушенных прав — два основных процессуальных столпа, на которых должно строиться обеспечение прав человека в рамках ТНК.

Одним из самых ярких примеров дел, связанных с защитой прав детей от изменения климата

в связи с предпринимательской деятельностью, является дело *Juliana v. United States*⁴⁶. Группа молодых активистов подала иск против правительства США, утверждая, что его действия (или бездействие) в отношении изменения климата нарушают их конституционные права на жизнь и здоровье. Свои требования они мотивировали тем, что США поощряют и поддерживают разработку ископаемых видов топлива, несмотря на то, что правительство осознает, что производство и потребление ископаемого топлива является основной причиной изменения климата, и несмотря на то, что правительство признает серьезные риски, которые изменение климата представляет для планеты и ее жителей⁴⁷.

Первая инстанция в Орегоне признала право истцов на судебное разбирательство. Суд постановил, что право на стабильный климат может быть рассмотрено как часть фундаментального права на жизнь: «Право на климатическую систему, способную поддерживать человеческую жизнь, является фундаментальным для свободного и упорядоченного общества». Позже апелляционный суд по 9-му округу вынес решение в пользу правительства, отклонив иск. Суд постановил, что вопрос изменения климата и регулирования выбросов требует вмешательства законодательной и исполнительной ветвей власти, а не суда.

Интересным примером другого подхода к защите экологических прав детей является иск, поданный группой молодых активистов против крупнейших энергетических компаний Японии⁴⁸. В данном деле группа из 16 истцов, включая детей в возрасте от 14 лет, подала гражданский иск против 10 крупнейших энергетических компаний Японии с требованием снизить выбросы углекислого газа до объемов, соответствующих международным обязательствам. Истцы обосновывали свои требования необходимостью ограничения глобального потепления до 1,5 °С,

⁴⁵ Замечание общего порядка № 16 (2013).

⁴⁶ *Juliana v. United States* // URL: <https://climatecasechart.com/case/juliana-v-united-states/> (дата обращения: 01.02.2025).

⁴⁷ *Powers M. Juliana v. United States: the next frontier in US climate mitigation? // Review of European, Comparative & International Environmental Law. 2018. Т. 27. № 2. Р. 201.*

⁴⁸ *Youth Climate Case Japan* // URL: <https://youth4cj.jp/en/> (дата обращения: 01.02.2025).

ссылаясь на выводы МГЭИК, согласно которым превышение данного порога может привести к катастрофическим последствиям для жизни, здоровья и благосостояния населения, при этом отмечая, что в 2019 г. энергетический сектор Японии отвечал за около 40 % всех выбросов CO₂ в стране.

В иске заявляется, что сокращение выбросов углекислого газа требует более решительных мер, чем те, что предусмотрены текущими планами компаний — недостаточными и нереалистичными, по мнению истцов. Иск основывается на нормах японского Гражданского кодекса (в частности, на статье 709, устанавливающей ответственность за причинение ущерба вследствие правонарушений — стандарт должной осмотрительности). Как указывают истцы, в данный стандарт входят обязательства, предусмотренные Руководящими принципами предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН, Руководящими принципами ОЭСР для многонациональных предприятий и Глобальным договором Организации Объединенных Наций. Для Японии, страны с малым количеством судебных разбирательств вообще, данное дело стало первым примером иска, направленного на то, чтобы юридически обязать энергетические компании принимать необходимые меры по снижению выбросов, соответствующие современным научным данным и международным нормам, с целью защиты прав будущих поколений⁴⁹.

Эти примеры показывают различные подходы, которые молодежь по всему миру использует для защиты своих экологических прав в рамках судебных разбирательств против корпораций. В академической среде еще несколько лет назад шла бурная дискуссия о судебном активизме и его последствиях⁵⁰. Практика последних лет показывает, что суды с осторожностью подходят к регулированию выбросов корпораций и стремятся переложить ответственность за

решение данного вопроса в первую очередь на законодательную власть. Для мотивации своих требований истцам, кажется, более недостаточно ссылаться исключительно на нарушение конституционных экологических прав; использование таких методов, как подача гражданских исков в рамках деликтного права имеет свои преимущества, но тоже не гарантирует достижение целей. Поиски «рецепта успеха» приводят к мысли о том, что необходимо юридически обязательное закрепление ответственности предприятий за нарушение экологических прав человека на международном уровне, которое уже можно будет трактовать в контексте изменения климата и защиты прав детей и будущих поколений.

Заключение

Экологические нарушения, вызванные деятельностью транснациональных корпораций, оказывают долгосрочное влияние на экологические права детей. Дети особенно уязвимы перед загрязнением воздуха, воды и почвы из-за их физиологических особенностей. Дети остаются заложниками не только токсичного воздействия на их здоровье, но и системной правовой беспомощности. Их зависимость от решений взрослых, которые часто ставят прибыль выше экологической безопасности, превращает нарушения их экологических прав со стороны ТНК в хроническую проблему глобального масштаба.

Изменение климата и ухудшение состояния окружающей среды лишает детей будущего. Это прямо противоречит принципу межпоколенческой справедливости, согласно которому текущие поколения несут ответственность за сохранение среды для будущих.

Международные инструменты, такие как Конвенция о правах ребенка и Руководящие принципы ООН по правам человека и предпри-

⁴⁹ Guest Blog: First Youth Climate Lawsuit brought in Japan // Sabin Center for Climate Change Law. URL: <https://blogs.law.columbia.edu/climatechange/2024/08/15/guest-blog-first-youth-climate-lawsuit-brought-in-japan/> (дата обращения: 01.02.2025).

⁵⁰ *Burgers L. Should judges make climate change law?* // *Transnational Environmental Law*. 2020. Т. 9. № 1. P. 56–58.

нимательской деятельности, создают основу для защиты прав детей, обязывая ТНК обеспечивать, защищать и уважать экологические права детей в частности и права детей в целом. Однако они требуют усиления через обязательные меры, включая мониторинг корпоративной деятельности и проведение экологической оценки с учетом интересов детей. Образовательные инициативы и корпоративные программы социальной ответственности также могут играть важную роль в повышении осведомленности и снижении уязвимости детей перед экологическими угрозами.

Эти инструменты должны быть трансформированы в обязательные стандарты, требующие от ТНК, например, проведения процедур должной осмотрительности с акцентом на экологические риски, создания фондов компенсаций для пострадавших детей, а также интеграции детских голосов в корпоративные стратегии через консультативные советы. Дети — не пассивные жертвы, а носители прав, от которых зависит устойчивость человечества. Поэтому защита их экологических прав — это не только юридический императив, но и этический долг бизнеса и государств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Колосова С. Ю. Реализация принципа справедливости при защите социально уязвимых категорий населения в международном праве (на примере Конвенции о правах ребенка) // Московский журнал международного права. — 2000. — № 1. — С. 115–127.
2. Никонов К. Современные теоретические аспекты института международно-правовой защиты и поощрения прав ребенка // Московский журнал международного права. — 2009. — № 1. — С. 83–103.
3. Burgers L. Should judges make climate change law? // *Transnational Environmental Law*. — 2020. — Т. 9. — № 1. — P. 55–75.
4. Arts K. Children's Rights and Climate Change // *Children's Rights and Sustainable Development: Interpreting the UNCRC for Future Generations* / C. Fenton-Lynn (ed.). — Cambridge University Press, 2019. — P. 216–235.
5. Gerber P., Kyriakakis J., O'Byrne K. General comment 16 on state obligations regarding the impact of the business sector on children's rights: what is its standing, meaning and effect // *Melb. J. Int'l L.* — 2013. — Т. 14. — P. 1–36.
6. Gibbons E. D. Climate change, children's rights, and the pursuit of intergenerational climate justice // *Health & Hum. Rts. J.* — 2014. — Т. 16. — P. 19–31.
7. IPCC, 2023: Annex I: Glossary [A. Reisinger, D. Cammarano, A. Fischlin, et al. (eds)] // *Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* [Core Writing Team, H. Lee and J. Romero (eds)]. — IPCC, Geneva, Switzerland. — DOI: 10.59327/IPCC/AR6 9789291691647.002.
8. Kolieb J. Protecting the most vulnerable: embedding children's rights in the business and human rights project // *Research handbook on human rights and business* / S. Deva, D. Birchall (eds). — Edward Elgar Publishing, 2020. — P. 354–378.
9. Lundy L., Byrne B. The four general principles of the United Nations Convention on the Rights of the Child: the potential value of the approach in other areas of human rights law // *Children's Rights Law in the Global Human Rights Landscape. Isolation, inspiration, integration?* / ed. by E. Brems, El. Desmet, W. Vandenhoele. — London : Routledge, 2017. — P. 52–70.
10. Perera F., Nadeau K. Climate change, fossil-fuel pollution, and children's health // *New England Journal of Medicine*. — 2022. — Т. 386. — № 24. — P. 2303–2314.
11. Powers M. Juliana v. United States: the next frontier in US climate mitigation? // *Review of European, Comparative & International Environmental Law*. — 2018. — Т. 27. — № 2. — P. 199–204.
12. Richardson B. J., Sjöfjell B. Business and Industry // *The Oxford handbook of international environmental law* / L. Rajamani, J. Peel (ed.). — Oxford University Press, 2021. — P. 716–733.

13. Riddell A. Human rights responsibility of private corporations for climate change? The State as a catalyst for compliance // *Climate Change and Human Rights* / Ot. Quirico, M. Boumghar (eds). — Routledge, 2015. — P. 53–68.
14. Sanz-Caballero S. Children's rights in a changing climate: a perspective from the United Nations Convention on the Rights of the Child // *Ethics in science and environmental politics*. — 2013. — T. 13. — № 1. — P. 1–14.
15. Vergunst F., Berry H. L. Climate change and children's mental health: a developmental perspective // *Clinical Psychological Science*. — 2022. — T. 10. — № 4. — P. 767–785.

Материал поступил в редакцию 19 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kolosova S. Yu. Realizatsiya printsipa spravedlivosti pri zashchite sotsialno uyazvimykh kategoriy naseleniya v mezhdunarodnom prave (na primere Konventsii o pravakh rebenka) // *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. — 2000. — № 1. — S. 115–127.
2. Nikonov K. Sovremennye teoreticheskie aspekty instituta mezhdunarodno-pravovoy zashchity i pooshchreniya prav rebenka // *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. — 2009. — № 1. — S. 83–103.
3. Burgers L. Should judges make climate change law? // *Transnational Environmental Law*. — 2020. — T. 9. — № 1. — P. 55–75.
4. Arts K. Children's Rights and Climate Change // *Children's Rights and Sustainable Development: Interpreting the UNCRC for Future Generations* / C. Fenton-Lynn (ed.). — Cambridge University Press, 2019. — P. 216–235.
5. Gerber P., Kyriakakis J., O'Byrne K. General comment 16 on state obligations regarding the impact of the business sector on children's rights: what is its standing, meaning and effect // *Melb. J. Int'l L.* — 2013. — T. 14. — P. 1–36.
6. Gibbons E. D. Climate change, children's rights, and the pursuit of intergenerational climate justice // *Health & Hum. Rts. J.* — 2014. — T. 16. — P. 19–31.
7. IPCC, 2023: Annex I: Glossary [A. Reisinger, D. Cammarano, A. Fischlin, et al. (eds)] // *Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [Core Writing Team, H. Lee and J. Romero (eds)]*. — IPCC, Geneva, Switzerland. — DOI: 10.59327/IPCC/AR6.9789291691647.002.
8. Kolieb J. Protecting the most vulnerable: embedding children's rights in the business and human rights project // *Research handbook on human rights and business* / S. Deva, D. Birchall (eds). — Edward Elgar Publishing, 2020. — P. 354–378.
9. Lundy L., Byrne B. The four general principles of the United Nations Convention on the Rights of the Child: the potential value of the approach in other areas of human rights law // *Children's Rights Law in the Global Human Rights Landscape. Isolation, inspiration, integration?* / ed. by E. Brems, El. Desmet, W. Vandenhoele. — London: Routledge, 2017. — P. 52–70.
10. Perera F., Nadeau K. Climate change, fossil-fuel pollution, and children's health // *New England Journal of Medicine*. — 2022. — T. 386. — № 24. — P. 2303–2314.
11. Powers M. Juliana v. United States: the next frontier in US climate mitigation? // *Review of European, Comparative & International Environmental Law*. — 2018. — T. 27. — № 2. — P. 199–204.
12. Richardson B. J., Sjøfjell B. Business and Industry // *The Oxford handbook of international environmental law* / L. Rajamani, J. Peel (ed.). — Oxford University Press, 2021. — P. 716–733.
13. Riddell A. Human rights responsibility of private corporations for climate change? The State as a catalyst for compliance // *Climate Change and Human Rights* / Ot. Quirico, M. Boumghar (eds). — Routledge, 2015. — P. 53–68.
14. Sanz-Caballero S. Children's rights in a changing climate: a perspective from the United Nations Convention on the Rights of the Child // *Ethics in science and environmental politics*. — 2013. — T. 13. — № 1. — P. 1–14.
15. Vergunst F., Berry H. L. Climate change and children's mental health: a developmental perspective // *Clinical Psychological Science*. — 2022. — T. 10. — № 4. — P. 767–785.

Современное правовое регулирование пенсионного обеспечения в рамках ЕАЭС

Аннотация. В ходе исследования проводится анализ Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза от 20.12.2019 (далее — Соглашение ЕАЭС) как основополагающего акта, регламентирующего механизмы пенсионного обеспечения на евразийском пространстве. Авторами определены объект и цель договора, очерчен круг субъектов, на который распространяются его положения, а также раскрыто основное содержание территориально-пропорциональной пенсионной модели, которая легла в основу Соглашения ЕАЭС. Дополнительно выявлена тесная зависимость эффективного претворения в жизнь Соглашения ЕАЭС от норм Соглашения от 13.03.1992 о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения (далее — Соглашение СНГ), посвященных проблематике приобретения соответствующими лицами пенсионных прав. Наряду с этим, было обнаружено, что новаторский подход Соглашения ЕАЭС был по-разному воспринят государствами объединения в части нормы об учете приобретенных постоянно проживающими в иных государствах — членах ЕАЭС российскими гражданами пенсионных прав до прекращения действия для Российской Федерации Соглашения СНГ. Всё перечисленное в комплексе стало причиной ущемления базового права указанных граждан на социальное обеспечение. Авторами были внесены предложения об исправлении ситуации либо через двустороннее сотрудничество, косвенное указание на потенциал которого усматривается в Договоре о ЕАЭС, либо при помощи подачи запроса в Суд ЕАЭС о вынесении консультативного заключения с разъяснением норм Соглашения ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС); Содружество Независимых Государств (СНГ); Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС от 20.12.2019; Соглашение от 13.03.1992 о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ в области пенсионного обеспечения; социальное обеспечение; пенсионное обеспечение; пенсионные права; территориально-пропорциональная система; трудящийся-мигрант; член семьи; трудовой стаж; право на социальное обеспечение.

Для цитирования: Бекашев Д. К., Умрихина Е. Г. Современное правовое регулирование пенсионного обеспечения в рамках ЕАЭС // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 134–145. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.134-145.

© Бекашев Д. К., Умрихина Е. Г., 2025

* *Бекашев Дамир Камильевич*, доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой международного права МГИМО (МИД) России
Вернадского пр., д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
dambek@yandex.ru

** *Умрихина Елизавета Григорьевна*, атташе Правового департамента МИД России, соискатель кафедры международного права МГИМО (МИД) России
Вернадского пр., д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
egumrikhina@mid.ru

Modern Legal Regulation of Pension Provision within the EAEU

Damir K. Bekyashev, Doctor of Law, Professor, Acting Head of the Department of International Law, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
dambek@yandex.ru

Elizaveta G. Umrikhina, Attaché of the Legal Department, Russian Ministry of Foreign Affairs, Postgraduate Student, Department of International Law, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
egumrikhina@mid.ru

Abstract. The study analyzes the Agreement on Pension Provision for Workers of the Member States of the Eurasian Economic Union of December 20, 2019 (hereinafter referred to as the EAEU Agreement), which is the fundamental act regulating the mechanisms of pension provision in the Eurasian space. The authors defined the object and purpose of the agreement, outlined the range of entities to which its provisions apply, and also disclosed the main content of the territorial-proportional pension model, which formed the basis of the above-mentioned Agreement. Additionally, it was identified that the effective implementation of the EAEU Agreement is closely dependent on the norms of the Agreement of March 13, 1992, on Guarantees of the Rights of Citizens of the Member States of the Commonwealth of Independent States in the Field of Pension Provision (hereinafter referred to as the CIS Agreement), particularly those concerning the acquisition of pension rights by relevant individuals. It was discovered that the innovative approach of the EAEU Agreement was perceived differently by the member states of the union in terms of the rule on taking into account pension rights acquired by Russian citizens permanently residing in other EAEU member states prior to the termination of the CIS Agreement for the Russian Federation. All of the above taken together resulted in the infringement of the basic right of these citizens to social security. The authors have proposed solutions to rectify the situation, either through bilateral cooperation the potential for which is indirectly indicated in the EAEU Treaty or by submitting a request to the EAEU Court for an advisory opinion to clarify the provisions of the EAEU Agreement.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU); Commonwealth of Independent States (CIS); Agreement on Pension Provision for Workers of the EAEU Member States of December 20, 2019; Agreement of March 13, 1992 on Guarantees of the Rights of Citizens of the CIS Member States in the Field of Pension Provision; social security; pension provision; pension rights; territorially proportional system; migrant worker; family member; work experience; right to social security.

Cite as: Bekyashev DK, Umrikhina EG. Modern Legal Regulation of Pension Provision within the EAEU. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):134-145. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.134-145.

К 2023 г. Российской Федерацией был денонсирован блок соглашений по линии Содружества Независимых Государств, регламентирующих отношения в сфере пенсионного обеспечения различных категорий населения, что, среди прочего, наметило переход от территориальной к пропорциональной модели межгосударственных отношений в сфере пенсионного обеспечения ввиду обусловленной территориальной моделью неподъемной нагрузки на бюджет Российской Федерации. Суть

в том, что сообразно первой модели ключевым фактором выступает само место проживания трудящегося, в то время как вторая базируется на фактическом трудовом стаже, приобретенном на территории конкретного государства. Назревшая тенденция нашла свое непосредственное отражение в плоскости двустороннего регулирования правоотношений по пенсионной тематике между Российской Федерацией и некоторыми странами СНГ — имеются в виду недавние межгосударственные договоры с Рес-

публикой Таджикистан¹ и Азербайджанской Республикой².

Вместе с тем в отношениях между Российской Федерацией и иными государствами — членами Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз) действует Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС от 20.12.2019³ (далее — Соглашение ЕАЭС), которое регламентирует порядок пенсионного обеспечения граждан государств Союза.

Предваряя правовую квалификацию Соглашения ЕАЭС, стоит подчеркнуть, что исследуемый международный договор — результат многолетнего трудоемкого поиска консенсуса среди всех стран в составе ЕАЭС по отношению к правовому регулированию пенсионного обеспечения на евразийском пространстве. Первостепенная важность выработки предметного соглашения в этой области была вызвана давно назревшей необходимостью предоставления трудящимся-мигрантам, являющимся гражданами государств — членов ЕАЭС, возможности наиболее полной реализации своих пенсионных прав, приобретенных в пределах территории Союза, вне зависимости от страны их постоянного проживания⁴. Некоторые специалисты утверждают, что подобный шаг был в глобальном плане необходим для «решения вопросов дальнейшей интеграции в рамках ЕАЭС»⁵.

Как справедливо отмечает М. И. Акатнова, одним из признанных факторов замедления создания единого рынка труда в ЕАЭС стало отсутствие всеобъемлющей правовой регламентации отношений в сфере пенсионного обеспечения граждан, осуществлявших трудовую деятельность в иных государствах объединения⁶.

Обоснованно по этой причине сделать акцент на том, что правовые предпосылки разработки специального акта по пенсионному обеспечению на просторах ЕАЭС были однозначно заложены еще в Договоре о ЕАЭС⁷ (соответствующее указание имеется в разделе 26, посвященном трудовой миграции). Немногим позднее была разработана отдельная Концепция международного договора о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения, утвержденная 12 ноября 2014 г. решением Совета Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) № 103⁸. В соответствии с Концепцией первоочередной целью при подготовке договора было «обеспечение равных прав в сфере пенсионного обеспечения, защита приобретенных трудящимися пенсионных прав на территории государств — членов ЕАЭС, а также развитие сотрудничества в сфере пенсионного обеспечения между государствами — членами Союза». Среди прочего, названным документом 2015 год был намечен в качестве временной рамки для разработки проекта, которая, как станет известно далее, соблюдена не была.

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 15.09.2021 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/351179432> (дата обращения: 06.04.2025).

² Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 26.04.2022 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1301008253> (дата обращения: 06.04.2025).

³ URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161102> (дата обращения: 06.04.2025).

⁴ *Anbrekht T. A.* Development of Pension Rights for Migrant Workers on the Territory of the Eurasian Economic Union // *European and Asian Law Review*. 2022. № 5 (2). P. 5–13.

⁵ *Шестерякова И. В.* Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся — членов ЕАЭС: вопросы коллизионного регулирования // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2020. № 2 (133). С. 240–244.

⁶ *Акатнова М. И.* Сохранение права на пенсионное обеспечение трудящихся государств — членов ЕАЭС // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 11. С. 152–158.

⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 06.04.2025).

⁸ URL: <https://docs.cntd.ru/document/420234017> (дата обращения: 06.04.2025).

В конечном итоге в русле реализации Договора о ЕАЭС, а также изложенной выше Концепции уже 20 декабря 2019 г. Стороны заключили Соглашение ЕАЭС, которое вступило в силу 1 января 2021 г. Соглашение, как это резонно отмечается российскими учеными, ознаменовало следующий этап нормативного регулирования пенсионного обеспечения трудящихся граждан Союза⁹. Несмотря на то что с момента вступления в силу Соглашения прошло немного времени, уже наглядно просматривается положительный эффект от его принятия — так, по словам министра по экономике и финансовой политике ЕЭК Б. Султанова, «уровень безработицы в III квартале 2023 г. в целом по ЕАЭС составил 3,4 % численности рабочей силы / экономически активного населения, например, уровень безработицы в Евросоюзе в декабре 2023 г. составил 6,4 %»¹⁰.

При комплексном рассмотрении ранее упомянутого документа основное внимание следует уделить его основополагающим положениям. В первую очередь целесообразным видится обнаружить главную цель данного правового акта — так, ссылаясь на содержание преамбулы, при подписании Соглашения ЕАЭС государства-члены были движимы «стремлением урегулировать отношения в сфере пенсионного обеспечения своих граждан». *Rationae personae* Соглашения ЕАЭС указывается в ст. 2, согласно которой надлежащими категориями субъектов являются трудящиеся, под которыми понимаются граждане государств-членов, у которых «формируются либо формировались пенсионные права посредством осуществления трудовой или иной деятельности на территории другого государства-члена», и члены семьи как состоящие в браке с трудящимся лица, а также «находящиеся на его иждивении дети и другие лица, которые признаются членами семьи в соответствии с законодательством государства трудоустройства».

В указанной статье содержится также и *rationae materiae* Соглашения, то есть перечень видов пенсий, охватываемых данным документом в отношении каждого государства. Применительно к Российской Федерации речь идет о следующих платежах: «страховая пенсия (по старости, по инвалидности и по случаю потери кормильца), фиксированная выплата к страховой пенсии, повышение и (или) увеличение фиксированной выплаты к страховой пенсии и доплата к страховой пенсии, накопительная пенсия и иные выплаты за счет средств пенсионных накоплений». Одновременно с этим пункт 3 ст. 2 Соглашения ЕАЭС отсылает к применимому внутрисоюзному законодательству в части назначения и выплаты иных видов пенсий или пособий трудящимся и членам семьи.

Одним из новшеств Соглашения ЕАЭС является определение видов отчислений, производимых «только при условии проживания трудящегося на территории соответствующего государства-члена» (ст. 4). Среди таковых для Российской Федерации значатся «фиксированная выплата к страховой пенсии, повышение и (или) увеличение фиксированной выплаты к страховой пенсии и доплата к страховой пенсии, валоризация пенсионных прав в денежном выражении».

Системообразующим элементом анализируемого международного договора выступает концепция равных прав трудящихся в пенсионной сфере, подразумевающая идентичный алгоритм возникновения и последующего осуществления ими права на получение пенсии. Кроме того, трудящемуся (равно как и члену семьи) Соглашением ЕАЭС предоставляется возможность самостоятельно выбрать компетентный орган для целей назначения и выплаты пенсии; так, возможен выбор либо в пользу учреждения государства проживания, либо органа государства, в котором лицом был наработан соответствующий стаж, то есть «государства трудо-

⁹ Левина М. М. Международно-правовое регулирование пенсионного обеспечения трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза // Право и управление. XXI век. 2024. № 20 (1). С. 159–170.

¹⁰ URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/v-ramkakh-soglasheniya-eaes-pensiya-naznachena-bolee-9-2-tysyachi-grazhdan/> (дата обращения: 06.04.2025).

устройства» (ст. 3). В этой связи немаловажно отметить, что отказ вышеотмеченным лицам в назначении и выплате пенсии по причине их жительства в другом государстве-члене будет неправомерным.

Вместе с тем нелишним, с нашей точки зрения, будет акцентировать, что как таковая концепция равных прав не носит абсолютный характер, поскольку в ряде случаев права иностранных граждан могут быть подвергнуты ограничениям в силу норм внутригосударственного законодательства. В частности, по общему правилу иностранные граждане не вправе осуществлять некоторые виды трудовой деятельности в Российской Федерации — например, занимать должность командира гражданского воздушного судна или «быть принятым на работу на объекты и в организации, деятельность которых связана с обеспечением безопасности Российской Федерации»¹¹, и т.д.

В свете реализации изучаемого международного правового акта важен алгоритм экспорта пенсий, предусматривающий гарантированную выплату пенсии трудящемуся (члену семьи) компетентными органами даже при условии, что указанное лицо проживает в другом государстве-члене. Иными словами, «размеры пенсий не могут быть уменьшены, их выплата не может быть приостановлена или прекращена на основании местожительства трудящегося (члена семьи) на территории другого государства-члена, если иное не установлено настоящим Соглашением», что гарантирует сменившим место проживания лицам продолжение получения пенсии назначившим ее государством с сохранением величины таковой.

С целью наглядно проиллюстрировать реализацию данного механизма на практике приводится следующий пример. Предположим, гражданин Армении обращается за пенсией

в армянский компетентный орган, упомянув о своей двухлетней трудовой деятельности в России. Далее компетентный орган Армении на основании полученной информации направляет запрос в соответствующий российский орган, который начисляет гражданину пенсию за приобретенный в России трудовой стаж в российских рублях и перечисляет эту сумму в армянский компетентный орган. Последний переводит полученные денежные средства по установленному курсу в валюту Армении и доставляет пенсию в адрес гражданина за свой счет¹².

Все нюансы этой процедуры детально раскрываются в Порядке взаимодействия между уполномоченными органами, компетентными органами государств — членов ЕАЭС и ЕЭК по применению норм Соглашения ЕАЭС, утвержденном Решением Совета ЕЭК от 23.12.2020 № 122¹³ (далее — Порядок). Пожалуй, одним из фундаментальных нововведений в отношении указанного взаимодействия является внедрение интегрированной информационной системы ЕАЭС с целью оптимизировать обмен «сведениями, необходимыми для назначения и выплаты пенсий, а также иными сведениями, имеющими значение для применения Соглашения». При этом до запуска упомянутой интегрированной системы (запланированного на конец 2025 — начало 2026 г.) взаимодействие совершается «в бумажном виде путем обмена формулярами, предусмотренными пунктом 3 настоящего Порядка, а также документами, необходимыми для назначения и выплаты пенсии».

Стоит подчеркнуть, что подобная цифровизация названных процессов была инициирована Коллегией ЕЭК, принявшей 8 февраля 2022 г. Решение № 20 «Об утверждении Правил реализации общих процессов в сфере пенсионного обеспечения трудящихся государств — членов ЕАЭС»¹⁴ (далее — Правила). Эти Правила при-

¹¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901823501?ysclid=m9tot13874208780030> (дата обращения: 23.04.2025).

¹² URL: <https://eurasia.expert/obshchee-pensionnoe-prostranstvo-eaes-kak-eto-rabotaet/> (дата обращения: 06.04.2025).

¹³ URL: <https://docs.cntd.ru/document/573319977?ysclid=m92kzi5pe2143350825> (дата обращения: 06.04.2025).

¹⁴ URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22kr0020/?ysclid=m96rwssqe4571314818> (дата обращения: 07.04.2025).

званы способствовать тому, чтобы компетентные органы государств-членов могли действенно обмениваться сведениями, существенными, например, «для установления и выплаты пенсии трудящемуся (члену семьи)» или «для подтверждения трудовой деятельности трудящегося, в целях снятия с трудящегося (члена семьи) бремени по представлению данных сведений», что в конечном счете упрощает претворение в жизнь экспорта пенсий. Немаловажно и то, что описываемые общие процессы подразумевают также осуществление Комиссией ЕЭК контроля за исполнением Соглашения ЕАЭС и Порядка, опираясь на данные, полученные от профильных органов государств — членов Союза.

В дополнение к Правилам Коллегией ЕЭК последовательно разрабатываются уточняющие их акты, среди которых следует выделить, в частности, решение от 14.03.2023 № 33¹⁵, одобрявшее образцы технической документации, используемой в коммуникации в информационном формате посредством интегрированной системы ЕАЭС, а также решение от 28.05.2024 № 60 «О справочниках, используемых в сфере трудовой миграции и социальной защиты»¹⁶.

В Соглашении ЕАЭС дополнительно закреплено, что «при установлении доплат и иных выплат, предусмотренных законодательством государства-члена, учитываются пенсии, назначенные трудящемуся (члену семьи) во всех государствах-членах». Величина пенсии подсчитывается каждым государством-членом на базе приобретенных лицом согласно национальному законодательству пенсионных прав, принимая во внимание постулаты Соглашения ЕАЭС (ст. 8).

Статья 7 Соглашения посвящена выявлению наличия права на пенсию, увязываемого с конкретным размером трудового стажа, а примени-

тельно к Российской Федерации — с величиной индивидуального пенсионного коэффициента. Исходным руководящим принципом является учет государствами-членами положений Соглашения ЕАЭС при определении на основании национального законодательства права на пенсию, основанного на трудовом стаже, приобретенном на его территории.

Что касается стажа работы, требуемого для появления у трудящегося или члена семьи права на пенсию, то по общему правилу он составляет минимум 12 полных месяцев трудовой деятельности в государстве-члене, по законодательству которого предполагается назначение лицу пенсии (ст. 7 Соглашения ЕАЭС). Этот принцип не применяется к накопительной пенсии и к трудовым (страховым) пенсиям по случаю инвалидности и потери кормильца. Тем не менее Соглашением уточняется, что в условиях нехватки продолжительности стажа в пользу лица «учитывается стаж работы, приобретенный на территориях других государств-членов в соответствии с законодательством каждого из государств-членов, за исключением случаев, когда такой стаж работы совпадает по времени».

Допустим, гражданин Республики Беларусь в 2025 г. претендует на получение пенсии за трудовую деятельность в Российской Федерации, однако он отработал в России лишь 10 полных месяцев — с января по октябрь 2022 г. включительно. При этом данный гражданин также трудился в течение 6 месяцев на территории Республики Беларусь — с марта по август 2022 г. включительно. В рассматриваемых условиях для целей получения пенсии по российскому законодательству к трудовому стажу, приобретенному этим лицом в Российской Федерации, не получится присоединить работу в Республике

¹⁵ Решение Коллегии ЕЭК от 14.03.2023 № 33 «О технологических документах, регламентирующих информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной информационной системы ЕАЭС общего процесса “Обеспечение обмена между компетентными органами государств — членов ЕАЭС электронными документами и (или) сведениями, необходимыми для установления и выплаты пенсий трудящимся (членам их семей)”» // URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/414/7305/> (дата обращения: 23.04.2025).

¹⁶ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409014624/?ysclid=m96tf5p8yb562873300> (дата обращения: 07.04.2025).

Беларусь, поскольку указанный стаж совпадает по времени со стажем работы в России.

Немаловажная особенность состоит в различном порядке учета стажа в зависимости от момента его приобретения: согласно информации Фонда пенсионного и социального страхования РФ от 28.10.2024¹⁷, трудовой стаж до 13 марта 1992 г. (то есть до вступления в силу Соглашения СНГ) «учитывается Соцфондом без каких-либо подтверждений», кроме ситуаций отсутствия соответствующей записи в трудовой книжке или наличия в ней исправлений или неточностей. Однако «стаж работы за период с 13 марта 1992 г. до 1 января 2021 г. нужно подтвердить в обязательном порядке».

Изложенные ранее нормы напрямую коррелируют со статьей 98 учредительного Договора Союза, предписывающей, что «пенсионное обеспечение трудящихся государств-членов и членов семьи регулируется законодательством государства постоянного проживания, а также в соответствии с отдельным международным договором между государствами-членами».

Значительный интерес, по нашему мнению, представляет субстантивное наполнение ст. 6 Соглашения ЕАЭС, исходя из буквального толкования которой факт назначения и выплаты трудящемуся (члену семьи) пенсии по законодательству одного из государств — членов ЕАЭС не усматривается препятствием к обладанию поименованными лицами правом «на одновременное назначение и выплату пенсии этого и (или) другого вида согласно законодательству другого государства-члена» (ст. 5). При этом пенсия на основании Соглашения ЕАЭС назначается с момента приобретения трудящимся (членом семьи) пенсионного права по законодательству государства — члена Союза безотносительно времени возникновения у лица аналогичного права по законодательству другого государства-члена.

Приведем следующий пример. У трудящегося гражданина Республики Беларусь в январе 2023 г. возникло право на пенсию по возрасту по белорусскому законодательству ввиду дости-

жения им пенсионного возраста, накопления необходимого трудового стажа и т.д. Гражданин в течение нескольких лет трудился на территории Республики Армения, в связи с чем в ноябре 2023 г. у него также сформировалось право на трудовую пенсию по возрасту в соответствии с армянским законодательством. Назначение и выплата этому лицу пенсии по законодательству Республики Беларусь производится с момента возникновения у него соответствующего права (то есть с января 2023 г.), вне зависимости от того, что его право на пенсию по законодательству Республики Армения возникло позднее.

Соглашением ЕАЭС также особым образом урегулирован порядок учета стажа работы «по определенной специальности, на определенной должности или в определенных условиях труда и организациях» для целей определения права на пенсию. Так, к подобному стажу работы по законодательству назначающего пенсию государства-члена не добавляется аналогичный стаж по законодательству иного государства-члена, однако последний всё же «учитывается как стаж работы на общих основаниях».

В дополнение к вышесказанному Соглашение ЕАЭС фиксирует, что процесс медицинского освидетельствования в целях установления инвалидности трудящегося или члена семьи реализуется «в соответствии с законодательством государства проживания по его месту жительства» (ст. 9). В то же время решения о группе, сроке и причине инвалидности (степени ограничения способности к трудовой деятельности) принимает тот орган, согласно законодательству которого производятся назначение и выплата соответствующей пенсии. Особо подчеркивается, что такого рода решения могут выноситься заочно и в любом случае «принимаются на безвозмездной основе».

Говоря об условии возникновения права на пенсию у члена семьи, необходимо заострить внимание на том, что в Соглашении ЕАЭС в качестве такового фигурирует лишь смерть трудящегося, если названное условие содержится в законодательстве государств-членов (ст. 6).

¹⁷ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410521420/?ysclid=m9qqvg2xiy625164060> (дата обращения: 23.04.2025).

Дополнительно в документе отмечается, что если внутригосударственное законодательство увязывает приобретение права на пенсию и ее размер с количеством членов семьи, то учету в таком случае подлежат все из них.

Ключевой характеристикой Соглашения ЕАЭС выступает тот факт, что оно зиждется на территориально-пропорциональном принципе, который состоит в наличии нюансов в части назначения и выплаты пенсии в зависимости от того, когда именно был наработан трудовой стаж. За стаж работы, накопленный уже после вступления в силу Соглашения, назначает и выплачивает пенсию то государство, в котором был приобретен трудовой стаж, что отражает пропорциональный компонент принципа. Если же речь идет о стаже работы, приобретенном до вступления Соглашения в силу, «пенсия назначается и выплачивается в соответствии с законодательством государств-членов и Соглашением о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 года, а для Республики Беларусь и Российской Федерации — Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 января 2006 года» — данное предписание коррелирует принципу территориальности.

Из вышеозначенной нормы, а также в свете денонсации Российской Федерацией Соглашения СНГ проистекает наиболее дискуссионный, на наш взгляд, вопрос сохранения пенсионных прав, приобретенных гражданами Российской Федерации, в том числе благодаря трудовому стажу, накопленному до вступления в силу Соглашения ЕАЭС, переехавшими на постоянное место жительства в другое государство — член Союза. Дело в том, что в настоящий момент есть ряд трудностей при практическом применении Соглашения ЕАЭС, связанных с расхождениями

в толковании Российской Федерацией и некоторыми государствами — членами Союза Соглашения СНГ, к которому отсылает статья 12 Соглашения ЕАЭС. Суть сводится к тому, что постоянно проживающим на территории указанных государств российским гражданам зачастую не учитывают весь накопленный ими трудовой стаж на территории Российской Федерации и бывшей РСФСР, обосновывая это денонсацией Российской Федерацией в 2023 г. Соглашения СНГ.

Данное обстоятельство, как представляется, негативно влияет на функционирование механизма подтверждения страхового стажа и приводит к отсутствию условий для назначения страховой пенсии по старости, препятствуя наиболее полной реализации российскими гражданами, постоянно проживающими в иных государствах — членах ЕАЭС, права на социальное обеспечение.

Всё это привело к поступлению в адрес МИД России значительного количества обращений российских граждан пенсионного или предпенсионного возраста, постоянно проживающих в государствах — членах ЕАЭС, содержащих просьбы разъяснить сценарии разрешения сложившейся ситуации.

Вместе с тем, по сведениям Социального фонда России, пенсии, назначенные в соответствии с положениями Соглашения СНГ до его денонсации Российской Федерацией, продолжают выплачиваться трудящимся гражданам государств — членов ЕАЭС, переехавшим на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, согласно нормам российского законодательства, действовавшего в период участия Российской Федерации в Соглашении СНГ¹⁸.

С учетом всего изложенного, считаем целесообразным внести ясность относительно содержания наполнения соответствующих предписаний Соглашения СНГ¹⁹. Так, в соответствии с п. 2 ст. 13 данного договора пенсионные права граждан государств — участников Содруже-

¹⁸ URL: https://sfr.gov.ru/files/id/pensii/pens_zarubej/INFORMATSIYA_denons-_Sogl-_SNG.docx (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁹ Соглашение о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13.03.1992 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?modulel1d=1&documentId=1759> (дата обращения: 07.04.2025).

ства, возникшие в соответствии с положениями Соглашения, не теряют своей силы и в случае выхода из Соглашения государства-участника, на территории которого они проживают. Тем самым, насколько можно судить, Соглашение СНГ не регулирует проблематику сохранения соответствующих пенсионных прав граждан государств, денонсировавших Соглашение СНГ, в случае их переезда на постоянное место жительства на территорию государства — участника Соглашения СНГ.

В этой связи следует исходить из того, что в отсутствие надлежащего международно-правового регулирования данный вопрос при переезде российских граждан за рубеж решается в соответствии с законодательством государства постоянного проживания, а также Положением о порядке выплаты пенсий лицам, выезжающим (выехавшим) на постоянное место жительства за пределы территории Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 17.12.2014 № 1386²⁰.

Кроме того, можно предположить, что отказ некоторых евразийских партнеров учитывать соответствующий стаж работы постоянно проживающих на их территории российских граждан, с одной стороны, не противоречит Соглашению ЕАЭС и Соглашению СНГ, но, с другой стороны, ставит рассматриваемых граждан в дискриминационное по сравнению с гражданами других государств — членом ЕАЭС положение, тем самым нарушая принцип взаимности в межгосударственных отношениях. В целом это, по сути, приводит к ущемлению права каждого человека на социальное обеспечение, закрепленного в универсальных международных актах в области защиты прав человека, включая Всеобщую декларацию прав человека от 10.12.1948²¹ и Международный пакт об эко-

номических, социальных и культурных правах от 16.12.1966²², а также в региональном международном договоре — Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека от 26.05.1995²³.

Альтернативным вариантом решения возникшего затруднения, заключающегося в неустранимых противоречиях сторон Соглашения ЕАЭС по поводу толкования Соглашения СНГ, по нашему мнению, могло бы стать рассмотрение возможности заключения новых двусторонних соглашений по пенсионной тематике в масштабах ЕАЭС. По смыслу п. 1 ст. 114 Договора о ЕАЭС не усматривается препятствий к заключению государствами-членами международных договоров, не противоречащих целям и принципам учредительного Договора Союза. Более того, согласно п. 2 этой же статьи Договора «двусторонние международные договоры между государствами-членами... предоставляющие дополнительные преимущества в пользу их физических и (или) юридических лиц, применяются в отношениях между заключившими их государствами и могут заключаться при условии, что не затрагивают осуществление ими и другими государствами-членами своих прав и выполнение обязательств по настоящему Договору и международным договорам в рамках Союза». Следовательно, учитывая, что в заданных условиях принятие таких двусторонних договоров могло бы поспособствовать всеобъемлющей реализации гражданами их пенсионных прав, подобные последствия логично приравнять к предоставлению дополнительных преимуществ физическим лицам.

Наряду с этим, так как возникшая проблема обусловлена трудностями при толковании, усматривается возможность запросить вынесение консультативного заключения Судом ЕАЭС, что предусмотрено Статутом Суда²⁴ (при-

²⁰ URL: <https://docs.cntd.ru/document/420241001/titles/3R0SS8> (дата обращения: 07.04.2025).

²¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 07.04.2025).

²² URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 07.04.2025).

²³ URL: <https://cis.minsk.by/page/11326/konvencii-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-o-pravah-i-osnovnyh-svobodah-celoveka-26-maa-1995-g-minsk> (дата обращения: 07.04.2025).

²⁴ Статут Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе) от 29.05.2014 // URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/b30/2%20%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%82%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0.pdf> (дата обращения: 07.04.2025).

ложение № 2 к Договору о ЕАЭС), а также его Регламентом²⁵. Несмотря на то что консультативные заключения Суда носят рекомендательный характер²⁶, как и все подобные акты толкования, они обладают весомым авторитетом, а также, по мнению Комиссии международного права ООН, могут служить одним из вспомогательных средств для определения норм международного права²⁷. По этой причине имеет смысл упомянуть, что данная идея сопряжена с определенным риском, поскольку нельзя с полной уверенностью утверждать, что разъяснения Суда будут однозначно благоприятными для находящихся в уязвимом положении российских граждан.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Правовое регулирование отношений, затрагивающих пенсионное обеспечение в Евразийском регионе, осуществляется с опорой на ст. 98 Договора о ЕАЭС 2014 г., Соглашение ЕАЭС 2019 г., а также совокупность документов Коллегии ЕЭК, подготовленных в развитие положений Соглашения для его наиболее эффективной реализации, среди таковых были выделены, например, Порядок взаимодействия между уполномоченными органами, компетентными органами государств — членов ЕАЭС и ЕЭК по применению норм Соглашения ЕАЭС, а также Правила реализации общих процессов в сфере пенсионного обеспечения трудящихся государств — членов ЕАЭС.

Принятие Соглашения ЕАЭС, ставшее результатом кропотливого затяжного согласования позиций сторон по различным пенсионно-обеспечительным аспектам, положило начало для новой стадии международно-правового регулирования раздела пенсионного обеспечения трудящихся в евразийском измерении. Цен-

тральным новшеством Соглашения ЕАЭС стало интегрирование смешанного, территориально-пропорционального подхода при назначении пенсии, последствия применения которого варьируются в зависимости от времени приобретения трудящимся стажа работы. Так, за трудовой стаж, приобретенный после вступления в силу Соглашения ЕАЭС, пенсии назначаются и выплачиваются государством Союза, на территории которого такой стаж был приобретен, а за стаж работы, полученный до вступления Соглашения ЕАЭС в силу — на основании Соглашения СНГ или, применительно к российско-белорусским отношениям, — двустороннего Договора о сотрудничестве в области социального обеспечения 2006 г.

Передовой характер используемого в Соглашении ЕАЭС подхода, однако, не лишен недостатков, наиболее весомым из которых стало неоднозначное толкование другими государствами — членами Союза предписания Соглашения СНГ о сохранении приобретенных пенсионных прав, отсылка к которому есть в Соглашении ЕАЭС. Данный фактор негативно повлиял на возможность всесторонней реализации пенсионных прав российскими гражданами, переселившимися на постоянное место жительства в другие государства ЕАЭС, так как последние нередко отказываются учитывать приобретенный упомянутыми лицами на территории Российской Федерации и бывшей РСФСР стаж для целей назначения пенсии.

Для разрешения сложившейся неблагоприятной ситуации можно выдвинуть два предложения. Первое из них о целесообразности заключения специальных двусторонних соглашений о сотрудничестве по пенсионным вопросам с теми государствами, с которыми не удастся прийти

²⁵ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза» // URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/6f9/1%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0.pdf> (дата обращения: 07.04.2025).

²⁶ URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/b30/2%20%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%82%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0.pdf> (дата обращения: 07.04.2025).

²⁷ Доклад Комиссии международного права от 2023 г., гл. VII «Вспомогательные средства для определения норм международного права» // URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2023/russian/chp7.pdf> (дата обращения: 07.04.2025).

консенсусу по линии уже имеющихся в Союзе правовых инструментов. Дополнительным аргументом в пользу подобного пути выступает тот факт, что учредительный Договор организации препятствий к дополнительному двустороннему урегулированию не усматривает, если таковое предоставит дополнительные преимущества физическим лицам договаривающихся государств, что как раз и наблюдается при таком подходе.

Второе предложение подразумевает подачу запроса Суду ЕАЭС на толкование спорных положений в форме консультативного заключения, не носящего юридически обязательный характер, но обладающего высокой авторитетностью. Данной инициативе сопутствует риск того, что разъяснения Суда не будут выигрышными для тех российских граждан, чье право на социальное обеспечение нуждается в защите.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Акатнова М. И.* Сохранение права на пенсионное обеспечение трудящихся государств — членов ЕАЭС // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 11. — С. 152–158.
2. *Алимов Э. В., Григорьев А. В.* Социально-правовое положение трудовых мигрантов в странах Евразийского экономического союза // Журнал российского права. — 2015. — № 10 (226). — С. 157–162.
3. *Бекашев Д. К.* Международное трудовое право (публично-правовые аспекты). — М., 2015.
4. *Капустин А. Я.* Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. — 2014. — № 12. — С. 98–107.
5. *Левина М. М.* Международно-правовое регулирование пенсионного обеспечения трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза // Право и управление. XXI век. — 2024. — № 20 (1). — С. 159–170.
6. *Лушникова М. В., Лушников А. М.* Международное трудовое право и международное право социального обеспечения: введение в курс : учеб. пособие. — Ярославль : ЯрГУ, 2010. — 248 с.
7. *Мишальченко Ю. В., Платонова Л. А., Торопыгин А. В.* Международно-правовые особенности реализации конституционных прав граждан государств — членов ЕАЭС в сфере пенсионного обеспечения // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 66–76.
8. *Мишальченко Ю. В., Платонова Л. А., Торопыгин А. В.* Пенсионное обеспечение граждан в ЕАЭС и Союзном государстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2020. — № 3 (33). — С. 67–77.
9. *Селиверстова М. М.* Мобильность пенсий в рамках Евразийского экономического союза и СНГ // Пенсия. — 2015. — № 3. — С. 54–62.
10. *Шестерякова И. В.* Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся — членов ЕАЭС: вопросы коллизионного регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020. — № 2 (133). — С. 240–244.
11. *Anbrekht T. A.* Development of Pension Rights for Migrant Workers on the Territory of the Eurasian Economic Union // European and Asian Law Review. — 2022. — № 5 (2). — P. 5–13.

Материал поступил в редакцию 23 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Akatnova M. I.* Sokhranenie prava na pensionnoe obespechenie trudyashchikhsya gosudarstv — chlenov EAES // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2019. — № 11. — S. 152–158.
2. *Alimov E. V., Grigorev A. V.* Sotsialno-pravovoe polozhenie trudovykh migrantov v stranakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2015. — № 10 (226). — S. 157–162.

3. Bekyashev D. K. *Mezhdunarodnoe trudovoe pravo (publichno-pravovye aspekty)*. — М., 2015.
4. Kapustin A. Ya. *Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze — novaya stranitsa pravovogo razvitiya evraziyskoy integratsii // Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2014. — № 12. — S. 98–107.
5. Levina M. M. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie pensionnogo obespecheniya trudyashchikhsya gosudarstv — chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza // Pravo i upravlenie. XXI vek*. — 2024. — № 20 (1). — S. 159–170.
6. Lushnikova M. V., Lushnikov A. M. *Mezhdunarodnoe trudovoe pravo i mezhdunarodnoe pravo sotsialnogo obespecheniya: vvedenie v kurs: ucheb. posobie*. — Yaroslavl: YarGU, 2010. — 248 s.
7. Mishalchenko Yu. V., Platonova L. A., Toropygin A. V. *Mezhdunarodno-pravovye osobennosti realizatsii konstitutsionnykh prav grazhdan gosudarstv — chlenov EAES v sfere pensionnogo obespecheniya // Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. — 2021. — T. 15. — № 3. — S. 66–76.
8. Mishalchenko Yu. V., Platonova L. A., Toropygin A. V. *Pensionnoe obespechenie grazhdan v EAES i Soyuznom gosudarstve Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Belarus // Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. — 2020. — № 3 (33). — S. 67–77.
9. Seliverstova M. M. *Mobilnost pensiy v ramkakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i SNG // Pensiya*. — 2015. — № 3. — S. 54–62.
10. Shesteryakova I. V. *Soglashenie o pensionnom obespechenii trudyashchikhsya — chlenov EAES: voprosy kollizionnogo regulirovaniya // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. — 2020. — № 2 (133). — S. 240–244.
11. Anbrekht T. A. *Development of Pension Rights for Migrant Workers on the Territory of the Eurasian Economic Union // European and Asian Law Review*. — 2022. — № 5 (2). — P. 5–13.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.146-155

А. Б. Агапов*

Постулаты немецкого полицейского права

Аннотация. Исследуются основные дефиниции немецкого полицейского права и права общественной безопасности (Polizei- und Ordnungsrecht).

Подчеркивается особая роль структуры обеспечения общественного порядка в Германии, включающая в себя единую структуру (Einheitssystem) и децентрализованную структуру, представленную в 12 из 16 земель германской федерации. Объективные различия структурного построения органов обеспечения полицейской деятельности объясняются национально-структурными особенностями и историческими традициями государственного строительства в Германии.

Понятие *Polizei* применительно к *Polizei* является определяющим, именно на основе этого греческого термина характеризуется не столько соответствующий правоохранительный орган, сколько формы и методы полицейской деятельности.

Особая роль в согласовании правоохранительной деятельности на федеральном и региональном уровнях отводится в Германии Федеральной службе криминальной полиции (Bundeskriminalamt, ВКА).

Оборот персональных данных для правоохранных целей рассматривается в Германии в качестве одной из форм полицейской деятельности, весьма значимой для немецкой Особенной части административного права — *Besonderes Verwaltungsrecht*. ВКА в этих случаях выступает в качестве координатора деятельности федеральных и земельных органов полиции. Владение персональными данными, их пользование и распространение подлежат постоянному парламентскому контролю.

Ключевые слова: немецкое административное право; немецкое полицейское право; право общественной безопасности; Федеральная служба криминальной полиции; уголовно-исполнительная полиция; полиция Вольного государства Бавария; орган защиты правопорядка; полицейское дознание; правоохрана; полицейская деятельность.

Для цитирования: Агапов А. Б. Постулаты немецкого полицейского права // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 146–155. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.146-155.

© Агапов А. Б., 2025

* Агапов Андрей Борисович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

agarv59@mail.ru

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993

The Postulates of German Police Law

Andrey B. Agapov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
agapv59@mail.ru

Abstract. The paper examines the fundamental definitions of German police law and law of public safety (Polizei- und Ordnungsrecht). It emphasizes the unique structure of public order maintenance in Germany, which includes a unified system (Einheitssystem) and a decentralized structure present in twelve of the sixteen federal states (Länder). The objective differences in the structural organization of police authorities are explained by national specificities and historical traditions of state-building in Germany. The concept of πόλις (polis) is fundamental in relation to Polizei; it is on the basis of this Greek term that the forms and methods of police activity are characterized, rather than merely the law enforcement body itself. In Germany, the Federal Criminal Police Service (BKA) plays a special role in coordinating law enforcement activities at the federal and regional levels. The processing of personal data for law enforcement purposes is considered in Germany as a form of police activity, which is highly significant for the special part of German administrative law (Besonderes Verwaltungsrecht). In these cases, the BKA acts as a coordinator of the activities of federal and state police authorities. The possession, use, and dissemination of personal data are subject to constant parliamentary control.

Keywords: Besonderes Verwaltungsrecht; Bundeskriminalamt; BKA; Polizei- und Ordnungsrecht; Polizeivollzugsdienst; Wasserschutzpolizei; Berichtschaftpolizei; Polizei des Freistaates Bayern; Gesetz über der Datenverarbeitung der Polizei; Ordnungsbehörde; Gefahrenabwehr; polizeiliche Ermittlungen; BDSG.

Cite as: Agapov AB. The Postulates of German Police Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):146-155. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.146-155

Категория Gefahrenabwehr (правоохрана, букв. — защита от опасности) имеет особую значимость в системе немецкого Особого административного права (Besonderes Verwaltungsrecht) и рассматривается как основополагающая в системе полицейской деятельности.

Статус Gefahrenabwehr в системе полицейского права и права общественной безопасности (Polizei- und Ordnungsrecht) во многом определяется интеграционным взаимодействием не только применительно к административному сотрудничеству с земельными и федеральными органами исполнительной власти, прежде всего в сфере правоохранительной деятельности, но и в части общеевропейской и в целом международно-правовой интеграции.

Интеграционное взаимодействие правоохранительных органов обусловлено не столько целесообразностью, сколько прагматическими потребностями борьбы с международным терроризмом и экономическими преступлениями. Законодательство ЕС характеризуется немецкими полицейскими как «единое пространство

свободы, безопасности и права», включая единое информационное и правовое пространство стран ЕС, не сдерживаемое политико-правовыми факторами, прежде всего применительно к пограничному таможенному контролю и иными разновидностями контрольно-надзорной деятельности.

В рамках институционального полицейского сотрудничества основная роль в обеспечении Gefahrenabwehr отводится Европолу. В каждом из государств-участников учреждается национальный орган, представляющий интересы Европола во взаимоотношениях с соответствующими публичными инстанциями на национальном уровне. В Германии статусом национального органа наделена Федеральная служба криминальной полиции.

Свою специфику имеет организационная структура обеспечения общественного порядка, в основе которой — правомочия земельных органов. Проблема заключена, по справедливому замечанию Фридриха Шоха, в обеспечении должной унификации региональных органов управления в рамках единой системы земель-

ного управления, основанной на местных политико-правовых традициях администрирования.

Единая организационная структура управления полицией (Einheitssystem) представлена лишь в 4 землях: Баден-Вюртемберге, Бремене, Сааре и Саксонии, тогда как в остальных 12 землях германской федерации организационная структура сложилась на основе децентрализованной системы (Trennsystem)¹.

В Баден-Вюртемберге в единую систему управления входит полиция обеспечения общественного порядка (Sicherheitspolizei) и уголовно-исполнительная полиция (Polizeivollzugsdienst). В свою очередь, полиция обеспечения общественного порядка включает в себя общие органы управления полицией земельного уровня, возглавляемые высшей региональной администрацией (Regierungspräsidien), органы управления районного уровня (Kreispolizeibehörden) и подразделения муниципальной полиции (Ortspolizeibehörden).

В Бремене, наряду с подразделениями полиции общественного порядка, подведомственными сенату Бремена, действует муниципальная полиция города Бремен, подчиненная муниципальному совету — бременской городской общине, и муниципальная полиция города Бремерхафен, входящего в состав федеральной земли Бремен, подчиненная городскому обер-бургомистру. Особенности структуры земельной полиции обусловлены прежде всего историческими традициями формирования Вольного ганзейского города Бремен с подведомственным ему в рамках единого регионального управления Бремерхафеном.

Культурно-исторические традиции федеральной земли Бремен во многом определяют и правомочия высших должностных лиц системы полицейского управления, в том числе сенатора, ведающего внутренними делами Бремена (Senator für Inneres).

В систему уголовно-исполнительной полиции земли Бремен входит речная полиция (Wasserschutzpolizei) и отряды полиции особого назначения (Bereitschaftspolizei).

Система управления полицией федеральной земли Саар сходна с административной структурой Баден-Вюртемберга, ее основными структурными подразделениями являются органы управления районного уровня и подразделения муниципальной полиции. Разграничение компетенции уголовно-исполнительной полиции определяется земельным МВД.

В Саксонии статус и полномочия учреждений полиции общественного порядка и уголовно-исполнительной системы определяются региональным МВД, наименование которого также обусловлено историко-правовыми традициями (Staatsministerium des Innern).

Таким образом, компетенция и организационно-правовые формы деятельности Einheitssystem во многом определяется косвенными критериями администрирования, в том числе применительно к Бремену и Саксонии — национально-культурными особенностями становления и развития органов земельного управления.

Децентрализованная система управления полицией (Trennsystem) организационно оформилась после Второй мировой войны, присуща подавляющему большинству субъектов германской федерации и во многом не связана с вышеуказанными внеправовыми, традиционалистскими факторами.

В основе ее теоретического базиса лежат основополагающие различия концепции управления общественным порядком (Ordnungsverwaltung) и постулатов Polizeilehre в их непосредственном восприятии².

Тенденции децентрализованной структуры управления органами полиции особенно отчетливо заметны в следующих федеральных землях: Баварии, Бранденбурге, Северном Рейне — Вестфалии, Мекленбурге — Передней Померании, Шлезвиге-Гольштейне и Тюрингии. В этих субъектах германской федерации полномочия полиции определяются на основе земельного законодательства. Организационная структура полиции, в том числе и отрядов полиции особого назначения, регламентируется региональ-

¹ Besonderes Verwaltungsrecht / F. Schoch (Hrsg.). 2018. S. 47, 48.

² Besonderes Verwaltungsrecht / F. Schoch (Hrsg.). S. 48.

ными подзаконными актами, принимаемыми в соответствии с земельными законами об организации полиции.

В Берлине — самостоятельном субъекте германской федерации — полиция общественной безопасности, возглавляемая начальником (Polizeipräsident), подведомственна Сенату. Начальник полиции *ex officio* наделен полномочиями руководителя соответствующего структурного подразделения Сената.

Trennsystem базируется на доминанте регионального управления полицией, подведомственной министерству внутренних дел соответствующей федеральной земли. Некоторые организационные особенности управления полицией присущи Einheitssystem и Trennsystem, полиция подразделяется на Schutzpolizei — полицию общественной безопасности и Kriminalpolizei — криминальную полицию. В Гамбурге — наряду с Берлином и Бременом — городе федерального подчинения, наделенном полномочиями субъекта Федерации, Schutzpolizei входит в состав уголовно-исполнительной полиции (Vollzugspolizei), в качестве ее структурных подразделений рассматриваются речная полиция (Wasserschutzpolizei) и отряды полиции особого назначения (Bereitschaftspolizei).

Уголовно-исполнительной полиции, наряду с полицией общественной безопасности, подведомственна и криминальная полиция.

Децентрализованная система отчасти обусловлена особенностями национального устройства федеральных земель, историко-культурными традициями. Применительно к Баварии — наибольшему по площади субъекту германской федерации, насильственно включенному Бисмарком в состав Второго Рейха 23 ноября 1870 г., до сих пор в законодательном обиходе используется понятие «полиция Вольного государства Бавария» (Polizei des Freistaates Bayern).

В систему федеральной полиции, возглавляемой федеральным МВД, входят расположенное в Потсдаме Главное управление полиции (Bundespolizeipräsidium), с подведомственными ему подразделениями федерального подчинения (Bundespolizeidirektionen) и Федеральная академия полиции в Любеке.

В соотношении Einheitssystem и Trennsystem необходимо прежде всего учитывать пределы правовой регламентации законодательства федеральных земель, они более значимы применительно к децентрализованной системе. Как правило, во всех субъектах германской федерации этой группы есть собственное законодательство, определяющее статус и полномочия органов полиции. В Берлине в качестве основополагающего акта выступает региональный закон «Об охране общественной безопасности и правопорядка» (Allgemeines Gesetz zum Schutz der öffentlichen Sicherheit und Ordnung, ASOG). В Бранденбурге статус органов охраны общественного порядка определяется особым земельным законом (Bbg OBG), действующим наряду с земельным законом о полиции (Bbg PolG), определяющим структуру и организационные формы деятельности земельной полиции.

В целом земельные законы, определяющие статус органов общественного порядка, наряду с Берлином и Бранденбургом, приняты в Гамбурге, Гессене, Мекленбурге, Нижней Саксонии, Северном Рейне — Вестфалии, Рейнланд-Пфальце, Саксонии-Анхальт, Шлезвиге-Гольштейне и Тюрингии. В некоторых субъектах федерации действуют законы о полиции соответствующей федеральной земли (в Мекленбурге, Северном Рейне — Вестфалии, Рейнланд-Пфальце, Шлезвиге-Гольштейне, Тюрингии).

В отличие от субъектов федерации с децентрализованной системой полицейского управления, федеральным землям «единой системы органов охраны общественного порядка» присущ унифицированный порядок регламентации, в соответствии с которым все основополагающие полномочия органов полиции закреплены земельными законами.

В целом статус полиции и ее организационная структура по преимуществу определяются законодательством федеральных земель, при этом принимаются во внимание национально-культурные особенности, во многом определяющие специфику регионального построения органов исполнительной власти, в том числе и органов полиции.

В некоторых федеральных землях особое внимание уделяется обеспечению защиты

информационной безопасности сведений, используемых полицией. Эти функции по преимуществу регламентируются законами о полиции федеральных земель, в соответствии с которыми проблема защиты персональных данных рассматривается в общем контексте правоохранительной деятельности полиции, однако в Гамбурге принят специальный закон, определяющий обработку данных органами полиции, — *Gesetz über der Datenverarbeitung der Polizei*.

Институту полиции в немецком административном праве присущи особые этапы становления и развития. В канонах либерального правового государства (*Liberalrechtstaatliche Tradition*) предназначение полиции в XV–XVII столетиях сводилось к обеспечению надлежащего общественного порядка. Позднее, на рубеже XVII–XVIII столетий, институт полиции в условиях абсолютизма отождествлялся с неограниченной монархической государственностью и представлял собой средство обеспечения общественного блага. В этих условиях право представляло собой средство обеспечения монаршей воли вплоть до администрирования повседневных бытовых отношений, основанных на устоявшихся морально-нравственных традициях.

Полицейское государство в условиях абсолютизма предоставляло суверену неограниченные распорядительные правомочия (*Anordnungsbefugnisse*), тем более ощутимые при отсутствии надлежащего контроля.

Поворотный пункт полицейского права, основанного на либеральных традициях правового государства, обусловлен введением в действие в 1794 г. в Пруссии постулатов всеобщего земского права (*Allgemeines Landrecht*).

В соответствии с кройцбергским решением Высшего административного суда Пруссии от 14 июня 1882 г. задачи полиции сводились к обеспечению превентивных мер общественной защиты, предотвращения опасности, угрожающей правоохраняемым интересам (*Gefahrenabwehr*). Модернизируя это понятие в соответствии с присущими ему более поздними

истолкованиями, прежде всего установленными прусским законом от 01.06.1931 «Об управлении полицией» (*PrPVG*), можно сделать вывод о тождестве *Gefahrenabwehr* с задачей защиты общественной безопасности и правопорядка, именно к обеспечению этой задачи по смыслу *PrPVG* и сводилось предназначение полиции³.

На основе действующего истолкования понятия *Gefahrenabwehr* устанавливается и корреляция основополагающих понятий полицейского права, а именно тождество понятий «орган защиты правопорядка» (*Ordnungsbehörde*) и «орган полиции» (*Polizeiverwaltungsbehörde*). В обиход полицейского права после Второй мировой войны вводится термин «деполициация» (*Entpolizeilichung*)⁴, в основе которого ограничение пределов полицейского воздействия сугубо прагматическими потребностями превентивной полицейской деятельности, в том числе *Gefahrenabwehr*, охраны общественной безопасности и борьбы с преступностью.

Gefahrenabwehr и *Entpolizeilichung* дезавуируют традиционное восприятие понятия «полиция», свойственное административно-правовым исследованиям большинства романо-германских стран, придавая ему особый смысл, иное восприятие, присущее только германским административно-правовым и национально-историческим традициям.

На этой основе термин «полиция» в немецком общем и особенном административном праве, включая и его традиционные отрасли *Polizeilehre* и *Polizeirecht*, не имеет единого понятийного восприятия.

Термин «полиция» в материальном существенном значении представляет собой исключительно полицейскую деятельность уполномоченных государственных органов, в том числе и сопряженную с мерами физического или психологического принуждения (*Zwangsgewalt*), при этом подразумевается как превентивная полицейская деятельность, так и сугубо прагматическая деятельность пресечения уже выявленного или длящегося правонарушения. Тем самым и в данном случае подтверждается незыблемость понятия

³ *Besonderes Verwaltungsrecht* / F. Schoch (Hrsg.). S. 13.

⁴ *Besonderes Verwaltungsrecht* / F. Schoch (Hrsg.). S. 48.

πόλις в его догматическом восприятии, при-
сущем изначально немецкому административ-
ному праву еще в период его средневекового
становления, исключая отождествление
πόλις с деятельностью соответствующего пра-
воохранительного органа. Только в немецком
административном праве πόλις воспринимается
в качестве особого правового института с изна-
чально присущими ему формами полицейской
деятельности.

Особое значение для органов полиции в
Германии имеет разграничение федеральных
и региональных полномочий. Германия объеди-
няет 16 особых административно-территори-
альных образований — федеральных земель, в
том числе три города — субъекта федерации со
статусом федеральной земли: Берлин, Бремен
и Гамбург.

Все основные полномочия в сфере поли-
цейского управления и охраны общественного
порядка отнесены к ведению федеральных зе-
мель, при этом принимаются во внимание не
только собственно административно-правовые
факторы, но и национально-исторические тра-
диции, а именно наличие трех субъектов феде-
рации — Баварии, Саксонии Тюрингии, традици-
онно именующих себя свободными (вольными)
государствами — Freistaat, тогда как Бремен и
Гамбург исторически именуются свободными
(вольными) городами.

Теория и практика Polizei- und Ordnungsrecht
выработала устойчивую синонимию терминов
и определений. В этом смысле применительно
к праву федеральных земель понятие «органы
охраны общественного порядка (общественной
безопасности)» (Ordnungsbehörden) тождествен-
но понятиям «органы полиции общественной
безопасности» (Sicherheitsbehörden) и «орга-
ны управления полицией» (Polizeibehörden,
Polizeiverwaltungsbehörden).

В материалах судебной практики Феде-
рального конституционного суда встреча-
ется понятие «федеральные органы поли-
ции, наделенные особыми полномочиями»
(sonderpolizeilichen Behörden der Bundes).

В соответствии с федеральным законом,
определяющим статус федеральной полиции
(Bundespolizeigesetz, PolG), к ее ведению отне-

сены полномочия обеспечения транспортной и
воздушной безопасности, морского судоходства.
Bundespolizei обязана содействовать полицей-
ским органам земель при возникновении чрез-
вычайных ситуаций.

В тех случаях, когда полномочия феде-
ральных и земельных органов совпадают
(Aufgabenüberschneidungen), федеральная по-
лиция оказывает содействие соответствующим
земельным органам, в особенности примени-
тельно к владению, пользованию и распоряже-
нию информационными ресурсами.

Ведомства федеральной полиции, по пре-
имуществу в сфере борьбы с преступностью,
осуществляют свои полномочия по согласо-
ванию с земельными полицейскими органами или
при их непосредственном участии.

Федеральная служба криминальной поли-
ции оказывает содействие органам полиции
земель в превентивной правоохранительной
деятельности, в сфере борьбы с междуна-
родным терроризмом.

В соответствии с законом о ВКА (ВКАГ) имен-
но на это федеральное ведомство возложены
основные функции центральной инстанции,
обеспечивающей европейское и междуна-
родное сотрудничество борьбы с терроризмом.
Во взаимоотношениях с полицией федераль-
ных земель компетенция ВКА ограничена в
основном функциями полицейского дознания
(polizeiliche Ermittlungen) в тех случаях, когда
террористическая деятельность обусловлена
правонарушениями на территории федераль-
ной земли (§ 40 ВКАГ).

ВКА при согласовании полицейской деятель-
ности с федеральными землями принимает
надлежащие меры защиты информационных
ресурсов и, обладая, как и Европол, лучшими
источниками правоохранительной информации,
обеспечивает обмен информационными ресур-
сами между странами — участниками Европола.

Функции обеспечения защиты обществен-
ной безопасности и правопорядка на речных
магистральных федерального значения отнесены к
ведению Речной полиции (Strompolizei), контро-
лирующей также и деятельность соответствую-
щих федеральных учреждений по поддержанию
речных коммуникаций федерального значения

в состоянии, необходимом для судоходства (§ 24, 30 Bundeswasserstraßengesetz).

Полномочия Речной транспортной полиции (Schiffanrtspolizei, Verkehrspolizei) затрагивают природоохранную деятельность: она обеспечивает защиту внутренних речных коммуникаций федерального значения от загрязнения горючим и иными вредными веществами.

Разграничение компетенции федеральных и региональных полицейских органов основано на задачах правоохранительного сотрудничества, в том числе применительно к сферам исключительного ведения федерации. Наиболее явственна необходимость согласования федеральной и региональной полицейской деятельности в сфере оборота правоохранительной информации при соблюдении соответствующих правовых режимов, особенно применительно к обороту персональных данных (Personenbezogener Daten).

Правовая регламентация в этой сфере отнесена к ведению федерации, закреплена федеральным законом о защите персональных данных (BDSG) и детализирована директивами ЕС (EU-DSGVO). В соответствии с этими источниками под аккумуляцией, или сбором, персональных данных (Speichern) понимается их аналитическое восприятие (Erfassen), их прием (Aufnehmen) и хранение (Aufbewahren) на машиночитаемых носителях в целях дальнейшей переработки и использования. Таким образом, под Speichern понимается совокупность аналитических действий, обусловленных их оборотом, а именно — внесением в персональные данные необходимых коррективов (Verändern) и последующим использованием в правоохранительных целях (Nutzen).

Очевидно, что Verändern представляет собой совокупность аналитических действий, в основе которых сущностное преобразование персональных данных (inhaltliche Umgestalten), то есть внесение в их содержание коррективов, опосредованных полицейскими потребностями (Bundesdatenschutzgesetz).

Под использованием персональных данных немецкая полицистика понимает их приме-

нение исключительно в правоохранных целях, т.е. применительно к обеспечению законных публичных потребностей. Наряду с ними особой правовой защите подлежат также права и интересы заинтересованного лица (Rechte der betroffenen Person) — физического лица частного или публичного права, информация о котором аккумулируется и обрабатывается. Обеспечение защиты прав заинтересованных лиц — основополагающая цель Polizei- und Ordnungsrecht, такие права подлежат безусловной защите на всех этапах оборота персональных данных. Оперативные полицейские мероприятия должны предотвращать не санкционированное заинтересованным лицом распространение таких данных⁵.

Применительно к полицейским органам значимым объемом прав в использовании персональных данных наделена Федеральная служба криминальной полиции, в этих целях используются базы данных, аккумулирующие сведения, необходимые для целей пресечения или предотвращения правонарушений в сферах экстремизма и терроризма.

ВКА в полицейском праве и праве общественной безопасности рассматривается в качестве основополагающей административной инстанции (Zentralstelle), объединяющей информационные системы и комплексы федерального и регионального подчинения в единый информационный комплекс (einheitlichen Verbundessystem).

В этой связи в обиход полицейского права и права общественного порядка вводится понятие единой системы обработки правоохранной информации (polizeilichen Informationsverbund). В этом смысле прилагательное polizeilich следует рассматривать в его сущностном правоохранном значении, как это и предусмотрено Федеральным законом о ВКА (ВКАГ), в соответствии с которым обеспечение указанной интеграционной функции ВКА характеризуется в качестве основополагающей задачи этого ведомства.

Передача персональных правоохранных данных затрагивает права и интересы не только полиции и заинтересованного лица, в этом

⁵ Besonderes Verwaltungsrecht / F. Schoch (Hrsg.). S. 224–225, 232.

случае в информационные отношения вступает «третье лицо» — физическое или юридическое лицо частного или публичного права, получающее персональные данные.оборот персональных данных в этих случаях допускается между федеральными и региональными правоохранительными органами для устранения реальной или потенциальной угрозы охраняемым интересам. Особое место в подобной информационной интеграции отводится обмену правоохранной информацией между государствами — участниками ЕС, в ходе которого преследуется цель предотвращения преступлений.

В немецком полицейском праве и праве общественного порядка установлены различные правовые режимы для передачи персональных данных публичным или непубличным инстанциям. Применительно к последним оборот персональных данных допускается для предотвращения правонарушений в игровых видах спорта — в этих целях возможен обмен информацией о реальных или потенциальных болельщиках-правонарушителях (Ultras) при проведении международных соревнований между полицейскими органами стран ЕС либо в международном масштабе в целях недопуска таких лиц на стадионы и в иные места, связанные с проведением соревнований.

Некоторые законы — источники полицейского права или права общественного порядка — регламентируют передачу информации как публичным, так и непубличным лицам в целях проверки благонадежности при проведении потенциально опасных общественно-политических акций или мероприятий в сфере культуры с большим количеством участников. Обмен данными в этих случаях требует письменного уведомления заинтересованных лиц и информирования о прохождении различных этапов передачи данных, обмен информации ограничен применительно к непубличным инстанциям.

Соблюдение прав заинтересованного лица — основополагающее требование оборота персональных данных, оно должно быть обеспечено правомочиями полиции в полном объеме. Заинтересованное лицо вправе требовать удаления сведений о нем в тех случаях, когда такие све-

дения были неправомерно заблокированы и в постоянном уведомлении банка данных для выполнения задания полиции нет необходимости.

Все полицейские мероприятия, обусловленные оборотом персональных данных для целей правоохранительной деятельности, подлежат постоянному парламентскому контролю. В решении 2016 г. о соответствии Основному закону Германии Закона о Федеральной службе криминальной полиции Федеральный конституционный суд Германии указал на недопустимость закрытого оборота персональных данных в правоохранительных целях и на важность обеспечения надлежащего контроля в этой сфере. Парламентский контроль за надлежащим оборотом правоохранительной информации проводится и на федеральном, и на региональном уровнях. Применительно к федеральным землям его проведение предусмотрено, в частности, в § 36 Закона о полиции Бремена, § 186 Закона о земельной администрации Шлезвиг-Гольштейна, Законом о контрольных мероприятиях в Саксонии (Sächs KontrollIG), полицейским законодательством Нижней Саксонии (§ 37a NDs SOG). На федеральном уровне парламентский контроль в сфере оборота персональных данных для правоохранных целей регулируется в § 88 BKAG.

Правительства федеральных земель обязаны оповещать органы региональной законодательной власти о проведении парламентского контроля, установленного полицейским законодательством многих федеральных земель, в частности Баден-Вюртемберга, Баварии, Берлина, Бранденбурга, Гамбурга, Гессена, Мекленбурга, Северного Рейна — Вестфалии, Рейнланд-Пфальца, Саара, Саксонии, Саксонии-Анхальт и Тюрингии.

В качестве источников полицейского законодательства, наряду с региональными законами о земельной полиции (именно они в большинстве случаев и регулируют отношения, связанные с обеспечением парламентского контроля), выступают предписания специального полицейского законодательства, принятого в отдельных федеральных землях, в частности Общего закона об охране общественной безопасности

и правопорядка в Берлине, Закона о полиции и органах охраны общественного порядка Рейнланд-Пфальца.

Полицейским правом и правом общественной безопасности регулируются отношения, связанные со сбором (аккумуляцией), обработкой и использованием персональных данных — информации, позволяющей идентифицировать соответствующее лицо. Оборот персональных данных рассматривается в общем контексте правоохранных полномочий полиции. Последние адаптивны к различным видам административной деятельности полиции. *Polizei* в немецком праве, как было отмечено выше, представляет собой абстрактное понятие, отождествляемое не только с соответствующим правоохранительным органом; под термином *Polizei* понимается и сам процесс правоохраны, публичная деятельность создаваемых в этих

целях органов, что, в свою очередь, предполагает и условность основополагающих понятий *Polizeireecht*, избирательность их применения, опосредованную сущностью и особенностями правоохранительной деятельности. В частности, понятие *Ordnungsbehörden* (органы охраны правопорядка) тождественно термину *Polizeiverwaltungsbehörden* (органы управления полицией) или *Sicherheitsbehörden* (органы охраны общественного порядка).

Основополагающее понятие полицейского права — *Gefahrenabwehr* (защита от опасности) — понимается неоднозначно, поскольку прежде всего имеется в виду именно абстрактная опасность (*abstrakte Gefahr*), угрожающая общественной безопасности и правопорядку; в зависимости от существования реальной или потенциальной угрозы применяются и конкретные меры защиты, используемые, как правило, *ad hoc*.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Battis U.* Allgemeines Verwaltungsrecht. — 2. Auflage. — Heidelberg, 1997.
2. *Besonderes Verwaltungsrecht / Achterberg/Püttner/Würtenberger (Hrsg.)*. — Band I. — 2. Auflage. — 2000.
3. *Besonderes Verwaltungsrecht / Ehlers/Fehling/Pünder (Hrsg.)*. — Band I. — 3. Aufl. — 2012.
4. *Besonderes Verwaltungsrecht / F. Schoch (Hrsg.)*. — 2018.
5. *Besonderes Verwaltungsrecht*. — 12. Auflage / S. Bachman, G. Baumgartner, R. Feik, C. Fuchs, K. Giese, D. Jahnel, G. Lienbacher (Hrsg.). — Verlag Österreich, 2018.
6. *Besonderes Verwaltungsrecht*. — 9. Auflage / Steiner / Brinkting (Hrsg.). — 2018.
7. *Besonderes Verwaltungsrecht. Baurecht und Sicherheitsrecht mit Bezügen zum Verwaltungsprozessrecht und zum Staatshaftungsrecht / A. Seidel, R. Stendel, R. Lang*. — 4. Auflage. — München, 2023.
8. *Detterbeck*. Allgemeines Verwaltungsrecht. — 16. Auflage. — 2018.
9. *Erbguth/Mann/Schubert*. Besonderes Verwaltungsrecht. — 12. Auflage. — 2015.
10. *Hofmann/Hildebrandt/Gunia/Zeissler*. Allgemeines Verwaltungsrecht. — 12. Auflage. — 2022.
11. *Kahl/Schmid*. Allgemeines Verwaltungsrecht. — 8. Auflage. — Wien, 2023.
12. *Knemeyer F.-L.* Polizei- und Ordnungsrecht. — 7. Auflage. — 1998.
13. *Rohde/Lustig/Wöhler*. Allgemeines Verwaltungsrecht. — 18. Auflage. — 2024.
14. *Rüfner W.* Besonderes Verwaltungsrecht, Polizei- und Ordnungsrecht. Kommunalrecht. — Neuwied; Krifter : Lichterhand, 2000.
15. *Schweickhardt/Vondung/Zimmermann-Kreher*. Allgemeines Verwaltungsrecht. — 11. Auflage. — 2021.

Материал поступил в редакцию 4 января 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Battis U. Allgemeines Verwaltungsrecht. — 2. Auflage. — Heidelberg, 1997.
2. Besonderes Verwaltungsrecht / Achterberg/Püttner/Würtenberger (Hrsg.). — Band I. — 2. Auflage. — 2000.
3. Besonderes Verwaltungsrecht / Ehlers/Fehling/Pünder (Hrsg.). — Band I. — 3. Aufl. — 2012.
4. Besonderes Verwaltungsrecht / F. Schoch (Hrsg.). — 2018.
5. Besonderes Verwaltungsrecht. — 12. Auflage / S. Bachman, G. Baumgartner, R. Feik, C. Fuchs, K. Giese, D. Jahnel, G. Lienbacher (Hrsg.). — Verlag Österreich, 2018.
6. Besonderes Verwaltungsrecht. — 9. Auflage / Steiner / Brinkting (Hrsg.). — 2018.
7. Besonderes Verwaltungsrecht. Baurecht und Sicherheitsrecht mit Bezügen zum Verwaltungsprozessrecht und zum Staatshaftungsrecht / A. Seidel, R. Stendel, R. Lang. — 4. Auflage. — München, 2023.
8. Detterbeck. Allgemeines Verwaltungsrecht. — 16. Auflage. — 2018.
9. Erbguth/Mann/Schubert. Besonderes Verwaltungsrecht. — 12. Auflage. — 2015.
10. Hofmann/Hildebrandt/Gunia/Zeissler. Allgemeines Verwaltungsrecht. — 12. Auflage. — 2022.
11. Kahl/Schmid. Allgemeines Verwaltungsrecht. — 8. Auflage. — Wien, 2023.
12. Knemeyer F.-L. Polizei- und Ordnungsrecht. — 7. Auflage. — 1998.
13. Rohde/Lustig/Wöhler. Allgemeines Verwaltungsrecht. — 18. Auflage. — 2024.
14. Rüfner W. Besonderes Verwaltungsrecht, Polizei- und Ordnungsrecht. Kommunalrecht. — Neuwied; Krieger: Lichteherand, 2000.
15. Schweickhardt/Vondung/Zimmermann-Kreher. Allgemeines Verwaltungsrecht. — 11. Auflage. — 2021.

Зарубежный опыт применения мер административного принуждения государственными органами, входящими в систему обеспечения национальной безопасности

Аннотация. В статье анализируются особенности правового регулирования мер административного принуждения в зарубежных государствах и опыт их применения специализированными государственными органами, обеспечивающими национальную безопасность. Установлено, что в Австрии, Великобритании, Германии, Италии, Испании, КНР, США, Франции, Швейцарии и других государствах, так же как и в России, в целях обеспечения национальной безопасности применяются такие сходные по предназначению меры административного принуждения, как задержание лиц (полицейское задержание, превентивное задержание, задержание для проверки личности); задержание транспортных средств; обыск и/или досмотр помещений, зданий, сооружений; личный обыск и/или личный досмотр лиц; изъятие предметов и документов и т.п. Но есть и такие меры административного принуждения, которые применяются в конкретных зарубежных государствах либо имеют особенности применения. К таковым, в частности, можно отнести: изучение информации с электронных устройств граждан; «обыск» электронных носителей информации с помощью специального оборудования или вредоносных компьютерных программ; применение технологий искусственного интеллекта для предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений; опрос (полицейский опрос); замораживание депозитов и денежных переводов; проверка документов, корреспонденции в банках с целью обнаружения вещей, подлежащих изъятию, или выяснения обстоятельств; препровождение/выдворение лица из определенного участка местности или объекта, запрет вхождения на определенный участок местности или объект и др.

Ключевые слова: административное принуждение; меры административного принуждения; зарубежное законодательство; национальная безопасность; зарубежный опыт; специализированные государственные органы зарубежных стран; применение мер административного принуждения; государственная безопасность; задержание; досмотр; изъятие; предупреждение преступлений и правонарушений.

Для цитирования: Головина Ю. П. Зарубежный опыт применения мер административного принуждения государственными органами, входящими в систему обеспечения национальной безопасности // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 156–164. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.156-164.

© Головина Ю. П., 2025

* Головина Юлия Павловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин Института комплексной безопасности Академии ГПС МЧС России
Бориса Галушкина ул., д. 4, г. Москва, Российская Федерация, 129366
yuligolovina@yandex.ru

Foreign Experience in the Application of Administrative Coercion Measures by State Bodies within the National Security System

Yulia P. Golovina

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Disciplines and the Humanities, Institute of Comprehensive Security, Academy of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia, Moscow, Russian Federation
yuligolovina@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the features of the legal regulation of administrative coercion measures in foreign states and the experience of their application by specialized state bodies ensuring national security. It is established that in the USA, Great Britain, Germany, Austria, Switzerland, France, Italy, Spain, the People's Republic of China, and other states, as well as in Russia, similar administrative coercion measures are applied for the purposes of ensuring national security. These include the detention of individuals (police detention, preventive detention, detention for identity verification); detention of vehicles; search and/or inspection of premises, buildings, structures; personal search and/or frisking of individuals; seizure of items and documents, etc. However, there are also administrative coercion measures that are applied in specific foreign states or have certain application features. Such measures may include, in particular, the following: examining information from citizens' electronic devices; «searching» electronic data storage media using special equipment or malicious computer programs; applying artificial intelligence technologies to prevent and suppress offenses and crimes; questioning (police questioning); freezing deposits and money transfers; inspecting documents and correspondence in banks to discover items subject to seizure or to clarify circumstances; escorting/removing an individual from a specific area or object; prohibiting entry to a specific area or object; and others.

Keywords: administrative coercion; administrative coercion measures; foreign legislation; national security; foreign experience; specialized government agencies of foreign countries; application of administrative coercion measures; state security; detention; inspection; seizure; prevention of crimes and offenses.

Cite as: Golovina YuP. Foreign Experience in the Application of Administrative Coercion Measures by State Bodies within the National Security System. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):156-164. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.156-164.

Изучение опыта применения мер административного принуждения в целях обеспечения государственной (национальной) безопасности и его регулирования в законодательстве стран с англосаксонской, романо-германской системой права и юго-восточной (дальневосточной) азиатской правовой семьи позволило нам выделить следующие значимые для настоящего сравнительно-правового исследования обстоятельства:

1. Правовое регулирование применения мер административного принуждения в целях обеспечения национальной безопасности в различных государствах имеет свою специфику, которая predetermined не только историческими и культурными традициями, но экономическими, политическими, социальными условиями,

а также подходами государств к обеспечению внешней и внутренней безопасности.

2. Реализация института административного принуждения во многих государствах зависит не только от особенностей правового регулирования института административного принуждения, но и от влияния практической реализации полномочий специализированных государственных органов, обеспечивающих национальную безопасность, их организационного построения и административно-правового статуса в конкретном государстве.

3. Во многих иностранных государствах отсутствует четкая концептуальная основа, позволяющая отграничить меры административного принуждения от иных мер государственного воздействия, а также уголовные наказания от

административных. В законодательстве большинства государств не предусмотрено отличий преступлений от административных правонарушений, как в законодательстве Российской Федерации, стран СНГ и некоторых социалистических государствах (Болгарии, Латвии, Литве, Польше, Сербии, Словении и Хорватии), или же имеет место многоступенчатая классификация противоправных деяний (преступлений) на основании тяжести последствий в сочетании с наличием или отсутствием умысла (страны англосаксонской системы права)¹. А. В. Шевцов указывает, имея в виду страны англосаксонской правовой семьи, что «в этих государствах административные правонарушения представляют собой особую категорию противоправных деяний, которые могут быть совершены исключительно лицами, наделенными административными (управленческими) полномочиями, либо имеющими какое-либо специальное право или разрешение (управление ТС, медицинская практика и т.п.). Тогда как противоправные деяния, совершаемые лицами, не наделенными особым или специальным административно-правовым статусом (например, простыми гражданами), по степени общественной опасности дифференцируются на уголовные преступления и уголовные проступки. Поэтому в большинстве государств мира в отношении участников правоотношений, не обладающих вышеуказанными административно-статусными полномочиями, применяется уголовно-процессуальный порядок привлечения к юридической ответственности за преступления и проступки»².

Сравнительно-правовое исследование опыта правового регулирования применения мер административного принуждения (либо аналогичных им мер) в зарубежных государствах и Российской Федерации позволяет выделить определенные сходства и различия в правовом регулировании и особенностях применения та-

ких мер специализированными государственными органами, обеспечивающими национальную безопасность. Так, практически во всех странах используются некоторые универсальные меры административного принуждения, которые могут носить различные названия, но иметь одинаковое целевое назначение и сходный порядок их применения:

1. В Австрии, Великобритании, Германии, Италии, Испании, КНР, США, Франции, Швейцарии и других государствах, как и в России, применяются такие сходные по предназначению меры административного принуждения, как задержание лиц (полицейское задержание, превентивное задержание, задержание для проверки личности); задержание транспортных средств; обыск и/или досмотр помещений, зданий, сооружений; личный обыск и/или личный досмотр лиц; изъятие предметов и документов и т.п.

2. В большинстве зарубежных государств применяются следующие меры административной ответственности (административные взыскания, санкции за проступки): предупреждение; штрафы; запреты (осуществления определенной деятельности, управления транспортным средством, получения финансовой помощи от государства и др.).

Несмотря на процессы унификации законодательства и имплементации международных норм большинством государств, подходы к применению мер административного принуждения в зарубежных государствах различны, и различаются не только виды применяемых специализированными органами мер административного принуждения, но и способы их реализации.

Наибольший интерес представляют меры административного принуждения, применяемые в отдельных зарубежных странах специализированными государственными органами с целью обеспечения национальной безопасности. Помимо традиционных мер административного

¹ Например, в англосаксонском праве принята тройкая классификация преступлений: измена (treason); тяжкое преступление (felony); незначительное преступление, проступок, наказываемый в судебном порядке (misdemeanour). Misdemeanour по англосаксонскому праву может быть и административным проступком и преступлением.

² Шевцов А. В. Зарубежный опыт применения мер административного принуждения // Академическая мысль. 2020. № 1. С. 84.

принуждения, применяемых в большинстве зарубежных государств (задержание, досмотр, доставка, изъятие вещей и документов и т.п.), выделяются и уникальные меры. К таким мерам, в частности, можно отнести:

1. Изучение информации с электронных устройств граждан и/или «обыск» электронных носителей информации с помощью специального оборудования или компьютерных программ.

Так, в Великобритании действует закон *Police and Criminal Evidence Act* («О полиции и доказательствах по уголовным делам»), который позволяет полицейским без ордера изучать информацию, содержащуюся на электронных устройствах граждан, подозреваемых в совершении преступлений или правонарушений. Закон о полиции и преступности 2017 г. наделяет сотрудников полиции, а также Службу пограничного контроля и иммиграции Великобритании полномочиями по «проникновению в частную собственность, в том числе с помощью специального оборудования»³, в связи с чем полиция и другие специализированные органы Великобритании уполномочены использовать специальные системы, способные считывать данные с заблокированных мобильных устройств за считанные минуты⁴.

В США ФБР на законных основаниях использует нестандартные формы «обыска», такие как компьютерные программы для исследования компьютера граждан. Так, старший окружной судья Дэвид Алан Эзра (David Alan Ezra) постановил, что скрытую отправку кода на компьютер с целью получения информации следует считать обыском, имеющим основания согласно Четвер-

той поправке к Конституции США⁵. При этом в США был прецедент, заключающийся в том, что на основании одного ордера на обыск агенты ФБР запустили программу на сайте и благодаря этому смогли идентифицировать тысячи людей по их IP-адресам. В итоге их действия признаны судом правомерными, а доказательства, полученные таким путем, — надлежащими доказательствами.

В КНР с 1 июля 2024 г. вступило в силу Положение об административных правоприменительных процедурах органов государственной безопасности, изданное Указом № 3 Министерства национальной безопасности Китайской Народной Республики от 26.04.2024⁶, в соответствии с которым в целях борьбы со шпионажем МГБ КНР наделено полномочиями собирать «электронные данные» с личных устройств лиц, пересекающих государственную границу КНР, включая текстовые сообщения, электронную почту, мгновенные сообщения, групповые чаты, документы, изображения, аудио- и видео-файлы, приложения и записи журналов.

2. Применение технологий искусственного интеллекта для предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений.

В Китае для профилактики преступности используется программа, представленная компанией *Cloud Walk Technology*, которая позволяет распознавать лица с использованием трехмерного структурированного света. Такая система имеет результативность 99 % и превосходит большинство аналоговых систем⁷.

В ФБР имеется отдельное подразделение поведенческого анализа, которое, используя

³ *Policing and Crime Act 2017*. UK Public General Acts // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/3/contents> (дата обращения: 10.12.2024).

⁴ *Webster A.* London police will soon be able to extract mobile phone data in minutes // URL: <https://www.theverge.com/2012/5/17/3026204/london-metropolitan-police-mobile-data-extraction> (дата обращения: 12.12.2024).

⁵ *Wagner L.* Federal Judge Rules FBI Can't Hack Someone's Computer Without Warrant // URL: <https://slate.com/technology/2016/09/federal-judge-rules-fbi-cant-hack-someones-computer-without-warrant.html> (дата обращения: 20.11.2024).

⁶ 景云峰蒋梦飞 首部《国家安全机关行政执法程序规定》哪些条文值得跨国企业关注 // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=62785c16-7202-4fa8-97d7-857c3776803d>.

⁷ *Дроздов В. Ю.* Использование искусственного интеллекта для предупреждения преступности // Закон и право. 2021. № 9. С. 114–117.

технологии искусственного интеллекта, помогает агентам ФБР пресекать противоправную деятельность лиц еще на стадии подготовки к совершению преступлений, а также раскрывать дела на основе создания профиля личности подозреваемого. Кроме того, данное подразделение занимается «географическим профилированием», в ходе которого происходит компьютерное моделирование и выявляются места возможного совершения преступлений или нахождения предполагаемых преступников⁸. Разработанная американской компанией Athena Security система видеонаблюдения способна с точностью до 99 % идентифицировать оружие. Технология предназначена для автоматического оповещения правоохранительных органов⁹.

3. Опрос (полицейский опрос) в ряде государств (Италия, ФРГ, Франция и др.) считается мерой принуждения, поскольку опрашиваемое лицо в ходе применения обозначенной меры подчиняется требованиям должностного лица, которое проводит опрос, и не может по своему желанию его прекратить. Лариса фон Вольф указывает, что в ФРГ полицейский опрос (*die polizeiliche Befragung*) — это обращенное к гражданину требование о выдаче информации. В одних землях данной мере посвящено специальное правовое регулирование, в других она применяется в порядке реализации общих полицейских полномочий. Поступающий от полицейского вопрос расценивается как полицейское распоряжение¹⁰. Во Франции статистические сведения показывают, что опрос граждан является наиболее часто применяемой мерой административного принуждения и осуществляется правоохранительными органами ежедневно более чем в 93 % случаев¹¹.

4. Замораживание депозитов и денежных переводов (КНР). В соответствии с Законом КНР «Об административном принуждении» замораживание депозитов и денежных переводов как мера административного принуждения может применяться уполномоченными административными органами в сумме, эквивалентной средствам, задействованным в незаконном деянии. В течение 30 дней с даты замораживания депозитов и денежных переводов административный орган принимает решение об обращении с замораживанием или его отмене. В отдельных случаях указанный срок может быть продлен, но не более чем на 30 дней, если иное не предусмотрено законом.

5. Проверка документов, корреспонденции в банках с целью обнаружения вещей, подлежащих изъятию, или для установления других обстоятельств во многих государствах относится к мере административного принуждения. Например, в Италии, по утверждению Мауро Валери, данная мера принуждения предшествует такой принудительной мере, как «изъятие корреспонденции в почтовых и телеграфных отделениях, а также документов, ценных бумаг, ценностей и сумм в банках»¹².

6. Препровождение/выдворение лица из определенного участка местности или объекта, запрет вхождения на определенный участок местности или объект (ФРГ). «Эти меры являются устными или конклюдентными административными актами, адресуемыми гражданину. В нормах разных земель устанавливается различная продолжительность указанных запретов, но общим является то, что их действие всегда ограничено по времени (от нескольких дней до 12 месяцев, если речь идет о выдворении из

⁸ *Grabianowski E.* How the FBI Works // URL: <https://people.howstuffworks.com/fbi.htm> (дата обращения: 10.01.2024).

⁹ AI-based Athena security camera system can detect guns and alert the authorities // URL: <https://www.digit.in/news/general/ai-based-athena-security-camera-system-can-detect-guns-and-alert-the-authorities-43806.html> (дата обращения: 16.11.2024).

¹⁰ *Вольф Л.* Полицейское принуждение в ФРГ // *Полицейское право.* 2008. № 1 (11). С. 121.

¹¹ *Daubresse M.-Ph.* Sur le contrôle et le suivi de la loi No. 2017-1510 du 30 octobre 2017 renforçant la sécurité intérieure et la lutte contre le terrorisme // *Commission des lois du Sénat.* 2020. P. 38–39.

¹² *Mauro V.* Le funzioni della Polizia Giudiziaria e la documentazione dei suoi atti — *Polizia Moderna* // URL: <https://www.studiolegaledelalla.it/polizia-giudiziaria-atti-documentazione/> (дата обращения: 10.02.2024).

населенного пункта). Тем самым отдается должное конституционно-правовому запрету ограничения физической свободы действий граждан, закрепленному Основным законом ФРГ»¹³.

Зарубежный опыт свидетельствует и о различных правомочиях по применению мер административного принуждения специализированными государственными органами, входящими в систему обеспечения национальной безопасности. Причем в ряде зарубежных государств в последнее десятилетие наметилась тенденция более жесткого ограничения прав и свобод граждан в целях обеспечения национальной безопасности.

Так, в США любое лицо (гражданин США или иностранный гражданин), подозреваемое в связях с терроризмом, может быть подвергнуто административному задержанию агентами ФБР на срок до 7 дней. Генеральный прокурор Соединенных Штатов по своему усмотрению может продлить этот срок до 6 месяцев, а само это продление может быть продлено на неопределенный срок.

В Великобритании по общему правилу задерживать лицо без предъявления обвинения и без санкции суда должностные лица специализированных государственных органов могут на срок не более 36 часов. Мировой судья может продлить задержание без предъявления обвинения каждый раз на срок не более 36 часов. При этом общий срок задержания без предъявления обвинения не может быть более 96 часов¹⁴. Иные сроки предусмотрены в Великобритании для задержания лиц, подозреваемых в террористической деятельности или шпионаже. Вновь принятым Законом «О национальной безопасности» 2023 г. внесены изменения в другие законодательные акты и установлено, что констебль может арестовывать без ордера иностранного гражданина, которого он обоснованно подозревает в причастности к деятельности, угрожающей национальной безопасности, и без предъявления обвинений ограничивать его свободу на срок до 48 часов. Далее ордером срок задержания такого гражданина может быть продлен до 7 дней с возможностью ходатайствовать о дальнейшем продлении максимум до 14 дней¹⁵.

В ФРГ задержание полиции по общему правилу не должно превышать 48 часов, однако в исключительных случаях срок такого задержания в соответствии с законом о полиции ФРГ не должен превышать 4 дней.

Затрагивая вопрос, связанный с полномочиями различных специализированных государственных органов зарубежных стран по применению тех или иных мер административного принуждения, следует отметить, что в отдельных случаях, когда речь идет о национальной безопасности государства, а также противодействию терроризму или шпионажу, судебная практика демонстрирует довольно широкие возможности ограничения прав и свобод граждан отдельными должностными лицами.

Подобное, например, наглядно прослеживается в США. Так, согласно материалам дела «Абель против Соединенных Штатов» сотрудники Службы иммиграции и натурализации арестовали заявителя на основании административного ордера на депортацию, обыскали гостиничный номер и багаж, а также изъяли определенные предметы. После этого агент ФБР, с согласия администрации отеля, произвел обыск гостиничного номера без ордера и присутствия лица, чьи вещи он обыскивал, и изъял определенные вещи и документы, оставленные заявителем. Изъятые таким образом предметы были приобщены к уголовному делу в качестве доказательств. Верховный суд США постановил, что действия агента ФБР были правомочны, и про-

¹³ Вольф Л. Указ. соч. С. 122.

¹⁴ Ковалёв Н. П. Заключение под стражу по решению суда в ряде европейских стран (Германия, Италия, Англия, Франция) // URL: <https://journal.zakon.kz/203496-zakljuchenie-pod-strazhu-po-resheniju.html#:~:textn> (дата обращения: 11.01.2024).

¹⁵ Powers of arrest and detention: National Security Bill factsheet // URL: <https://bills.parliament.uk/bills/3154> (дата обращения: 11.02.2024).

изводимые им обыски и изъятия не нарушали Четвертую или Пятую поправку¹⁶.

Другим примером жесткого и в отдельных случаях необоснованного ограничения основных прав и свобод граждан в целях обеспечения национальной безопасности США является политика, проводимая в отношении задержанных властями США в различных странах в ходе «войны с терроризмом», при которой с 2002 г. около 780 заключенных содержались в американской военной тюрьме в Гуантанамо-Бей на Кубе. Из них только 9 человек были официально обвинены в военных преступлениях, остальные содержались в заключении, как правило, без предъявления уголовных обвинений и без указания срока задержания¹⁷. Так, в деле «Аль-Хела против Трампа» судебная коллегия округа Колумбия постановила в 2020 г., что Положение о надлежащей правовой процедуре, включая предусмотренные в нем процессуальные права, не распространяется «на иностранцев, не имеющих собственности или присутствия на суверенной территории Соединенных Штатов».

Для справки: г-н Хела, гражданин Йемена, был схвачен в Каире в сентябре 2002 г., около 590 дней содержался под стражей в Центральном разведывательном управлении и в 2004 г. был отправлен в Гуантанамо. На протяжении более чем 20 лет его вина в совершении преступлений доказана не была. Он неоднократно пытался добиться соблюдения своих процессуальных прав в судах США. 17 июня 2021 г. Комиссия по периодическим проверкам сообщила, что он может быть переведен с обеспечением безопасности и лишь 6 января 2025 г. он был переведен на программу реабилитации в Омане¹⁸.

В Великобритании, так же как и в США, существует национальная система бессрочного административного задержания для лиц, признанных «международными террористами», которая была введена вскоре после терактов 11 сентября. Тогда Великобритания частично отступила от ст. 5 Европейской конвенции по правам человека и приняла Закон 2001 г. о борьбе с терроризмом, преступностью и безопасностью. Европейский Суд по правам человека счел это отступление и четвертую часть Закона 2001 г. несовместимыми с Европейской конвенцией по правам человека (ЕКПЧ), что привело к замене режима административного задержания новой системой контрольных предписаний в соответствии с Законом о предотвращении терроризма 2005 г.¹⁹

Интересный подход выработан в США и относительно сроков иммиграционного задержания, которые могут пролонгироваться на многие месяцы, а иногда и годы. Как указывают Рэнди Кэппс, Дорис Мейснер, иммиграционное задержание — это административная, а не уголовная процедура, целью которой является принудительное выдворение иммигрантов, совершивших гражданское правонарушение, либо въехав в Соединенные Штаты без разрешения, либо нарушив условия своих виз²⁰. Исследование, которое провели сотрудники кафедры права и социологии юридического факультета Гулдского университета Южной Калифорнии Эмили Райота и Иэна Пикокта, показывает, что средняя продолжительность содержания «под стражей» задержанных в сфере иммиграции взрослых, освобожденных в 2015 г., составила 38 дней, хотя десятки тысяч людей содержались под стражей в течение многих месяцев или лет.

¹⁶ *Al Hela v. Trump* (2020) // URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/us-dc-circuit/2083728.html> (дата обращения: 11.02.2024).

¹⁷ *The Guantánamo Docket* // URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/us/guantanamo-bay-detainees.html#detainee-682> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁸ *The Guantánamo Docket*.

¹⁹ *Hill-Cawthorne L. A.* Detention in the context of counterterrorism and armed conflict: Continuities and new challenges. *International Review of the Red Cross*. 2021 // URL: <https://doi.org/10.1017/S1816383121000333> (дата обращения: 17.10.2024).

²⁰ *Capps R., Meissner D.* From Jailers to Case Managers: Redesigning the U. S. Immigration Detention System to Be Effective and Fair. Washington, DC : Migration Policy Institute. URL: https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/mpi_rethinking-immigration-detention-2021_final.pdf (дата обращения: 02.12.2024).

В том же году на горячую линию информации о задержаниях поступило более 48 800 жалоб, связанных с задержанием, большинство из которых касались доступа к адвокату и базовой информации по иммиграционным делам²¹.

Л. Хилл-Коуторн утверждает, что в последнее время государства (имея в виду США и Великобританию и высказывая опасения, что подобный прецедент будет позаимствован другими странами) в целях борьбы с терроризмом прибегают к административным мерам, не ограничивающимся задержанием, и даже расширили их, в том числе такой мерой принуждения, предусмотренной международным гуманитарным правом, как «выделение места жительства»²².

Подводя итог изложенному, следует отметить, что опыт зарубежных государств по применению мер принуждения может быть полезен для Российской Федерации, в том числе в вопросе заимствования новых для России мер

административного принуждения, которые эффективно себя зарекомендовали, а также возможного расширения полномочий органов исполнительной власти, обеспечивающих государственную безопасность. При этом зарубежный опыт применения мер административного принуждения специализированными органами демонстрирует, что, с одной стороны, обеспечение национальной безопасности требует соответствующей реакции со стороны государства и органов исполнительной власти на новые вызовы и угрозы, в том числе связанной с совершенствованием мер административного принуждения и, возможно, образованием новых административно-принудительных мер. С другой стороны, любое ограничение прав и свобод граждан должно быть оправданным и детально регламентированным на законодательном уровне, соответствовать положениям Конституции Российской Федерации, принципам справедливости, равенства и соразмерности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вольф Л.* Полицейское принуждение в ФРГ // Полицейское право. — 2008. — № 1 (11). — С. 120–124.
2. *Дроздов В. Ю.* Использование искусственного интеллекта для предупреждения преступности // Закон и право. — 2021. — № 9. — С. 114–117.
3. *Ковалёв Н. П.* Заключение под стражу по решению суда в ряде европейских стран (Германия, Италия, Англия, Франция) // URL: <https://journal.zakon.kz/203496-zakljuchenie-pod-strazhu-po-resheniju.html#:~:textn> (дата обращения: 11.01.2024).
4. *Шевцов А. В.* Зарубежный опыт применения мер административного принуждения // Академическая мысль. — 2020. — № 1. — С. 83–87.
5. *Daubresse M.-Ph.* Sur le contrôle et le suivi de la loi No. 2017-1510 du 30 octobre 2017 renforçant la sécurité intérieure et la lutte contre le terrorisme. — Commission des lois du Sénat, 2020. — 39 p.
6. *Hill-Cawthorne L. A.* Detention in the context of counterterrorism and armed conflict: Continuities and new challenges. *International Review of the Red Cross*. — 2021. — URL: <https://doi.org/10.1017/S1816383121000333>.
7. *Ryo E., Peacock I.* A National Study of Immigration Detention in the United States // *Cal. L. Rev.* — 2018. — № 1.

Материал поступил в редакцию 15 января 2025 г.

²¹ *Ryo E., Peacock I.* A National Study of Immigration Detention in the United States // 92 *S. Cal. L. Rev.* 2018. № 1. P. 2.

²² *Hill-Cawthorne L. A.* Detention in the context of counterterrorism and armed conflict: Continuities and new challenges. *International Review of the Red Cross*. 2021. URL: <https://doi.org/10.1017/S1816383121000333>.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volf L. Politseyskoe prinuzhdenie v FRG // Politseyskoe pravo. — 2008. — № 1 (11). — S. 120–124.
2. Drozdov V. Yu. Ispolzovanie iskusstvennogo intellekta dlya preduprezhdeniya prestupnosti // Zakon i pravo. — 2021. — № 9. — S. 114–117.
3. Kovalev N. P. Zaklyuchenie pod strazhu po resheniyu suda v ryade evropeyskikh stran (Germaniya, Italiya, Angliya, Frantsiya) // URL: <https://journal.zakon.kz/203496-zakljuchenie-pod-strazhu-po-resheniju.html#:~:textn> (data obrashcheniya: 11.01.2024).
4. Shevtsov A. V. Zarubezhnyy opyt primeneniya mer administrativnogo prinuzhdeniya // Akademicheskaya mysl. — 2020. — № 1. — S. 83–87.
5. Daubresse M.-Ph. Sur le contrôle et le suivi de la loi No. 2017-1510 du 30 octobre 2017 renforçant la sécurité intérieure et la lutte contre le terrorisme. — Commission des lois du Sénat, 2020. — 39 p.
6. Hill-Cawthorne L. A. Detention in the context of counterterrorism and armed conflict: Continuities and new challenges. International Review of the Red Cross. — 2021. — URL: <https://doi.org/10.1017/S1816383121000333>.
7. Ryo E., Peacock I. A National Study of Immigration Detention in the United States // Cal. L. Rev. — 2018. — № 1.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.165-177

С. Х. Джиоев*

Взаимодействие региональных органов прокуратуры и конституционных (уставных) советов: понятие и формы

Аннотация. При проведении анализа взаимодействия прокуратуры и конституционных (уставных) советов в субъектах РФ автором рассматриваются понятие взаимодействия, формы взаимодействия, обозначена актуальность институционального диалога и заключения соглашений о сотрудничестве. Цель данного исследования — проанализировать содержание и формы правового взаимодействия региональных органов прокуратуры и конституционных (уставных) советов субъектов РФ, а также акцентировать значимость их институционального диалога в правозащитной сфере. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: раскрыть понятие правового взаимодействия органов прокуратуры и конституционного (уставного) совета; выявить правовые основы, возможные формы их взаимодействия (координационного взаимодействия в рамках соглашений о сотрудничестве, субординационного взаимодействия в прокурорско-надзорных отношениях); обосновать актуальность налаживания институционального диалога между прокуратурой и конституционным (уставным) советом в целях повышения эффективности их правозащитной деятельности в единой системе публичной власти. Научную новизну настоящей работы определяет акцент на понятии взаимодействия двух правозащитных государственных институтов — органов прокуратуры и конституционных (уставных) советов в субъектах РФ, уточнении возможных форм их взаимодействия.

Ключевые слова: Российская Федерация; субъекты РФ; единая система публичной власти; органы прокуратуры; конституционные (уставные) советы субъектов РФ; правовое взаимодействие; прокурорско-надзорные отношения; формы взаимодействия; институциональный диалог; соглашения о сотрудничестве.

Для цитирования: Джиоев С. Х. Взаимодействие региональных органов прокуратуры и конституционных (уставных) советов: понятие и формы // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 165–177. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.165-177.

© Джиоев С. Х., 2025

* Джиоев Сослан Хазбиевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
shdzhioev@msal.ru

Interaction between Regional Prosecutorial Bodies and Constitutional (Charter) Courts: Concept and Forms

Soslan Kh. Dzhioev, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Organization of Judicial and Prosecutorial-Investigative Activities, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
shdzhioev@msal.ru

Abstract. In conducting an analysis of the interaction between the prosecutor's office and constitutional (statutory) councils in the constituent entities of the Russian Federation, the author examines the concept of interaction, forms of interaction, and identifies the relevance of institutional dialogue and the conclusion of cooperation agreements. The purpose of this study is to analyze the content and forms of legal interaction between regional prosecutor's offices and constitutional (charter) councils of the constituent entities of the Russian Federation, as well as to emphasize the importance of their institutional dialogue in the human rights sphere. To achieve this goal, the following tasks have been set: to reveal the concept of legal interaction between the prosecutor's office and the constitutional (charter) council; to identify the legal basis, possible forms of their interaction (coordination interaction within the framework of cooperation agreements, subordination interaction in prosecutorial and supervisory relations); to substantiate the relevance of establishing an institutional dialogue between the prosecutor's office and the constitutional (charter) council in order to increase the effectiveness of their human rights activities in a single system of public authority. The scientific novelty of this work is defined by its focus on the concept of interaction between two state human rights institutions — prosecutorial bodies and constitutional (charter) courts in the constituent entities of the Russian Federation — and the refinement of their potential forms of interaction.

Keywords: Russian Federation; constituent entities of the Russian Federation; unified system of public authority; prosecutorial authorities; constitutional (charter) councils of constituent entities of the Russian Federation; legal interaction; prosecutorial and supervisory relations; forms of interaction; institutional dialogue; cooperation agreements.

Cite as: Dzhioev SKh. Interaction between Regional Prosecutorial Bodies and Constitutional (Charter) Courts: Concept and Forms. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):165-177. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.165-177

Исследование вопросов правового взаимодействия между органами публичной власти в Российской Федерации занимает важное место при решении проблемы укрепления правопорядка и обеспечения законности на основе понимания сложившихся подходов к «симфонии» российской публичной власти, пространственной организации ее принципиального единства¹.

Прокуратура РФ является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих прежде всего «надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина»², надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами государственной власти субъектов РФ, в том числе — в издаваемых ими правовых актах³. В числе

¹ Кабышев С. В. Сохранение и укрепление ценностно-мировоззренческих основ современной российской юридической науки // Вестник Тюменского государственного университета. Серия «Социально-экономические и правовые исследования». 2024. Т. 10. № 1. С. 127.

² Ст. 129 Конституции РФ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.03.2025).

³ П. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/?ysclid=m5i6u71jeq807613584 (дата обращения: 21.03.2025) (далее — Закон о прокуратуре).

приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры — «защита прав и законных интересов граждан, обеспечение единства правового пространства страны»⁴. В соответствии со ст. 9.1 Закона о прокуратуре, прокурор по результатам проведенной им антикоррупционной экспертизы нормативных актов органов публичной власти и их должностных лиц, вносит в орган, организацию или должностному лицу, которые издали этот акт, требование об изменении нормативного акта с предложением способа устранения выявленных коррупциогенных факторов либо обращается в суд. Прокуратура осуществляет надзор за исполнением в том числе конституций (уставов), законов субъектов РФ органами, входящими в единую систему публичной власти в субъектах РФ⁵. Прокурорам предписывается «принимать меры по усилению надзора за законностью нормативных правовых актов, издаваемых органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления»⁶.

В силу ст. 5 Конституции РФ субъекты РФ обладают собственной конституцией (республики), уставом (иные субъекты РФ) и законодательными органами. Среди региональных механизмов обеспечения единства правового пространства в субъектах РФ важную роль занимают превентивный и последующий надзор и контроль, осуще-

ствляемые органами прокуратуры и органами юстиции в отношении нормативных правовых актов органов государственной власти, однако анализ практики этого контроля показывает, что он сегодня находится на низком уровне⁷. При этом одним из направлений работы прокуратуры является взаимодействие с законодательными (представительными) органами власти субъектов РФ, включая их конституционные (уставные) советы.

Конституционные (уставные) советы субъектов РФ представляют собой специализированные государственные коллегиальные органы, предназначенные для обеспечения конституционной законности и согласования нормативных актов субъектов РФ с их конституциями (уставами). В литературе справедливо отмечается, что современная модель регионального конституционного (уставного) контроля приближена к европейской, в которой создаются региональные специализированные органы конституционного контроля, имеющие «вне судебную (“квази-судебную”) правовую природу»⁸. Конституционная реформа 2020 г. в России предопределила возникновение конституционных (уставных) советов при законодательных (представительных) органах субъектов РФ⁹. Дальнейшее регулирование развито в законах субъектов РФ о конституционных советах¹⁰. На момент напи-

⁴ См.: Генеральная прокуратура РФ : официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity> (дата обращения: 21.03.2025).

⁵ Ст. 63 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52. Ст. 8973.

⁶ Приказ Генерального прокурора РФ от 31.08.2023 № 583 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456411/ (дата обращения: 21.03.2025).

⁷ Азизова В. Т. Деятельность органов юстиции по обеспечению единства правового пространства на региональном уровне // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 12 (138). URL: <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.147> (дата обращения: 21.03.2025).

⁸ Митусова И. А. Региональный конституционный контроль в свете конституционной реформы 2020 года // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1. С. 40–49.

⁹ П. 7 ст. 5 Федерального конституционного закона от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // СЗ РФ. 2020. № 50. Ст. 8029.

¹⁰ Малютин Н. С., Сергеев С. Л. Институт региональной конституционной (уставной) юстиции в России: завершение истории? // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2022. № 4. С. 26–38.

сания статьи в России созданы конституционные советы в Республиках Адыгея¹¹, Башкортостан¹², Татарстан¹³, Саха (Якутия)¹⁴. Основное их назначение — осуществлять правовую охрану республиканских конституций: для этого совет может быть наделен региональным законодателем полномочиями по нормативному контролю (проверке нормативных актов и их проектов на соответствие республиканской конституции), по официальному толкованию конституции, по разрешению споров о компетенции между высшими органами власти субъекта¹⁵.

Мы не разделяем категорическое негативное мнение некоторых правоведов относительно нововведенных органов, обеспечивающих правовую защиту конституций (уставов) субъектов РФ. Так, нам представляются спорными утверждения А. Г. Гатауллина и Д. Р. Зайнутдинова о нецелесообразности связи конституционных (уставных) советов с высшими законодательными органами субъектов РФ, а также их вывод, что наилучший путь развития для квазисудебного органа конституционной юстиции — это его упразднение и возвращение к полноценному конституционному правосудию в регионах¹⁶. В свою очередь, мы полагаем, что так называемый основной недостаток конституционных советов, выражающийся в рекоменда-

тельном характере их заключений, может быть устранен путем установления эффективного взаимодействия между этими советами и правозащитными органами. К тому же интеграция правовых инструментов органов прокуратуры и судебной системы для реализации рекомендаций, выносимых советами, может существенно повысить их эффективность.

Таким образом, рекомендательный характер выносимых советами заключений может быть компенсирован с помощью выстраивания конструктивного взаимодействия конституционных советов с правозащитными органами власти и подключением к реализации выносимых советами заключений правового инструментария органов прокуратуры и суда.

Поэтому в сложившихся условиях особую актуальность приобретает исследование правовых аспектов взаимодействия органов прокуратуры субъектов РФ с созданными советами, правовые основы которого закреплены в федеральном и региональном законодательстве. Такое исследование имеет важное значение для укрепления единства законности и обеспечения действенной защиты прав и свобод в субъектах РФ.

Конституция РФ устанавливает нормы, подтверждающие необходимость взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной

¹¹ Закон Республики Адыгея от 28.04.2022 № 66 «О Конституционном совете Республики Адыгея» // Официальный портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0100202205010012> (дата обращения: 21.03.2025).

¹² Закон Республики Башкортостан от 21.11.2022 № 625-з (с изм. от 06.02.2025) «О Конституционном совете Республики Башкортостан» // Официальный информационный портал. URL: <https://gsrb.ru/ru/organization/konst-sovet/> (дата обращения: 21.03.2025).

¹³ Закон Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ «О Конституционном совете Республики Татарстан» // Официальный портал Республики Татарстан. URL: <https://konsov.tatarstan.ru/pravovie-osnovi-deyatelnosti.htm> (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁴ Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 № 2356-3 № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/574747374> (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁵ Подходы законодателей, учредивших в настоящее время конституционные советы, в определении объема полномочий таких советов различаются. Подробнее см., например: *Курятников В. В.* Полномочия конституционных (уставных) советов субъектов РФ как органов правовой охраны Основного закона // Вестник Тюменского государственного университета. Серия «Социально-экономические и правовые исследования». 2023. Т. 9. № 1. С. 92–108.

¹⁶ *Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р.* Конституционная юстиция субъектов Российской Федерации: шаг вперед, два шага назад // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 3. С. 184–185.

власти (ч. 2 ст. 80), с целью эффективного решения задач, направленных на удовлетворение интересов граждан, проживающих на соответствующих территориях (ч. 3 ст. 132). Процесс регулирования этого взаимодействия отражен в федеральном законе, который определяет общие принципы организации публичной власти в субъектах РФ. Актуализация содержания термина «взаимодействие» в ходе конституционной реформы 2020 г. хотя и оценивается конституционалистами в целом положительно (особенно на уровне субъектов Федерации), но не решает вопросы единообразного его понимания и отсутствия нормативного наполнения процедурного содержания его видов и форм¹⁷.

В теоретико-правовых исследованиях используется весьма широкий подход. Так, М. М. Зубович правовое взаимодействие рассматривает как «взаимно соотношенные активные действия (правовые коммуникации) субъектов правоотношений, осуществляемые ими путем реализации их прав и обязанностей, на базе осмысленных особенностей своего правового поведения, для достижения правовых целей»¹⁸. В диссертационных исследованиях категория «правовое взаимодействие» справедливо рассматривается как «особый вид соци-

альной коммуникации (способ осуществления общественных связей), представляющий собой взаимный обмен субъектов права юридически значимой деятельностью и (или) ее результатами, имеющий специфические среду функционирования, объект и структуру и онтологически проявляющийся в двух основных типах — юридическом содействии и юридическом противодействии»¹⁹.

В современной теории прокурорской деятельности в узкоспециальном значении «прокурорское взаимодействие» обычно рассматривается как «добровольное и равноправное сотрудничество прокуратуры с другими субъектами права, осуществляемого вне рамок прокурорского надзора и участия прокурора в судопроизводстве»²⁰. При этом, по мнению одних авторов, «взаимодействие» прокуратуры является самостоятельным видом прокурорской деятельности²¹, по мнению других, взаимодействие прокуратуры с органами власти и общественными структурами должно быть признано самостоятельной функцией прокуратуры РФ²².

Что касается более широкого значения термина «взаимодействие», то в литературе утверждается, что в аспекте деятельности органов прокуратуры взаимодействие может

¹⁷ Комарова В. В. Конституционная модель взаимодействия в конституционных актах современной России // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 10. С. 19.

¹⁸ Зубович М. М. О правовом взаимодействии субъектов правоотношений (на примере взаимодействия предпринимателей в экономико-правовом конфликте) // Вестник Бурятского университета. Серия 12, Юриспруденция. 2006. Вып. 2. С. 249–250.

¹⁹ Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 14–15.

²⁰ См.: Кобзарев Ф. М. Теоретико-правовые аспекты межведомственного взаимодействия органов прокуратуры и иных органов и организаций // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2018. № 2. С. 55.

²¹ Семенов А. С. Взаимодействие прокуратуры с органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере обеспечения законности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 12.

См. также: Таранцова Д. В. Взаимодействие российской прокуратуры и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в сфере защиты прав человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 11–12.

²² Доборез И. А., Кучерук Е. Н. Проблемы осуществления прокурором межведомственного взаимодействия в сфере экологии // Крымские юрид. чтения : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конференции (г. Ялта, 15–16 июня 2023) : в 2 т. / под общ. ред. Н. Н. Колюки ; сост. С. В. Герасимовский, А. Ф. Кравчук ; Крымский юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры РФ. Симферополь; Саратов : Амирит, 2023. Т. 1. С. 90–92.

являться одним из инструментов также при осуществлении непосредственно надзорных функций²³. Мы полагаем, что взаимодействие может выступать *формой* деятельности (например, совместной деятельности) или ее *компонентом* (коммуникация как часть сложной деятельности)²⁴, поэтому точнее было бы утверждать, что в широком смысле правовое взаимодействие свойственно всей сложной и многоплановой прокурорской деятельности. Ф. М. Кобзарев обоснованно предложил понимать прокурорское взаимодействие в подлинно широком смысле; он справедливо отмечает, что исходя из универсальности категории «взаимодействие» «прокурорское взаимодействие: а) используется прокурорами в тех или иных видах, формах во всех сферах отношений, субъектом которых выступает прокуратура; б) обеспечивает надлежащее эффективное осуществление как функций, так и иных направлений (участков) деятельности прокуратуры; в) фактически не имеет четко определенного и конкретизированного своего предмета»²⁵. Думается, что и в этом случае при характеристике прокурорского взаимодействия в широком аспекте недостает указания на возможное *противодействующее* взаимодействие субъектов права, прежде всего в прокурорско-надзорных отношениях.

В современной доктрине выделяют функцию участия прокуроров в правотворческой деятельности, которая находит свою реализацию

в таком виде деятельности современной российской прокуратуры, как «участие прокурора в правотворческой деятельности в целях обеспечения единства правовой политики, реализуемой Генеральной прокуратурой РФ, участия в формировании системы нормативных актов, способствования становлению единого правового пространства РФ, защиты прав и свобод человека и гражданина и др.»²⁶.

Органы прокуратуры, обеспечивая эффективное взаимодействие с органами публичной власти, должны активно участвовать в правотворческой деятельности. В этих целях им следует организовать максимально полное поступление и изучение проектов нормативных актов, участие в их обсуждении в составе рабочих групп, комиссий и на заседаниях органов власти, направление заключений по проектам нормативных актов, разработку и направление инициативных проектов нормативных актов и предложений по совершенствованию нормативной правовой базы²⁷. Органы прокуратуры обязаны установить эффективное взаимодействие с органами власти, включая обеспечение регулярного поступления нормативных актов и их проектов для проверки их соответствия законам, действующим на территории РФ, вести реестр изученных ими проектов нормативных актов²⁸. При этом для надзора за законностью актов прокуроры используют право участия в заседаниях органов публичной власти, проводят

²³ Алексеев Е. А., Механизм взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с органами публичной власти в сфере защиты прав и свобод личности: структурные признаки // Теория государства и права. 2023. № 1. С. 24–33.

²⁴ Обзор научных подходов к описанию структуры взаимодействия см.: Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 78–89.

²⁵ Кобзарев Ф. М. Теоретико-правовые аспекты межведомственного взаимодействия органов прокуратуры и иных органов и организаций // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2018. № 2. С. 54, 57–58.

²⁶ Прокурорский надзор: учебник и практикум для вузов / под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. С. 102–104, 430–431 (автор разделов — В. Г. Бессарабов).

²⁷ Приказ Генерального прокурора РФ от 31.08.2023 № 584 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407532854/> (дата обращения: 21.03.2025).

²⁸ П. 6.2 Положения об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации: утв. приказом Генерального прокурора РФ от 31.08.2023 № 584 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407532854/> (дата обращения: 21.03.2025).

«периодические проверки»²⁹. Органы прокуратуры на практике активно участвуют в правотворческой деятельности, укреплении единства правового пространства³⁰.

Поскольку созданные республиками конституционные советы наделены статусом не органов власти, а государственных органов, принимающих преимущественно рекомендательные (не юридически властные акты)³¹, в литературе, на наш взгляд, справедливо отмечается, что деятельность конституционных советов «проистекает из контрольной функции парламентов»³², поэтому взаимоотношения с конституционными советами в целом «следует выстраивать, ориентируясь на направления взаимодействия с законодательными органами субъектов РФ»³³.

Вместе с тем решения Конституционного совета Республики Татарстан подлежат обязательному рассмотрению органом, издавшим проверенный советом нормативный акт, не позднее 3 месяцев после опубликования заключения. Аналогичная обязанность рассмотрения решений совета закреплена в Республике Саха (Якутия). Поскольку законами республик закреплена такая обязанность, то само решение может быть оценено как *правовой акт*. Следовательно, решение (заключение) Конституцион-

ного совета, в силу ст. 21 Закона о прокуратуре, становится предметом прокурорского надзора и может повлечь применение мер прокурорского реагирования. Кроме того, должно быть обеспечено участие представителей прокуратуры в рассмотрении государственным органом протестов и представлений прокуратуры. Участвуя в рассмотрении государственными коллегиальными органами внесенных прокурорами протестов и представлений, прокурор имеет возможность выступить в обоснование своей правовой позиции, убедить должностных лиц в незаконности принятого ими акта или его части. Вся эта деятельность прокуроров, являясь по своей характеристике правовым взаимодействием с поднадзорными органами (осуществляемым не только при содействии, но и при возможном противодействии поднадзорного органа), способствует совершенствованию законодательства и укреплению законности.

Конституционные (уставные) советы могут выступать субъектами прокурорско-надзорных отношений³⁴ при обращении их в органы прокуратуры с заявлением (обращением) о применении мер прокурорского реагирования в случае непринятия соответствующими органами (их должностными лицами) мер по устранению вы-

²⁹ Приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 (в ред. от 10.09.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-ot-07122007-n-195/?ysclid=m8mzye9l1t79303003> (дата обращения: 21.03.2025).

³⁰ См.: Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации. Доклад в Совете Федерации. 24.04.2024 // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=94616909> (дата обращения: 21.03.2025).

³¹ См.: Курятников В. В. Конституционный (уставный) совет как специализированный орган правовой охраны конституции (устава) субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2024. С. 177.

³² Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р. Конституционная юстиция субъектов Российской Федерации: шаг вперед, два шага назад // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 3. С. 178.

³³ Тихалева Е. Ю. Конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации: правовой статус // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юрид. форума, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6–8 апреля 2023 г. : в 3 ч. М. : Издательский центр Ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 309.

³⁴ Мы исходим из «трехсторонней» характеристики прокурорско-надзорного отношения, предложенной в 1975 г. С. Г. Березовской (см.: Березовская С. Г. Сущность и основные характеристики правовых отношений в сфере прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2023. № 3. С. 127), а также из имеющего принципиальное значение подхода А. Ю. Винокурова, относящего взаимодействующих с прокуратурой лиц к субъектам, а не объектам прокурорско-надзорных правоотношений (см.: Вино-

явленных советом несоответствий. В. В. Курятников справедливо полагает, что «актуальным вариантом обеспечения конституционной законности видится обращение конституционного (уставного) совета к иным органам или должностным лицам с просьбой обратиться с административным иском в суд общей юрисдикции в отношении нормативного акта, противоречащего конституции (уставу) субъекта»³⁵. В целом взаимодействие органов прокуратуры с конституционными советами целесообразно строить в рамках прокурорско-надзорных отношений не столько по вертикальному авторитарному принципу субъект-объект, сколько по диагональному принципу субъект-субъектных правовых связей, что позволит избежать торможения развития взаимодействия и будет способствовать конструктивному движению к достижению общих правозащитных целей. Взаимодействие в форме противодействия, порой характерное для авторитарных связей, когда действия одного субъекта мешают действиям другого, препятствуют их совершенствованию и приводят к противоположным результатам, также может замедлить достижение общих правозащитных целей.

Обращения руководителей судебных и правоохранительных органов субъектов РФ передаются прокурорам субъектов РФ³⁶. Полагаем, что до внесения изменений в установленный порядок рассмотрения обращений можно, применив приведенную нами норму по аналогии, распространить ее действие на обращения председателей конституционных (уставных) советов.

Следует учитывать, что практика взаимодействия конституционных советов с органами власти находится в стадии становления, однако уже сейчас имеющиеся примеры: совместные соглашения с органами власти³⁷, совместное участие с работниками прокуратуры в научных форумах³⁸, участие прокуроров в заседаниях совета³⁹, представление советами в законодательный орган ежегодного доклада о деятельности конституционного совета в присутствии прокурора республики⁴⁰, осуществление советами права законодательной инициативы, когда их законопроект рассматривается законодательным органом в присутствии прокурора республики⁴¹, учет заключений совета в правозащитной сфере органами власти — свидетельствуют о заинтересованности советов в диалоге

куров А. Ю. Объекты и субъекты прокурорского надзора: проблемы законодательной идентификации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3. С. 23).

³⁵ Курятников В. В. Конституционный (уставный) совет как специализированный орган правовой охраны конституции (устава) субъекта Российской Федерации. С. 12.

³⁶ Инструкция о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ : утв. приказом Генерального прокурора РФ от 30.01.2013 № 45 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70212304/?ysclid=m8nd4uyprk0998147115> (дата обращения: 21.03.2025).

³⁷ См.: Выступление Председателя Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан К. Б. Толкачева о состоянии законодательства за 2024 г. на пленарном заседании 20.02.2025 // URL: https://gsrb.ru/ru/press-center/news/187918/?sphrase_id=11290 (дата обращения: 21.03.2025).

³⁸ Конституционный контроль может стать одной из форм защиты прав детей и молодежи. 30.05.2024 // URL: <https://konsov.tatarstan.ru/index.htm/news/2312498.htm> (дата обращения: 21.03.2025).

³⁹ В соответствии со ст. 25 Регламента Конституционного совета Республики Татарстан (в ред. от 14.11.2023 № 3-Р) уведомление о заседании Конституционного совета по рассмотрению обращения направляется также Прокурору Республики Татарстан.

⁴⁰ В соответствии со ст. 12 Закона о Конституционном совете Республики Татарстан Конституционный совет раз в год представляет в Государственный Совет доклад о своей деятельности (см.: Доклад о состоянии конституционной законности рассмотрен на заседании Государственного Совета. 28.03.2025 // URL: <https://gossov.tatarstan.ru/index.htm/news/3692.htm> (дата обращения: 28.03.2025).

⁴¹ В соответствии со ст. 76 Конституции Республики Башкортостан Конституционному совету Республики Башкортостан принадлежит право законодательной инициативы (Конституция Республики Башкортостан // URL: <https://base.garant.ru/17700023/?ysclid=m8rgkcbhhe697607758>).

с органами прокуратуры. Как верно отмечает В. В. Курятников, для прокуратуры диалог с советом — это возможность более эффективно выполнять свою конституционную функцию по надзору за соблюдением законности, опираясь на экспертный потенциал совета. Важно, чтобы этот диалог базировался на четкой нормативной регламентации и уважении независимости каждого из институтов. Институциональный диалог, начавшийся как вынужденная мера компенсации отсутствия региональных конституционных судов, в перспективе может стать устойчивым элементом механизма реализации конституционных норм на местах⁴².

В Республике Башкортостан основным направлением взаимодействия Конституционного совета с иными субъектами является укрепление конституционной законности в Республике, совершенствование законодательства Республики, правовое просвещение населения⁴³. В Республике Татарстан «Конституционный совет осуществляет взаимодействие с государственными органами в форме проведения совместных мероприятий, участия руководителей государственных органов в заседаниях Конституционного совета, в работе постоянных и временных органов Конституционного совета. Члены Конституционного совета могут входить в состав и принимать участие в деятельности совещательных и рабочих органов, образуемых государственными органами»⁴⁴.

Нами не обнаружено соглашений между конституционными советами и органами прокуратуры, поскольку практика их заключения только складывается. Вместе с тем в субъек-

тах РФ делаются шаги по оформлению координационного взаимодействия Конституционных советов с другими правозащитными структурами — общественными и торгово-промышленными палатами, уполномоченными по правам, профсоюзами и др.⁴⁵ Весьма показательным для нашего исследования стало Соглашение о взаимодействии Конституционного совета с Минюстом Республики Татарстан, подписанное в 2024 г. «в целях укрепления конституционной законности, сохранения и развития конституционных ценностей в Республике Татарстан как субъекте РФ, обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения на территории республики, содействия правовому просвещению, формирования и развития правовой культуры населения республики, научно-методического обеспечения развития конституционного законодательства республики»⁴⁶. Формы взаимодействия сторон по этому Соглашению включают: информационное взаимодействие; совместную организацию и проведение конференций, семинаров, круглых столов, дискуссий; совместную организацию и проведение мероприятий по правовому просвещению населения; подготовку предложений по совершенствованию законодательства; создание в случае необходимости межведомственных рабочих групп для координации взаимодействия; участие в работе постоянных и временных органов (комиссий); оказание методической помощи по вопросам взаимодействия; иные мероприятия в соответствии с достигнутыми договоренностями (п. 3.1). По обоюдному согласию сторон для реализации

⁴² Курятников В. В. Является ли статус конституционных (уставных) советов субъектов РФ конституционно-правовым? // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 3.

⁴³ Ст. 26 Регламента Конституционного совета Республики Башкортостан : утв. решением Конституционного совета Республики Башкортостан от 15.03.2023 № 1-П // URL: <https://gsrb.ru/ru/organization/konst-sovet/> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴⁴ Ст. 45 Регламента Конституционного совета Республики Татарстан : утв. решением Конституционного совета Республики Татарстан от 11.10.2023 № 2-П // URL: <https://konsov.tatarstan.ru/reglament-konstitutsionnogo-soveta-respubliki.htm> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴⁵ Перечень заключенных соглашений о взаимодействии по состоянию на 2 апреля 2025 г., см., например: URL: <https://konsov.tatarstan.ru/soglasheniya-o-vzaimodeystvii.htm> (дата обращения: 02.04.2025).

⁴⁶ Соглашение о взаимодействии от 09.02.2024 // URL: <https://konsov.tatarstan.ru/soglasheniya-o-vzaimodeystvii.htm> (дата обращения: 31.03.2025).

настоящего Соглашения могут быть приняты планы совместной деятельности на определенный период (п. 3.2). По аналогичной схеме оформлено соглашение о взаимодействии этого совета с Управлением Минюста РФ по Республике Татарстан⁴⁷.

Очевидно, что предмет данных соглашений не выходит за рамки взаимодействия в узком значении этого термина (т.е. за рамки «координационного» взаимодействия сторон), тогда как актуальной представляется регламентация в соглашениях такого типа субординационного взаимодействия, которое способствовало бы прежде всего реализации решений конституционных (уставных) советов. В этом контексте целесообразно заключение соглашений между конституционными (уставными) советами и прокуратурами субъектов РФ — при условии регламентации как субординационного, так и координационного взаимодействия сторон. Подобный документ также мог бы регламентировать порядок взаимного информирования: например, прокуратура уведомляет совет о внесении протестов или представлений на нормативные акты, затрагивающие вопросы конституционности, а совет сообщает прокуратуре о принятых заключениях относительно противоречия актов конституции субъекта РФ. С целью повышения воздействия на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику целесообразно предусмотреть в соглашении механизм обмена информацией о принятии незаконных нормативных актов в субъектах РФ. Кроме того, соглашение может предусматривать проведение совместных рабочих встреч, создание совместных экспертных групп по анализу регионального законодательства, координацию действий по правовому просвещению. Формализация сотрудничества путем подписания соглашения повышает институциональную связанность субъектов взаимодействия и предсказуемость взаимодействия, что особенно важно в условиях новизны статуса конституционных советов и отсутствия устоявшейся практики их деятельности.

Решения ныне созданных конституционных советов, как уже отмечалось, носят рекомендательный характер: совет не уполномочен самостоятельно отменять или приостанавливать действие нормативных актов. Этот принципиальный момент определяет специфику правового взаимодействия советов с прокуратурой: для придания юридической силы выводам конституционного совета зачастую требуются последующие действия органов власти, в том числе — применение мер прокурорского реагирования. Например, прокурор вносит протест на незаконный нормативный акт в адрес органа, его принявшего, с требованием привести нормативный акт в соответствие с конституцией субъекта РФ. Наличие авторитетного заключения конституционного совета усиливает правовую позицию прокуратуры, включается механизм прокурорского реагирования: опираясь на заключение конституционного совета, прокурор побуждает законодательный (или иной издавший нормативный акт) орган принять меры по его изменению или отмене. В случае бездействия со стороны субъекта правотворчества региональные органы прокуратуры могут обратиться в суд общей юрисдикции с административным иском о признании данного нормативного акта недействующим. Таким образом, решение конституционного совета получает как бы второе дыхание через правоприменительные инструменты прокуратуры и суда, способные придать сформулированным в решении рекомендациям юридическую обязательность.

Традиционно прокуроры субъектов РФ ранее были наделены правом обращения в региональный конституционный суд с запросом о проверке конституционности закона субъекта РФ или акта регионального органа власти. После упразднения конституционных судов данная форма правового контроля, на наш взгляд, должна трансформироваться: вместо суда адресатом подобных обращений может выступать конституционный (уставный) совет. Отдельные региональные законодатели уже идут по этому

⁴⁷ Соглашение о взаимодействии от 01.02.2024 // URL: <https://konsov.tatarstan.ru/soglasheniya-ovzaimodeystvii.htm> (дата обращения: 31.03.2025).

пути. Так, Конституционный совет Республики Саха (Якутия) по обращению Прокурора Республики дает заключения о толковании Конституции Республики и о соответствии ей нормативных актов, принятых в Республике (ст. 3 Конституционного закона о Конституционном совете). Тем самым совместными действиями прокурора и конституционного совета этой Республики может быть эффективно обеспечена конституционная законность. Несмотря на то что федеральный законодатель привязал советы к законодательным (представительным) органам власти субъектов РФ, Конституционный совет Республики Татарстан всё же предстает как обособленный государственный орган способный активно взаимодействовать как с региональ-

ными органами прокуратуры, так и с другими правозащитными органами.

Перспективы совершенствования рассмотренного нами взаимодействия видятся в дальнейшей регламентации статуса конституционных (уставных) советов и механизмов их субординационного и координационного взаимодействия с органами прокуратуры. Возможна разработка типовых соглашений, которые будут предусматривать более четкие процедурные нормы, позволяющие прокурору напрямую обращаться в конституционный совет, а самому совету — направлять свои заключения на рассмотрение прокурора субъекта РФ для организации последним надзорных мер в целях реализации решений конституционного (уставного) совета.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев Е. А.* Механизм взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с органами публичной власти в сфере защиты прав и свобод личности: структурные признаки // Теория государства и права. — 2023. — № 1. — С. 24–33.
2. *Андреева Г. М.* Социальная психология. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 363 с.
3. *Березовская С. Г.* Сущность и основные характеристики правовых отношений в сфере прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2023. — № 3. — С. 122–131.
4. *Винокуров А. Ю.* Объекты и субъекты прокурорского надзора: проблемы законодательной идентификации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011. — № 3. — С. 23–26.
5. *Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р.* Конституционная юстиция субъектов Российской Федерации: шаг вперед, два шага назад // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 172–188.
6. *Зубович М. М.* О правовом взаимодействии субъектов правоотношений (на примере взаимодействия предпринимателей в экономико-правовом конфликте) // Вестник Бурятского университета. Серия 12, Юриспруденция. — 2006. — Вып. 2. — С. 245–251.
7. *Кабышев С. В.* Сохранение и укрепление ценностно-мировоззренческих основ современной российской юридической науки // Вестник Тюменского государственного университета. Серия «Социально-экономические и правовые исследования». — 2024. — Т. 10. — № 1. — С. 124–128.
8. *Комарова В. В.* Конституционная модель взаимодействия в конституционных актах современной России // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 11–19.
9. *Курятников В. В.* Конституционный (уставный) совет как специализированный орган правовой охраны конституции (устава) субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2024. — 293 с.
10. *Курятников В. В.* Полномочия конституционных (уставных) советов субъектов РФ как органов правовой охраны Основного закона // Вестник Тюменского государственного университета. Серия «Социально-экономические и правовые исследования». — 2023. — Т. 9. — № 1. — С. 92–108.
11. *Курятников В. В.* Является ли статус конституционных (уставных) советов субъектов РФ конституционно-правовым? // Журнал конституционного правосудия. — 2023. — № 3. — С. 17–20.

12. Митусова И. А. Региональный конституционный контроль в свете конституционной реформы 2020 года // Гражданин. Выборы. Власть. — 2022. — № 1. — С. 40–49.
13. Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2016. — 480 с.
14. Прокурорский надзор : учебник и практикум для вузов / под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2025. — 483 с.
15. Семенов А. С. Взаимодействие прокуратуры с органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере обеспечения законности : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 270 с.
16. Таранцова Д. В. Взаимодействие российской прокуратуры и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в сфере защиты прав человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 30 с.
17. Тихалева Е. Ю. Конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации: правовой статус // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юрид. форума, 6–8 апреля 2023 г. : в 3 ч. — М. : Московский государственный юрид. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. — С. 307–309.

Материал поступил в редакцию 5 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseenko E. A. Mekhanizm vzaimodeystviya prokuratury Rossiyskoy Federatsii s organami publichnoy vlasti v sfere zashchity prav i svobod lichnosti: strukturnye priznaki // Teoriya gosudarstva i prava. — 2023. — № 1. — S. 24–33.
2. Andreeva G. M. Sotsialnaya psikhologiya. — М.: Aspekt Press, 2017. — 363 s.
3. Berezovskaya S. G. Sushchnost i osnovnye kharakteristiki pravovykh otnosheniy v sfere prokurorskogo nadzora // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. — 2023. — № 3. — S. 122–131.
4. Vinokurov A. Yu. Obekty i subekty prokurorskogo nadzora: problemy zakonodatelnoy identifikatsii // Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. — 2011. — № 3. — S. 23–26.
5. Gataullin A. G., Zaynutdinov D. R. Konstitutsionnaya yustitsiya subektov Rossiyskoy Federatsii: shag vpered, dva shaga nazad // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2025. — Т. 20. — № 3. — S. 172–188.
6. Zubovich M. M. O pravovom vzaimodeystvii subektov pravootnosheniy (na primere vzaimodeystviya predprinimateley v ekonomiko-pravovom konflikte) // Vestnik Buryatskogo universiteta. Seriya 12, Yurisprudentsiya. — 2006. — Vyp. 2. — S. 245–251.
7. Kabyshev S. V. Sokhranenie i ukreplenie tsennostno-mirovozzrencheskikh osnov sovremennoy rossiyskoy yuridicheskoy nauki // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya». — 2024. — Т. 10. — № 1. — S. 124–128.
8. Komarova V. V. Konstitutsionnaya model vzaimodeystviya v konstitutsionnykh aktakh sovremennoy Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — Т. 18. — № 10. — S. 11–19.
9. Kuryatnikov V. V. Konstitutsionnyy (ustavnyy) sovet kak spetsializirovanny organ pravovoy okhrany konstitutsii (ustava) subekta Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2024. — 293 s.
10. Kuryatnikov V. V. Polnomochiya konstitutsionnykh (ustavnykh) sovetov subektov RF kak organov pravovoy okhrany Osnovnogo zakona // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya». — 2023. — Т. 9. — № 1. — S. 92–108.
11. Kuryatnikov V. V. Yavlyaetsya li status konstitutsionnykh (ustavnykh) sovetov subektov RF konstitutsionno-pravovym? // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. — 2023. — № 3. — S. 17–20.
12. Mitusova I. A. Regionalnyy konstitutsionnyy kontrol v svete konstitutsionnoy reformy 2020 goda // Grazhdanin. Vybery. Vlast. — 2022. — № 1. — S. 40–49.

13. Panchenko V. Yu. Pravovoe vzaimodeystvie kak vid sotsialnoy kommunikatsii: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2016. — 480 s.
14. Prokurorskiy nadzor: uchebnyy i praktikum dlya vuzov / pod red. A. F. Smirnova, A. A. Usacheva. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurayt, 2025. — 483 s.
15. Semenov A. S. Vzaimodeystvie prokuratury s organami gosudarstvennoy vlasti i organami mestnogo samoupravleniya v sfere obespecheniya zakonnosti: dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2015. — 270 s.
16. Tarantsova D. V. Vzaimodeystvie rossiyskoy prokuratury i Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii v sfere zashchity prav cheloveka i grazhdanina: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2013. — 30 s.
17. Tikhaleva E. Yu. Konstitutsionnye (ustavnye) sovety subektov Rossiyskoy Federatsii: pravovoy status // Ustoychivoe razvitie Rossii: pravovoe izmerenie: sbornik dokladov X Moskovskogo jurid. foruma, 6–8 aprelya 2023 g.: v 3 ch. — M.: Moskovskiy gosudarstvennyy jurid. un-t imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2023. — S. 307–309.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.178-187

Л. Е. Коробка*

Цифровая трансформация в области обращения с отходами потребления: теоретико-правовые аспекты

Аннотация. Область обращения с отходами потребления выступает одним из наиболее актуальных направлений государственной экологической политики, которое развивается путем внедрения современных инновационных цифровых технологий. Цифровые технологии способствуют формированию нового условия для обеспечения доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления — цифрового пространства. В связи с этим установленная документами стратегического планирования задача по цифровой трансформации в экологической сфере повлекла за собой множество спорных вопросов как на доктринальном, так и на законодательном уровне. В целях восполнения пробелов в правовом поле исследование цифровой трансформации в области обращения с отходами потребления предлагается проводить через призму нового для теоретического осмысления научного подхода — правовой диффузии. В статье раскрываются фундаментальные положения, способствующие правовой диффузии. Показаны реальные и потенциальные последствия применения данного научного подхода. Выявлена перспективная парадигма восприятия условий взаимодействия участников правоотношений по обеспечению доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления — прозрачность.

Ключевые слова: цифровая трансформация; экологическая информация; отходы потребления; правовая диффузия; прозрачность; система обращения с отходами; цифровизация; цифровые технологии; право; актуальные проблемы; стратегическое планирование.

Для цитирования: Коробка Л. Е. Цифровая трансформация в области обращения с отходами потребления: теоретико-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 178–187. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.178-187.

© Коробка Л. Е., 2025

* Коробка Лера Евгеньевна, ассистент кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
Lera_korobka@mail.ru

Digital Transformation in the Field of Consumer Waste Management: Theoretical and Legal Aspects

Lera E. Korobka, Assistant, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
Lera_korobka@mail.ru

Abstract. The field of consumer waste management is one of the most relevant areas of state environmental policy, which is actively developing through the introduction of modern innovative digital technologies. In turn, digital technologies contribute to the formation of a new condition for ensuring access to environmental information in the field of consumer waste management — the digital space. In this regard, the task of digital transformation in the environmental sphere established by strategic planning documents has given rise to many controversial issues both at the doctrinal and legislative levels. In order to fill the gaps that have arisen in the legal field, it is proposed to conduct a study of digital transformation in the field of consumer waste management through the prism of a scientific approach that is new today for theoretical understanding, namely legal diffusion. The paper reveals the fundamental principles contributing to legal diffusion. The real and potential consequences of applying this scientific approach are shown. A new promising paradigm for perceiving the conditions of interaction between participants in legal relations to ensure access to environmental information in the field of consumer waste management has been identified, namely transparency.

Keywords: digital transformation; environmental information; consumer waste; legal diffusion; transparency; waste management system; digitalization; digital technologies; law; current issues; strategic planning.

Cite as: Korobka LE. Digital Transformation in the Field of Consumer Waste Management: Theoretical and Legal Aspects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):178-187. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.178-187.

Обращение с отходами потребления — одно из наиболее актуальных направлений государственной экологической политики. Основываясь на положениях цифровой трансформации¹ и концепции открытости государственного экологического управления², оно активно развивается путем внедрения современных инновационных цифровых технологий.

Потребность в цифровой трансформации в сфере обращения с отходами обусловлена многими факторами. Один из основных — область обращения с отходами потребления, находясь на стыке решения социальных, экономических и других вопросов, имеет недостаточно высокий

уровень «цифровой зрелости», что существенно влияет на обеспечение целостности, полноты, объективности, измеримости, актуальности, открытости и сопоставимости данных (сведений, показателей) экологической информации в области обращения с отходами потребления.

Информационная составляющая, а именно прозрачность экологической информации, в первую очередь нацелена на эффективную борьбу со значительным объемом образования отходов потребления, которые в большинстве своем вывозятся либо на полигоны отходов, где мощности исчерпаны, либо размещаются на стихийных несанкционированных свалках, не отвечающих установленным законодатель-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 15.12.2023 № 3664-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, относящейся к сфере деятельности Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. IV). Ст. 280.

² Ведомственный план Минприроды России по реализации Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти на 2023 год (утв. Минприроды России 31 мая 2023 г. № 20/12) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2024).

ством санитарно-техническим и экологическим требованиям.

Данные обстоятельства предопределили потребность в установлении приоритетных задач по совершенствованию комплексной системы обращения с отходами потребления:

— формирование экономики замкнутого цикла (ЭЗЦ), базирующейся на модели устойчивого социо-эколого-экономического развития, в которой отходы потребления выступают в роли вторичных ресурсов (сырья), которые путем применения наилучших доступных технологий, ведения экономически и экологически эффективного производства и потребления рационально используются и возвращаются в хозяйственный оборот;

— внедрение расширенной ответственности производителя (РОП), а именно механизма экономического регулирования, направленного на стимулирование производителей и импортеров к ответственному обращению с отходами после утраты потребительских свойств произведенными или ввезенными ими товарами и упаковкой;

— создание цифрового пространства, а именно применение инновационных цифровых технологий, что существенно влияет на повышение уровня обеспечения доступа к экологической информации при обращении с отходами потребления.

Первые две задачи — по формированию модели ЭЗЦ и введению механизма РОП — не выходят за рамки правового регулирования природоохранного законодательства.

Установление перспективной задачи по цифровой трансформации приводит к возникновению на доктринальном уровне экологического

права множества неоднозначных вопросов, которые в первую очередь связаны с установлением преимущества в регулировании обеспечения доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления между различными отраслями права. Вопросы обеспечения доступа к данной информации не только урегулированы положениями природоохранного³, информационного⁴ и специального законодательства в области обращения с отходами производства и потребления⁵, но и одновременно тесно связано с конституционными основами⁶, закрепляющими наряду с другими экологическими правами право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

Тем не менее вопросам цифровой трансформации экологической отрасли, в частности области обращения с отходами потребления, уделено внимание лишь на уровне документов стратегического планирования⁷. Прямого закрепления в базовых нормативных правовых актах, посвященных природоохранному регулированию, вопросов цифровой трансформации не имеется. Возможно, это обусловлено тем, что данная область отношений находится на стадии становления, развития и совершенствования.

Цифровая трансформация для экологической сферы, в частности области обращения с отходами потребления, с учетом постоянно нарастающих вызовов и угроз становится неизбежной, так как цифровые технологии существенно повышают уровень обеспечения доступа к экологической информации. В условиях режима реального времени сведения экологической информации оперативно передаются от цифро-

³ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

⁵ Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

⁶ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁷ Например: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074 ; Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901 ; Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических

вых источников сбора к центрам обработки информации, а далее от них — к пользователям⁸. Подобный механизм информационного обмена предопределяет роль информационного и цифрового права. Однако для эффективного внедрения в область обращения с отходами потребления цифровых технологий, которые реально выполняли бы задачи, установленные в рамках государственной экологической политики, необходимо руководствоваться базовыми для данного направления нормами природоохранного и специального законодательства.

В связи с тем, что «информация», «цифровая технология», «цифровое пространство» становятся ключевыми категориями при реализации государственной политики, охватывают все сферы общественной жизни человека и становятся общим знаменателем в каждой отрасли права, возникает необходимость в установлении единого подхода.

Так, в условиях цифровой трансформации формируется новый межотраслевой комплексный подход к правовому регулированию правоотношений по обеспечению доступа к экологиче-

ской информации в области обращения с отходами потребления — правовая диффузия, которая не влечет за собой межотраслевую борьбу за первенство между информационным, цифровым, экологическим и иным правом, а проявляется в способности взаимного и стихийного проникновения норм отдельных отраслей права.

Несмотря на то что правовая диффузия фактически позволяет раскрыть суть правовых изменений в быстро развивающихся условиях, данное явление пока не нашло своего широкого теоретического и практического исследования в научной среде⁹.

В праве данное явление стало возможным благодаря развитию цифровых технологий, что подтверждается отдельными высказываниями ученых, согласно которым цифровизация катализирует стирание граней между отраслями права¹⁰.

При определении сущности значения «диффузии» (от лат. *diffusio* — «распространение», «растекание») было бы неверно обойти стороной толкование данного слова, которое можно найти в словаре русского языка С. И. Ожегова¹¹,

задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584; распоряжение Правительства РФ от 15.12.2023 № 3664-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, относящейся к сфере деятельности Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. IV). Ст. 280.

⁸ См.: Заславская Н. М. Качество окружающей среды как критерий оценки эффективности государственного экологического управления в цифровом обществе // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 5. С. 94–106.

⁹ См.: Доронина Н. Г. Диффузия в праве как направление унификации международного частного права: к вопросу об объекте информационного права // Журнал российского права. 2015. Т. 3. № 5. С. 125–134; Ильченко Т. Ю. Диффузия права: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 42–50; Семилютин Н. Г. Глобализация международных хозяйственных связей, информационные технологии и выход на новый уровень диффузии в праве // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 134–141; Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Диффузия экологических прав: конституционно-правовой аспект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9. С. 140–152.

¹⁰ См.: Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 12.

¹¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка : около 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1975. С. 154.

в советском энциклопедическом словаре¹², а также, например, в экологической энциклопедии¹³. Каким бы набором описательных признаков ни характеризовался данный термин, главная смысловая нагрузка диффузии заключается в «проникновении», «распределении», «рассеивании» и «выравнивании» каких-либо веществ при их соприкосновении.

В связи с этим интерес вызывает проводимое в доктрине экологического права исследование в отношении регулирования конституционного права каждого на достоверную экологическую информацию, в рамках которого диффузия в праве рассматривается как «процесс»¹⁴ «проникновения», «распределения», «рассеивания», но уже правовых норм.

Исследование через подход правовой диффузии выражается в том, что в условиях цифровой трансформации правоотношения по обеспечению доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления, правовое регулирование которых в большинстве своем осуществляется базовыми положениями природоохранного законодательства, подвергаются «проникновению» в них норм и требований информационного, цифрового и иного права, что в нынешнее время неизбежно. В таком случае возникает не «экологизации» норм, а именно «проникновение» (диффузия) при возникновении «соприкосновения» норм различных отраслей в отношении одного вопроса, что и выступает особенностью данных правоотношений.

Подобное высказывание обусловлено присутствующими информационному праву особенностями. Ученые, определяя место информационного права в системе российского права, отмечают,

что данная отрасль, распространяясь на одну из областей деятельности государства, тесно соприкасается с конституционным, административным и другими отраслями права¹⁵, а также при решении проблем информации и информатизации, возникающих в социальной сфере, через нормы, регулирующие отрасль информационного права, дает обратную связь всем остальным структурам права¹⁶. Тем самым информационное право выступает связующим звеном среди всех отраслей права, нормы которого посредством «диффузии» позволяют урегулировать возникающие на сегодняшний день проблемы формирования цифрового пространства в отдельных социально значимых направлениях, а к таковым относятся и вопросы, направленные на решение экологических проблем.

В связи с тем, что процесс цифровой трансформации напрямую влияет на вопрос по обеспечению доступа к экологической информации, который непосредственно относится к проблемам информации и информатизации, данный вывод по аналогии можно применить и к исследуемой проблематике.

Например, через отрасли информационного и цифрового права посредством соприкосновения норм, которое обеспечивается благодаря расширению информационного пространства, возникает связь со всеми иными структурами права в регулировании обеспечения доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления, напрямую относящегося к отрасли экологического права. При таких условиях «диффузия» возникает в момент соприкосновения норм различных отраслей права, регулирующих одну и ту же предметную область, в данном случае посвященную обеспе-

¹² Советский энциклопедический словарь : около 80 000 слов / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1980. С. 403.

¹³ Экологическая энциклопедия : в 6 т. / редкол.: В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев [и др.]. М. : Энциклопедия, 2009. Т. 2. С. 213.

¹⁴ См.: Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Диффузия экологических прав: конституционно-правовой аспект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9. С. 142.

¹⁵ См.: Чеботарева А. А. Информационное право : учеб. пособие М. : Юридический институт МИИТ, 2014. С. 36.

¹⁶ См.: Бачило И. Л. Информационное право : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 36.

чению доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления.

Диффузия права подразумевает, что правовые системы зависимы друг от друга, и потому проникание одних правовых норм в другие происходит в определенной степени стихийно в силу взаимозависимости правовых институтов и систем. Возникает системная взаимосвязь отдельной отрасли со всеми другими отраслями права в единой правовой системе, при которой, по сути, диффузия является одним из способов унификации права.

Несмотря на то что диффузия помогает раскрыть суть правовых изменений в экологической сфере в условиях быстро развивающихся цифровых технологий как такового в доктрине экологического права теоретических исследований в отношении данного явления практически нет.

Однако в рамках исследуемого вопроса стоит отметить, что за счет правовой диффузии процесс цифровой трансформации оказывает существенное воздействие на эффективность совершаемых информационных процессов в целях повышения ответственности, достоверности и улучшения функций экологического управления, в том числе повышения информированности, использования данных для принятия экологически значимых решений на отдельных стадиях обращения с отходами потребления. Следовательно, правовая диффузия при осуществлении государственной экологической политики в сфере правового регулирования области обращения с отходами потребления позволяет раскрыть суть правовых изменений цифровой трансформации отрасли, предусмотренной документами стратегического планирования.

В связи с этим предлагается выделить некоторые фундаментальные положения, способствующие правовой диффузии.

В первую очередь к числу таковых относится запустившийся на сегодняшний день за счет внедрения в область обращения с отходами

потребления цифровых технологий, процесс формирования цифрового пространства.

Главная задача цифровых технологий заключается в повышении эффективности следующего: во-первых, осуществления отдельных информационных процессов (например, накопления, хранения, анализа, обработки), которые непосредственно влияют на качество экологической информации, подлежащей предоставлению заинтересованному участнику в области обращения с отходами потребления, распространению среди общественности, сбору со стационарных, передвижных пунктов наблюдения и передачи на цифровые источники; во-вторых, непосредственно функционирования и эксплуатации цифровых источников экологической информации; в-третьих, осуществления организационно-правовых мер, направленных на обеспечение доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления.

Применение в области обращения с отходами потребления цифровых технологий и средства их обеспечения (например, искусственный интеллект, технологии работы с большими данными, технологии беспилотного летательного аппарата) становятся ключевой составляющей для формирования цифрового пространства данной сферы, которое, в свою очередь, необходимо для достижения в рамках документов стратегического планирования целевого состояния на период 2024–2030 гг. по формированию единого цифрового пространства экологической отрасли в целом¹⁷.

При внедрении цифровых технологий обмен экологической информацией осуществляется практически непрерывно. Передача экологической информации в режиме реального времени позволяет ей оставаться полной, актуальной и достоверной. Тем самым формируется цифровое пространство, где создаются новые условия транспарентности для обеспечения доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления.

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 15.12.2023 № 3664-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, относящейся к сфере деятельности Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. IV). Ст. 280.

Следовательно, еще одно фундаментальное положение, способствующее правовой диффузии, — транспарентность, правовая сущность которой на сегодняшний день является сложной и заключается в многоуровневости и многоаспектности. Несмотря на то что в публично-правовых науках однозначное место данного явления пока не определено, факт его существования в условиях цифровой трансформации крайне сложно опровергнуть.

Основное значение транспарентности — «прозрачность», то есть такое состояние среды, где на пути к познанию какого-либо объекта не возникает препятствий¹⁸.

Несмотря на существующую в научной среде дискуссионность в отношении данной категории, транспарентность позволяет отражать динамику развития правоотношений по обеспечению доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления и специфику этой информации.

В условиях цифровой трансформации транспарентность влияет на формирование в науке экологического права новой парадигмы восприятия и правового регулирования обеспечения доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления.

Обусловлено данное высказывание тем, что при формировании цифрового пространства в области обращения с отходами потребления транспарентность находит свое проявление, с одной стороны, как новое условие для взаимодействия между участниками экологических правоотношений, с другой — как специфическое свойство (признак) экологической информации.

Так, потребность в транспарентности как главном факторе, обеспечивающем эффективность отрасли обращения с отходами потреб-

ления в условиях цифровой трансформации, сформировалась в связи со сбором в цифровом формате текущих сведений (данных) в области обращения с отходами потребления. Далее на их основе в установленном порядке были созданы территориальные схемы регионов страны, где содержалась данная информация об источниках образования отходов. Затем была построена единая электронная модель федеральной схемы обращения с отходами, отражающая текущее и перспективное состояние отрасли, которая учитывает межрегиональное взаимодействие и гармонизирует развитие отрасли.

Транспарентность как условие взаимодействия между участниками экологических правоотношений возникает, например, при осуществлении посредством применения цифровых технологий отдельных организационно-правовых мер, направленных на обеспечение доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления.

Так, в рамках организации проверок на объектах размещения отходов потребления на предмет соблюдения требований природоохранного законодательства или исследования земельных участков на предмет обнаружения несанкционированных свалок отходов без участия конкретного субъекта соответствующие территории оцифровываются посредством применения беспилотных летательных аппаратов¹⁹ с последующей передачей данных (показателей) непосредственно на цифровые источники экологической информации, что позволяет оперативно и качественно осуществить процесс сбора экологической информации.

Следовательно, возникает возможность в режиме реального времени наблюдать за экологической обстановкой на всей территории страны и непрерывно реагировать на экологические

¹⁸ См.: Коробка Л. Е. Принцип транспарентности в экологическом праве : монография / под ред. Н. Д. Вершило. М. : Проспект, 2020. С. 44–45.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 20.01.2024 № 32 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидии в виде имущественного взноса в публично-правовую компанию по формированию комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами «Российский экологический оператор» на обеспечение достижения отдельных результатов федерального проекта «Стимулирование спроса на отечественные беспилотные авиационные системы» национального проекта «Беспилотные авиационные системы» // СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 686.

проблемы, а также своевременно принимать управленческие решения.

Роль и значимость прозрачности прослеживается также, например, в использовании интегративных аналитических панелей (дашбордов) или интерактивных карт, которые за счет визуализации могут выступать отдельной формой доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления, содержащейся в федеральных информационных системах²⁰, государственных реестрах²¹, электронной модели территориальной схемы в области обращения с отходами²². Опыт применения подобной формы имеется на региональном уровне в части отражения информации по несанкционированному размещению свалок отходов²³.

Следовательно, прозрачность как специфическое свойство (признак) экологической информации в области обращения с отходами потребления находит проявление в возможности отдельных сведений (данных, показателей) подвергаться дигитализации (оцифровке) посредством применения новейших цифровых технологий.

В связи с этим прозрачность выступает основополагающим началом в достижении цели по обеспечению свободного, устойчивого, безопасного информационного взаимодействия между органами государственной власти, органами местного самоуправления, гражданами, бизнесом²⁴.

В заключение следует отметить, что для совершенствования механизма обеспечения доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления процесс цифровой трансформации открывает новые возможности: во-первых, по повышению уровня прозрачности экологической информации в области обращения с отходами потребления и достоверности, актуальности и полноты отдельных входящих в ее состав сведений (например, данных по объемам, видам, классу опасности и морфологии отходов, конкретному виду деятельности в отношении отходов, механизму учета и контроля потоков отходов потребления и др.); во-вторых, по созданию единого цифрового пространства, обеспечивающего информационный обмен в области обращения с отходами потребления посредством функционирования отраслевых федеральных государственных информационных систем, а также сбора информации и предоставления обратной связи в области обращения с отходами потребления, в том числе по выявлению и ликвидации несанкционированных свалок отходов.

Таким образом, исследование цифровой трансформации на примере обеспечения доступа к экологической информации в области обращения с отходами потребления посредством применения правовой диффузии позволяет раскрыть суть правовых изменений экологической отрасли и предопределить развитие национальной правовой системы в целом.

²⁰ См., например: ФГИС УТКО // URL: <https://utko.mnr.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2024); ФГИС «Наша природа» // URL: <https://priroda-ok.ru/#/> (дата обращения: 01.04.2024).

²¹ ГРОПО // URL: <https://rpn.gov.ru/activity/regulation/kadastr/groro/map.php> (дата обращения: 01.04.2024).

²² Электронная модель территориальной схемы содержит интерактивную карту субъекта Российской Федерации. См.: Проект постановления Правительства РФ (доработанный текст) «О разработке, рассмотрении, общественном обсуждении, утверждении, корректировке территориальных схем в области обращения с отходами производства и потребления, в том числе с твердыми коммунальными отходами, а также о требованиях к составу и содержанию таких схем и признании утратившими некоторых актов Правительства Российской Федерации» (по состоянию на 13 сентября 2023 г.) (подготовлен Минприроды России, ID проекта 02/07/07-23/00140402).

²³ Постановление Правительства МО от 17.11.2020 № 864/38 «О внесении изменений в постановление Правительства Московской области от 22.12.2016 № 984/47 “Об утверждении территориальной схемы обращения с отходами, в том числе твердыми коммунальными отходами, Московской области”» // Информационный вестник Правительства МО. 2021. № 4.

²⁴ Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // СЗ РФ. 2024. № 13. Ст. 1837.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бачило И. Л.* Информационное право : учебник для вузов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2024. — 419 с.
2. *Доронина Н. Г.* Диффузия в праве как направление унификации международного частного права: к вопросу об объекте информационного права // Журнал российского права. — 2015. — Т. 3. — № 5. — С. 125–134.
3. *Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г.* Диффузия экологических прав: конституционно-правовой аспект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 9. — С. 140–152.
4. *Заславская Н. М.* Качество окружающей среды как критерий оценки эффективности государственного экологического управления в цифровом обществе // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2023. — № 5. — С. 94–106.
5. *Ильченко Т. Ю.* Диффузия права: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2016. — № 4 (49). — С. 42–50.
6. *Коробка Л. Е.* Принцип прозрачности в экологическом праве : монография / под ред. Н. Д. Вершило. — М. : Проспект, 2020. — 128 с.
7. *Семилютин Н. Г.* Глобализация международных хозяйственных связей, информационные технологии и выход на новый уровень диффузии в праве // Журнал российского права. — 2015. — № 5. — С. 134–141.
8. Советский энциклопедический словарь : около 80 000 слов / гл. ред. А. М. Прохоров. — М. : Советская энциклопедия, 1980. — 1600 с.
9. *Талапина Э. В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. — 2018. — № 2. — С. 5–17.
10. *Чеботарева А. А.* Информационное право : учеб. пособие. — М. : Юридический институт МИИТ, 2014. — 160 с.
11. Экологическая энциклопедия : в 6 т. / редкол.: В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев [и др.]. Т. 2. — М. : Энциклопедия, 2009. — 448 с.

Материал поступил в редакцию 28 января 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Bachilo I. L.* Informatsionnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurayt, 2024. — 419 s.
2. *Doronina N. G.* Diffuziya v prave kak napravlenie unifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava: k voprosu ob obekte informatsionnogo prava // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2015. — T. 3. — № 5. — S. 125–134.
3. *Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G.* Diffuziya ekologicheskikh prav: konstitutsionno-pravovoy aspekt // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2019. — № 9. — S. 140–152.
4. *Zaslavskaya N. M.* Kachestvo okruzhayushchey sredy kak kriteriy otsenki effektivnosti gosudarstvennogo ekologicheskogo upravleniya v tsifrovom obshchestve // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. — 2023. — № 5. — S. 94–106.
5. *Ilchenko T. Yu.* Diffuziya prava: k voprosu o ponyatii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2016. — № 4 (49). — S. 42–50.

6. Korobka L. E. Printsip transparentnosti v ekologicheskom prave: monografiya / pod red. N. D. Vershilo. — M.: Prospekt, 2020. — 128 s.
7. Semilyutina N. G. Globalizatsiya mezhdunarodnykh khozyaystvennykh svyazey, informatsionnye tekhnologii i vykhod na novyy uroven diffuzii v prave // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2015. — № 5. — S. 134–141.
8. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar: okolo 80 000 slov / gl. red. A. M. Prokhorov. — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. — 1600 s.
9. Talapina E. V. Pravo i tsifrovizatsiya: novye vyzovy i perspektivy // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 2. — S. 5–17.
10. Chebotareva A. A. Informatsionnoe pravo: ucheb. posobie. — M.: Yuridicheskiy institut MIIT, 2014. — 160 s.
11. Ekologicheskaya entsiklopediya: v 6 t. / redkol.: V. I. Danilov-Danilyan, K. S. Losev [i dr.]. T. 2. — M.: Entsiklopediya, 2009. — 448 s.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.



KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!



Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 9 (178) сентябрь 2025

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471



9 771994 147002